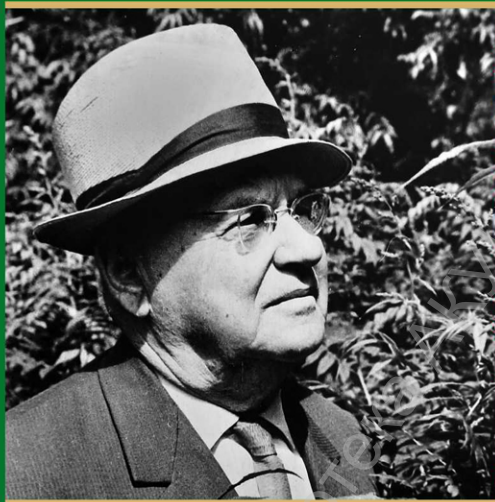

МИХАИЛ ЛИСАВЕНКО

Наталья Теплякова, Сергей Тепляков

АЛТАЙ • СУДЬБА • ЭПОХА

Уважаемые читатели!

Новое издание серии «Алтай. Судьба. Эпоха» посвящено жизни и деятельности известного ученого-садовода, выдающегося селекционера, основателя промышленного садоводства в Сибири Михаила Афанасьевича Лисавенко.

Человек с непростой судьбой, он всю свою жизнь посвятил любимому делу. Не зря его называли «сибирским Мичуриным». Селекция требует от человека невероятной работоспособности, проницательности и исследовательского таланта. И все эти качества блестяще сочетались с упорным характером героя этой книги, который стал основателем и бессменным руководителем Алтайской опытной станции. Под руководством Михаила Афанасьевича не только создавались новые сорта плодовых, ягодных, цветочных, декоративных культур, но и была сформирована уникальная научная школа выдающихся ученых. И даже в годы Великой Отечественной войны здесь продолжалась селекционная работа, на фронт отправлялись посылки с сушеными овощами и фруктами.

Большой заслугой Михаила Лисавенко, его учеников и садоводов Алтая стала также популяризация коллективного и приусадебного садоводства, селекция декоративных и цветочных культур, применение их в пищевой и фармацевтической отраслях промышленности нашего региона.

Уверен, что книга будет интересна широкому кругу читателей: и молодым ученым-селекционерам, и всем, кто интересуется историей Алтайского края.

Желаю приятного чтения.

Губернатор Алтайского края
В.П. Томенко

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

БАРНАУЛ
2023

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

Электронная библиотека АКУНБ, www.akunb.ru

МИХАИЛ ЛИСАВЕНКО

Наталья Теплякова, Сергей Тепляков

Электронная библиотека АКУНБ, eLIB.altlib.ru

*Книга из серии
«Алтай. Судьба. Эпоха»
подготовлена в рамках
губернаторского издательского проекта*

*Художественное оформление и дизайн
Ю. В. Раменская*

Теплякова Н. В., Тепляков С. А.

Т 345 Михаил Лисавенко / Наталья Теплякова, Сергей Тепляков ;
М-во культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им.
В. Я. Шишкова. — Барнаул ; Красноярск: Типография Юнисет,
2023. — 332 с. — (Алтай. Судьба. Эпоха).

ISBN 978-5-6048951-9-1

Новое издание серии «Алтай. Судьба. Эпоха» посвящено жизни и деятельности известного ученого-садовода, доктора сельскохозяйственных наук, профессора, академика Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), Героя Социалистического Труда, автора более 120 сортов плодовых и ягодных культур Михаила Афанасьевича Лисавенко.

Михаил Афанасьевич был бессменным руководителем Алтайской опытной станции садоводства (с 1973 г. — Научно-исследовательский институт садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко); он является автором более 300 научных работ.

Издание основано на редких архивных документах, письмах, дневниках М. А. Лисавенко, а также воспоминаниях людей, лично его знавших.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей и краеведением.

ISBN 978-5-6048951-9-1

ББК 85.143 (2Рос-4Алт)-8

© Теплякова Н. В., 2023

© Тепляков С. А., 2023

© КГБУ «Алтайская краевая универсальная
научная библиотека им. В. Я. Шишкова», 2023

ЗАВЕТНОЕ ЯБЛОЧКО

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

За широким письменным столом с резными ножками спиной к окну сидел мужчина лет сорока и что-то вдумчиво писал. С каждой новой строчкой он, сутулясь, опускался все ниже и от этого казался совсем невысокого роста. На секунду он резко выпрямлял спину, поправлял круглые очки и вновь погружался в свое письмо.

С первого взгляда можно было догадаться, что это работал увлеченный человек. Его не отвлекал тянувшийся из окна сладковатый воздух летнего вечера, не сбивали с мысли запахи и звуки из кухни, где хозяйка хлопотала о пирогах на поздний ужин. И даже залетевшая через окно пчела с пасеки осталась им незамеченной. Устав кружить над лысеющей макушкой, она приземлилась на край стола, где аккуратной стопкой лежали газеты и несколько десятков конвертов с письмами.

Человек за столом тяжело вздохнул. До самых краев заполнив лист мыслями, он перевернул его, отложил в сторону. Взял новый, принялся писать все размашистее и быстрее. Исписанных листов становилось все больше. Строчки невольно лезли в гору, цепляясь за острые запятые и подчеркивания. Наверное, опытный графолог по такому письму легко определит темперамент нашего героя. Но может ли почерк выдать судьбу человека? Передать то, как всю жизнь через горы испытаний ему приходилось карабкаться к своей, казалось бы, невероятной мечте?

В мгновения, когда требовалось подобрать нужное слово, автор опирался локтями на стол — подарок отца, которого всего через два года не будет в живых — репрессируют и расстреляют. Разве можно было тогда, в 1936 году, написать что-то лишнее за этим столом? Если дереву обрубают

корни, оно умирает. В лучшем случае, превращается в широкий деревянный стол с резными ножками. Или в руках опытного селекционера и сломанная веточка пустит корни? Приживется? А может ли человек жить без корней?

Погрузившись в воспоминания, на одном из перевернутых листочков автор что-то написал, а, возможно, даже нарисовал (он часто рисовал в своих блокнотах), но потом густо зачеркнул, превратив в загадочную кляксу. Разобрать теперь можно только три буквы — «ЛЕС».

...В возрасте 39 лет, сидя за письменным столом в своем новом доме в Ойрот-Туре писал автобиографию Михаил Афанасьевич Лисавенко. Невероятный труженик садоводства, талантливый селекционер, будущий академик, человек с непростой судьбой. Пожелтевшие пятнадцать листов той первой автобиографии сейчас хранятся в архиве Алтайского края. Но и этот уникальный документ не расскажет всю историю Лисавенко. Хотя бы даже потому, что в свои 39 лет он не знал, какие еще испытания уготовила ему судьба. А ведь уже пережито так много — сбежавшая жена, смерть единственного сына, арест отца, новая работа, первая яблоня, свой сад, знакомство с Мичуриным, переезд в Ойротию¹...

Свою первую большую автобиографию (не считаем маленькие анкеты, которые он писал при поступлении в университет и на заочные курсы Тимирязевской академии) Лисавенко написал в 1936 году. Молодой, но очень успешный Алтайский опорный пункт, который организовал и возглавил Михаил Афанасьевич, был утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Выставка должна была пройти в августе 1937 года в Москве, и, скорее всего, руководство запросило биографию талантливого руководителя-селекционера.

Несмотря на сложное время, в этот период Лисавенко чувствовал невероятный подъем. Остались считанные месяцы до долгожданного чуда: уже весной 1937 года должен был впервые зацвести его яблоневоый сад в Ойрот-Туре. И та пчела, что может вам показаться для красоты залетев-

¹ Ойротская автономная область (Ойротская АО) — административно-территориальная единица РСФСР, существовавшая с 1922 по 1948 год. Административный центр — город Ойрот-Тура (до 1932 года носил название Улала). С 1948 г. Горно-Алтайская автономная область), преобразована в автономную республику 25 октября 1990 г.

шей на первые страницы нашего повествования, — не литературный образ, она действительно была. Для скорейшего опыления деревьев Лисавенко держал рядом со станцией пасеку, пчелы были селекционеру-опытнику маленькими помощниками. Выставка, сад, новые деревья, хороший коллектив опорного пункта, который он собрал за пару лет и невероятно радовался его успеху, наконец-то свой дом...

Казалось, что все налаживалось. В одной из своих статей в конце 1936 года, радуясь успехам станции, он даже скажет такую фразу: «Товарищи, все это пока предисловие к большой книге об алтайском садоводстве, которую нам только предстоит в ближайшие годы написать».

Не только успехи садоводства, вся жизнь Лисавенко — удивительная история для книги.

Михаил Афанасьевич часто был героем советских очерков, но при этом не многое рассказывал о себе. Драгоценные воспоминания из детства можно как ребус разгадывать лишь в его дневниках — они написаны тонким карандашом, сложным почерком, и время безжалостно стерло многие слова. Зато он был очень бережлив к бумагам. Сохранились многие его рабочие документы и письма. Удивительные факты его биографии знает Ольга Александровна Баранова, заместитель директора по научной работе (1972–1994) НИИС им. М. А. Лисавенко. Она много общалась с близким другом Михаила Афанасьевича — Зинаидой Лучник — и сохранила ее воспоминания. Ольга Александровна, наверное, единственный человек, который прочитала все сохранившиеся письма к Лисавенко и наизусть знает некоторые его дневники. Для этой книги с нами согласилась поговорить давно ушедшая в затворничество приемная дочь Михаила Афанасьевича — Валентина Михайловна и еще несколько ветеранов Института, которые его помнят, лично с ним общались. Мы отыскиали и многие воспоминания о Лисавенко тех, кого уже нет в живых.

Но и, конечно, нам очень важно, чтобы главным рассказчиком этой истории был сам Михаил Афанасьевич — через свои записи, многочисленные письма и статьи. Некоторые

эпизоды его судьбы настолько яркие, что нам хотелось придать им не только публицистическую, но и литературную форму. Эти главы написаны по реальным воспоминаниям и документам, без авторских фантазий!

* * *

Авторы выражают искреннюю благодарность всем, кто помогал создать эту книгу: Министерству культуры Алтайского края, руководству и сотрудникам Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова, сотрудникам Государственного архива Алтайского края, редактору книги, доктору сельскохозяйственных наук Сергею Александровичу Макаренко.

Неоценимую помощь в создании книги оказали беседы с научным консультантом, кандидат сельскохозяйственных наук, ветераном НИИС Сибири им. М. А. Лисавенко Ольгой Александровной Барановой.

Отдельную благодарность авторы выражают редактору отдела литературных и издательских проектов Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. Шишкова Ирине Сергеевне Малышевой за помощь в обработке большого количества материала и литературной правке рукописи, а также корректору, дизайнеру и верстальщику издания.

В книгу вошли уникальные фотографии и воспоминания Валентины Михайловны Лисавенко и воспоминания Марии Павловны Фатериной.

КОРНИ

Глава первая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ДЕТСТВО

«Родился в октябре 1897 года в Боготольском Заводе б. Томской губернии (ныне Красноярского края). Отец по происхождению крестьянин, но самоучкой обучался грамоте и на военной службе, которую отбывал на Дальнем Востоке, был писарем, а по отбытии солдатчины и возвращении на родину, служил в боготольском лесничестве лесообъездчиком. В этой должности он затем служил в д. Мангале в том же боготольском районе, а когда мне было лет 5-6, переехал и поступил в Красноярский винокуренный завод, а оттуда в 1913 году в качестве десятника по лесозаготовкам на стройку Ачинск-Минусинской железной дороги, где и работал по 1927 год», — первые строчки из автобиографии М.А. Лисавенко [187].

Предположительно род Лисавенко оказался в Сибири в XIX веке. Известно, что прадед будущего академика, Михаил Лисавенко (в честь его и назвали героя нашей книги), был ссыльным крестьянином из Воронежской губернии.

Сам Михаил Афанасьевич в очерке «В последний месяц» рассказывал журналисту:

«Прадеда моего откуда-то с Украины за участие в восстании сослали в Сибирь на каторжный завод. Надо думать, что род наш был беспокойный и предприимчивый. Сужу по отцу» [187].

Есть факты, которые указывают, что прадед не сразу оказался в Енисейской губернии. В архивных документах о переселенцах в Сибирь мы нашли упоминание о крестьянине Михаиле Лисавенко, который проживал в селе Верхотомское Кузнецкого уезда. Это неподалеку от современного Кемерово. Возможно, там и был каторжный завод. Скорее всего, уже оттуда он перебрался в село Боготольский завод.

У ссыльного крестьянина Михаила Лисавенко было несколько сыновей. Уже в Енисейской губернии родился сын Афанасий — отец будущего академика.

Его дата рождения в документах разнится. Чаще всего встречается, что родился Афанасий Михайлович в 1879 году. Но на самом деле он был на семь лет старше — 1870 года

*Афанасий Михайлович Лисавенко.
Первое десятилетие XX в.*

рождения. В доказательство этому есть справка, где указано, что Афанасий служил в старой армии (на Дальнем Востоке в составе второй Восточной сибирской стрелковой бригады) с 1892 по 1897 год младшим писарем. Не мог он в 13 лет служить в армии писарем! Поэтому совершенно точно: он родился в 1870 году. Откуда же в документах взялся 1879 год? Одна из версий такая: когда в 1938 Афанасий Михайлович попал под репрессии, ему было уже 68 лет. Формально в силу возраста ему не грозил приговор с высшей мерой

наказания. Получается, его специально омолодили в документах на девять лет, чтобы применить высшую меру наказания.

Еще до армии Афанасий Михайлович Лисавенко женился на крестьянке Анастасии Алексеевне из бедняцкой семьи, она была моложе мужа на год, родилась в 1871 году.

Афанасий был очень крепким и толковым мужиком, сам выучился грамоте, умел писать, поэтому его и оставили в армии на сверхсрочную службу писарем. С супругой у него сложились довольно теплые отношения, оба были очень набожны. Понимая, что служить на Дальнем Востоке ему придется долго, из армии он пишет Анастасии Алексеевне письмо, чтобы она «оставила дочь на девок» — скорей всего он имел ввиду своих сестер. Точно известно, что в селе Боготольский завод, откуда он был призван, жила его мать и сестры, а вот отец умер достаточно рано.

Анастасия Алексеевна оставляет четырехмесячную дочь и едет к мужу в Хабаровск. Это обернулось трагедией: маленькая Лиза без материнского молока умирает.

Анастасия Алексеевна устраивается в военную часть, где служил муж, прачкой. В ноябре 1893 года в семье Лисавенко родилась дочь Мария. Ее метрическое свидетельство зарегистрировано в Хабаровске, в нем в графе «отец» указано «горной батарее канонир».

В одном из писем Михаил Афанасьевич говорит:

«Я был зачат на Дальнем Востоке и в чреве матери приехал в Боготол».

Семья Лисавенко (слева направо): отец Афанасий Михайлович со своей матерью Дарьей (сидит), супругой Анастасией Алексеевной и двумя молодыми девушками, возможно, племянницами. Первое десятилетие XX в.

Через пять лет (по старому стилю 20 сентября 1897 — по новому стилю 3 октября 1897 года) появился на свет и долгожданный сын. Его назвали в честь деда — Михаилом.

Итак, в 1897 году, спустя пять лет службы, семья Лисавенко возвращается в село Боготольский Завод. Кроме матери и сестер у Афанасия Михайловича здесь живут с семьями братья Николай, Иван и Петр (сын Николая Лисавенко — Афанасий Николаевич Лисавенко, 1894 года рождения, — вырастет и станет зампреда председателя колхоза «Красный борец»). Вообще фамилия

Лисавенко в Боготольском районе встречается нередко. Родных было как минимум несколько семей.

По данным госархива Красноярского края, к 1890 году в селе Боготольский завод насчитывалось более полутора сотен дворов. Жители села держали коз, овец, свиней, коров, выращивали пшеницу. На холме с южной стороны села возвышалась белоснежная церковь — часовня с колоколами, в которую на службу приезжал народ со всех окрестных деревень. Эта часовня Казанской Божьей матери до сих пор стоит на территории бывшего села. Афанасий Михайлович с супругой Анастасией Алексеевной постоянно здесь бывали. Сохранились воспоминания, что Афанасий помогал строить церковь в селе и даже пел в церковном хоре.

Отец будущего академика устраивается в Боготольское лесничество лесообъездчиком. На эту службу набирали из крестьян. Причем перед вступлением в должность требовалось, чтобы человек прочитал клятву в церкви. Главной задачей было следить за лесом: беречь от пожаров, смотреть, где и кто делает вырубку, вести учет валежника. Лесообъездчику полагалась лошадь, но также он много ходил пешком.

Просмотрев подшивки дореволюционных сибирских газет за 1890-1910 годы, мы нашли уникальный документ — это письмо Афанасия Лисавенко в редакцию газеты «Сибирская жизнь». Оно вышло в номере за 18 июля 1901 года, автор упрекает издание в необъективности. Из документа видно, насколько грамотным и принципиальным человеком был крестьянин Афанасий Лисавенко.

«Письмо в редакцию. Господин редактор! На основании 139 статьи Устава о цензуре и печати, покорнейше прошу вас не отказать поместить в вашей газете настоящее опровержение: в отделе корреспонденций №124 «Сиб. Жизни» за текущий год помещена на первой странице статья «Красноречинская волость», гласящая: «что лесная администрация слишком поздно приступает к тушению пожаров; несколько раз случалось, что в известной части поднималось облако дыма и исчезало спустя несколько дней или неделю, а 26-го мая, в самое горячее время, когда у многих не был еще окончен сев и началась

пахатьба на тушение пожара были вызваны все население: красноречинское-заводское (более 150 дворовъ) и до 60 мужинъ изъ соседнего села Красноречинскаго. Наконецъ, благодаря запоздалому тушению пожаровъ, и леса постепенно гибнуть и исчезают!».

26-го мая, действительно, былъ неизвестно кемъ зажженъ верхний покровъ почвы въ квартале №1, противъ села Красноречинскаго, в расстоянии отъ села в 5 верстахъ, который спустя 1-2 часовъ времени зажжения былъ замеченъ лесною стражею; для тушения его мною было немедленно взято изъ д. Завода Красноречинскаго 9-ть мужинъ, и огонь былъ утушен чрезъ 4-5 часовъ со времени начала его; выгоревшая площадь полторы-две десятины.

29-го мая въ объезде №5 вторично вспыхнулъ пожаръ отъ неизвестной причины во 2-мъ квартале, но былъ тотчасъ же потушен 8-ю человеками красноречинскаго населения. Пожар прошелъ около полторы десятины. И такъ где же это исчезновение лесовъ отъ пожаровъ въ объезде №5, про что трактуеть авторъ статьи в №124 «Сиб. Жизни»? Неужели пройденные огнемъ две с половиной десятины изъ 18 тысячъ десятинь моего объезда можно называть исчезновением лесовъ?!

Правда, противъ села Красноречинскаго чрезъ кварталъ №1-й 5 объезда въ чумымской лесной даче, ачинскаго лесничества, Енисейской губернии, приблизительно въ 10-12 верстахъ по прямому направлению отъ сюда, при были нынешнею весною около 15 семей переселенцевъ на новый участокъ и, въ виду обилия валежника на предполагаемыхъ пахотныхъ местахъ, они — переселенцы, для очистки пахотной площади, действительно, по несколько разъ зажигали эти поляны и дымъ отлично виденъ былъ, какъ изъ с. Красноречинскаго такъ и изъ Завода-Красноречинскаго, что и ввело, по всей вероятности, автора вышеупомянутой статьи въ заблуждение» [49]

Подписана статья: «Обвозчикъ пятого объезда боготольскаго лесничества Аф. Лисавенко. Завод Красноречинский.

Одна десятина — это 1.0925 га. Получается 18 000 десятин, это — почти 200 квадратных километров. За такую территорию леса отвечал Афанасий Лисавенко.

Это письмо показывает нам характер Афанасия: давать себя в обиду он не привык. И, конечно, здесь важно подметить, что работает он в 1901 году уже не в селе Боготольский Завод, а в Заводе Красноречинский. Уточним: в автобиографии Михаил Афанасьевич пишет, что отец работал на Красноярском винокуренном заводе — конечно, он имел в виду Красноречинский.

Этот факт подтверждает одну любопытную историю. Примерно в 1900 году Афанасий забрал детей и жену и решил отселиться от родни — захотел жить своей семьей.

Детскими воспоминаниями Михаил Лисавенко очень редко делился в письмах, но некоторые детали где-то проскальзывали, и их запомнила Ольга Александровна Баранова. Она рассказывает:

«Когда Михаилу было года три-четыре, отец запряг корову, посадил в телегу детей, и они поехали. Видимо, из Боготола в деревеньку неподалеку. В дороге корова пала. Мать плакала. Но они добрались на новое место. Афанасий был очень крепкий, работающий мужик. Ему хотелось заработать денег, чтобы поднять детей. Михаил Афанасьевич в автобиографии пишет, что отец устроился на Красноречинский винокуренный завод. Так, наверное, и случилось, но вместе с этим он постепенно завел хозяйство. У них было шесть коров. Позже он даже нанял в помощники двух работников — мужчину и женщину. Из молока Афанасий делал масло и продавал. У него была небольшая маслобойня. По некоторым документам можно догадаться, что потом у Лисавенко появилась своя лавка».

За эту лавку, торговлю маслом и двух наемных рабочих после революции Афанасия Лисавенко посадят в тюрьму, где он проведет несколько лет (сколько он был в тюрьме, точно не известно). В 1928 году Афанасия Лисавенко лишат избирательного права.

Учитывая тот факт, что по протоколам Афанасия сделали на девять лет моложе, с трудом можно верить документам допросов. В них отцу будущего академика приписывают богатства, которых, по всей видимости, он никогда не имел. Причем с каждым допросом богатств становится все больше.

Краевед Светлана Тирская в своей статье «Неизвестные страницы жизни Михаила Лисавенко» приводит материалы допроса Афанасия Лисавенко и тоже обращает внимание, что трудно в такое поверить:

«До революции мы имели с отцом (имеется в виду дед академика Лисавенко — авт.) помещичье хозяйство, имели несколько сот десятин земли и постоянных батраков по 20-30 человек, а также содержали кабак, после смерти отца до 1917 года я имел два дома... Имел маслодельный завод на котором держал рабочих пять человек, и магазин. Кроме этого имел домашних прислуг по 3-4 человека. Одновременно имел фруктовый сад в котором круглый год работали по 3-4 человека. Крупного рогатого скота имел 20 голов, лошадей 4, свиней 5 штук» (эта информация из допроса от 5 марта 1938-го, в допросе от 6 марта голов скота уже «более 20» — авт.)».

Внучатая племянница академика Лисавенко Ольга Овчинникова считает выдумкой следователей описанные богатства своего прадеда. Скорей всего, их приписали, чтобы завести статью. Не верит в десятки наемных рабочих и Ольга Александровна Баранова. А история о домашней прислуге — вообще какая-то небылица.

Как на самом деле жила семья Лисавенко в начале XX века? Разве можно спустя столько лет разгадать эту загадку? Попробуем.

ЖИВАЯ КАРТИНА: ЗАГАДКА

Миша открыл глаза — вынырнул из сна. Сердце билось как маленькая, пойманная на удочку, рыбка в ведре. Господи, спаси! Привидится же. На полотах в старом доме бабушки Дарьи, матери отца, он часто тонул в загадочных сновидениях. Вот сейчас ему приснилось, как он в белой рубашке поет в часовне на службе в Великий четверг Страстной седмицы. Священник, облаченный в фиолетовую рясу, приговаривает: «Егда Иуда злочестивый, сребролюбием недуговав...». Миша поет со всеми в хоре, голос его дрожит, и тут святой отец строго говорит ему: «Прочь, прочь!».

Он бежит из часовни, а вслед ему голоса: «Господи помилуй, Господи помилуй, Изот, подай кадило!».

И вот Миша уже у реки. Вода мутная, только лед прошел. Кто-то плывет в лодке. Это снова поп. А в лодке — поповское имущество и большой крест. Поп ругается, то ли тащить его из воды, то ли бежать прочь...

А потом вдруг Миша уже стоит за прилавком в лавке отца. Покупатель с бородой требует баранок. А баранок нет, только сушки. Забегает в лавочку девочка, жалобно тянет:

— Тетенька, дай се-е-е-ды (соды), которую пьют. У мамы серце болит (изжога, значит).

Строгий голос говорит:

— Замолчи, язва тебе...

В животе проснувшегося Миши, и правда, начало бурчать. Он перевернулся на другой бок и увидел в комнате тусклый огонек свечи. За столом сидела сестра и читала книгу.

— Маша, Маша-а-а.

— Спи!

— Маша-а-а!

— Чего не спишь?

— Отгадай загадку.

Сестра бережно перевернула страничку книги.

— Ночью дети спят, а не гадают. Спи!

— Ты же не спишь.

— А я взрослая, вот будет тебе двенадцать...

Миша хотел обидеться на сестру. Вытянул на полатах ноги, чтобы самому убедиться, какие они уже длинные, ну почти как у взрослого. Сонный взгляд его пополз по стене. Из-за близорукости он почти не видел дальше своего носа. Но наизусть знал картинки на стене бабушкиной горницы. Откуда они появились в деревенском доме — еще одна загадка. На дверях висел нарисованный медведь. Отец ему рассказывал, что косолопого можно встретить в лесу. Но лучше, конечно, не встречать. Пусть висит на дверях. Еще одна картина — охота на тигров. Этого зверя даже отец никогда не видел. А еще маленькая фотография-открытка — крушение императорского поезда. Но больше всего Мише нравилась изображение всад-

ника с саблей на белом коне. Когда подрастет, он узнает, что это был генерал Скобелев во время осады Плевны.

— Маша, Маша-а-а!

— Ну.

— Отгадай загадку!

— Спи, говорю!

— А ты что, опять роман читаешь?

Сестра в темноте дернулась, словно обожглась о свечу.

— Миша, спи! Бабушку поднимешь, начнет причитать. Тебе и мне попадет. Спи! Ты чего не спишь-то?

— Есть хочу. В животе бурчит.

— Что, до утра не дотерпишь?

— Дотерплю.

Миша опять повернулся к стене, сильно-сильно зажмурил глаза.

Сестра зашуришала очередной страничкой и неожиданно его окликнула.

— Миша, поди сюда!

Он как можно тише сполз с полатей и подошел к столу. Сестра строго, как мать, посмотрела на него и вытаскивала из кармана фартука пасхальное яйцо.

— Только тихо ешь!

Миша бесшумно уселся за край стола напротив сестры. Принялся чистить яйцо. Аккуратно собрав скорлупки в горстку, он разломил яичко. Слез с лавки и подошел к Маше. В кулачке он держал вареный желток.

— Маша, на!

Сестра заулыбалась. Она всегда любила желтки, а он — белки. С самого детства они придумали делить яйца так, чтобы друг другу доставалось самое вкусное.

— Спасибо. Поел, а теперь спи-и-и!

Миша заглянул в книгу, что читала сестра.

— Дедушкины священные книги красивее — они в красном переплете с медными застежками. А эта — бумажная.

Маша хитро вздохнула.

— Ну конечно. Все, спи!

— А о чем книга. Как называется?

— Тебе еще рано знать.

— Почитай мне, я засну.
Маша ласково приобняла брата и повела к полатам.
— Ну загадывай свою загадку. Или забыл, что хотел загадать?
— Нет, не забыл. Сейчас. Ой...
— Маша укрыла брата старой шалью.
— Вспомнил! На одном конце червяк, на другом — дурак. Что это?
— Не знаю.
— Удочка!
Маша засмеялась.
— Спи, рыбак.
И Миша снова погрузился в реку детских сновидений. А сестра читала всю ночь «Обрыв» Гончарова, пока не выгорела до конца свечка...

РАЗГАДКА

В одном из дневников Михаил Лисавенко пишет: «Детство мое нельзя назвать счастливым».

Мы можем только гадать, что скрывается за этой грустью. Строгий отец? Тяжелый быт? Детские страхи? Из дневников мы видим, как Михаил очень трепетно относился к старшей сестре Маше, его пугала строгость отца к сестре: зачем он взял и порвал ее книгу? Зачем бил плёткой?

Редчайшие факты из детства Михаила Лисавенко знает Ольга Александровна Баранова:

«Отец Афанасий Михайлович был человеком резким. Частенько порол дочь Машу, но сына не трогал. Считал, что дочь уйдет в другую семью, а сын останется с ним. Берет его. В одном из писем Михаил Афанасьевич вспоминает, как Маше досталось за то, что она читала роман. Отец чужую книгу схватил и разорвал. При этом он понимал, что и для дочери образование тоже нужно, — отправил ее учиться в женскую гимназию в Ачинске».

Считать семью Лисавенко богачами, конечно, несправедливо. Отец и мать были большими тружениками, делали

*Семья А. А. Лисавенко (слева направо):
стоят Сергей Крыга, муж сестры,
Афанасий Михайлович отец М. А. Лисавенко.
Сидят: Мария Афанасьевна, старшая сестра с двумя дочерьми,
Михаил Афанасьевич, Анастасия Алексеевна мать. 1927 г.*

все, чтобы поднять детей. Афанасий знал грамоту, толковый, честолюбивый, как бы сейчас сказали — предприимчивый. Он все время пытался заработать.

Нам в руки попал интересный документ «Список фабрик и заводов России» 1910 года. Большая удача: среди предпринимателей начала XX века мы отыскали Афанасия Лисавенко. Правда, записан он не как владелец лавки. А...

В разделе «Мукомольное и крупяное производство» под номером 18440 указано:

«Лисавенко Аф. Мих., аренд., Качкина мельн., влад. Лесн. вед., осн. 1904 г. Место: Ачинск, у. Назаровск., в., ст. Ачинск сиб. ж. д. 55 в. Адр.: Ачинск» [34].

Получается, Афанасий Лисавенко у Лесного ведомства арендовал Качкину мельницу, то есть был он и мукомолом.

О характере Афанасия Михайловича нам может рассказать еще один уникальный документ.

В газете «Сибирская жизнь» в номере за 17 января 1906 года мы находим заметку собственного корреспондента Аф. Лисавенко. Автор предлагает три заголовка на выбор читателя: «Вольный лес», «Лесные непорядки», «Лесной барин».

«Село Боготол. Марьинского уезда. 30 человек нижних чинов, возвратившись с Дальнего Востока, жители села Ельник Назаровской волости, 20 декабря явились в канцелярию ачинского лесничества, находящуюся в городе Ачинск и заявили, что она на основании Высочайшего манифеста и преимуществ, данных нижним чинам, участникам войны с Японией, будут для своих нужд рубить в казенных дачах лес, а потому просили, за отлучкою лесничего, помощника его объявить, нет ли соответственных распоряжений от Управления Государственными Имуществами. Помощник лесничего заявил, что подобного ничего нет да и быть не должно. «Если у нас нет, но мы знаем, что лес вольный, а потому мы будем рубить, а вы можете на нас составлять протоколы и что вам угодно», отвечали солдаты; затем они просили объявить, не знает ли помощник лесничего, почему тринадцати солдатам села Ельник не выданы бесплатные билеты на дрова, а остальным выданы. На этот дан уклончивый ответ за отлучкою лесничего.

Солдаты ушли с прежним мнением, что лес «вольный» и можно его безнаказано рубить. Боготольский лесничий господин Упорников получил от Управления Государственными Имуществами Томской губернии предписание в ноябре 1904 года на отпуск бесплатно всем солдатам окрестных сел по три куба дров, а билеты начал выдавать с марта 1905, когда уже санный путь стал плохой и распутица приближалась. (Боготольская казенная дача находится от окрестных сел и деревень за рекой Чульшом, поэтому многие солдатки заготовленные дрова не могли вывести из дачи по причине разлива реки и остались без топлива. А некоторые возили через Чульмь, рискуя утопить последнюю лошадь. Солдаткам Краснореченской волости господин Упорников вовсе не выдал билетов. В Боготол разрешено построить двухклассную министерскую школу.

Фото Село Боготол. Начало XX в.

Для таких целей по инструкции лесного документа отпускается по пониженной таксе или бесплатно (пункт 170 инструкции, статья 285 лесного устава и Высоч. пов., 1884 г. 3 декабря). Доверенный по постройке школы и исходотайствованию леса на школу господин Горностаев представил

лесничему господину Упорникову в 1903 году смету на лесной материал, который выдал билет на заготовку бесплатного леса, в той делянке, где лес уже был вырублен им, лесничем, на шпалы для железную дорогу. Сколько Горсностаев не просил у господина Упорникова назначить бесплатно ту делянку, в которой есть лес, но он откладывал и откладывал, мотивируя свой ответ тем, что леса нет, поэтому пришлось Боготольскому обществу купить на деньги у того же лесничего по билету. Дом, в котором живет «лесной барин», находится в лесу от ближайшей деревне в полтора верстах. В доме этом не имеется приемного помещения для мужиков, ежедневно приезжающих за билетами и по подрядам по поставке от лесничего шпал, дров и бревен на железную дорогу. Всем таким «низшего класса» визитерам приходится по случаю строго соблюдения очереди входа в канцелярию лесничества быть долга на морозу. Часто бывает, что с утра до двух часов дня приходится ждать очередь или даже вторично приезжать на следующий день к «барину». На плане здания лесничества значится помещение «приемная», но последняя по случаю обилия утвари у лесничего занята под кладовую» [49]. Из этого текста понятно, каким бойким, уверенным и толковым крестьянином был Афанасий Лисавенко. Как он умел зацепиться за факты, обладал буквально журналистским талантом. Но и, конечно, чувствуется, как он заступает за солдат с Дальнего Востока, ведь сам он служил в этих местах. В деревне Лисавенко был активистом, борцом за справедливость. Возможно, за это его и невзлюбила новая власть.

Когда случилась революция, Афанасий Лисавенко «размотал свое хозяйство» — продал коров, закрыл лавку. По одним данным, работал конторщиком на Краснореченском винокуренном заводе. По другим — был экспедитором, развозил на лошади спирт.

Благодаря оцифрованным архивам нам удалось отыскать еще один важный документ, который красноречиво показывает, каким был отец Лисавенко. В 1919 году крестьянин Афанасий Михайлович Лисавенко написал письмо

председателю Совета министров Российского правительства П. В. Вологодскому², где рассказал о том, что его волнует:

«...Являюсь сам крестьянином, живя всю свою жизнь в деревне, думаю, что мне более или менее понятно современное состояние нашего сибирского сельского населения, и осмеливаюсь надеяться, что мое маленькое мнение маленького человека будет выслушано Вами до конца. Наболело на сердце и хочется высказаться, и если Вы ничего не почерпнете из моих писаний, то хоть отчасти поймете психологию человека, искренне сочувствующего правительству, но не могущего избавиться от сомнений, почему так делается и к чему это все поведет...

...Самогонщиков в деревне так много, что нельзя задавать такой вопрос: «Кто и сколько человек в вашей деревне курят?»; нужно считать и спрашивать наоборот: «Кто не гонит?» ...Мы, русские, хороши тогда, когда тонем: тогда и топор сулим за спасение, а вылезли — и топорича нет...»

Ольга Александровна Баранова припоминает, что ей попадалась фотография Афанасия Михайловича, где он зимой стоит на фоне горы из шпал — получается, был он и десятником по заготовке шпал при строительстве железной дороги Ачинск — Минусинск (дорогу открыли в ноябре 1925 года).

Про мать Михаила Лисавенко, Анастасию, известно намного меньше. Она была очень набожна, читать и писать не умела, зато с утра до ночи пропадала в огороде. В архиве Алтайского края мы нашли блокнот с записями Михаила Афанасьевича, где он вспоминает свое детство. Судя по почерку и тому, что записи сделаны не ручкой, а карандашом, — это его юношеские зарисовки. Короткие, но очень яркие истории, которые мы долго расшифровывали, как ребус. Приводим их без правок, как они были записаны. Есть здесь и лавка, и строгий отец, и даже первый поцелуй...

Качался на полене перед раскаленной железной печью и упал на нее. Ладонь и запястье пригорели. Не так боль, как испуг, что будут лупить. Мать наказывает рукой и приговаривает: «Это еще цветочки, ягодки будут впереди».

² Вологодский Петр Васильевич (1863-1928), премьер-министр Временного Сибирского правительства, затем председатель Совета Министров Всероссийского правительства при Верховном правителе А.В. Колчаке.

Когда были совсем бедные. Любимое кушанье молоко с поломанным калачом. Ели вдвоем с отцом. Хлебали все из одной чашки — огромной миски.

Для гостей белые сухари. Песошники из белой муки. Форма пиковая червовая — сердечко. Стаканом выдавливали в виде полумесяцев.

Сухари-песошники пахли ветром, невкусные, твердые.

Сестра любила желток, я белок (яйца). Мать голландский сыр звала «татарское мыло» держали для гостей.

Дом бабушки Дарьи (матери отца). Медведь нарисованный на дверях. Горница. Очищенная шерсть. Скобелев берет Плевну. «Чудесная сказка», крушение поезда, охота на тигров.

Сестра читала «Тайны венценосцев». Отец отобрал и порвал чужую книгу. Читали ночью, прятаясь. Поймал с «Обрывом» подшутил, что роман. Роман читали — отчитывали, а нужно было к экзаменам.

Рыбак с удочкой. «На одном конце червяк, на другом дурак». Загадка.

Близорук до безобразия. Любил церковное пение. Хор в часовне. Я пою. Егда Иуда злочестивый сребролюбием недуговав. Изгнал из хора. Изот пономарь. «Господи помилуй, Господи помилуй, Изот, подай кадило». Надевал

фиолетовую рясу. Встречал попа. Через речку, только лед прошел, в лодке, там поповское имущество. Навстречу с крестом пришлось лезть. Страшно потом ругался.

Отец подарил жестяную обезьянку, бегающую по натяжному шнуру. Целый день и ночью клал с собой в постель. Пришли гости — управляющий Яков Кириллов. Отец с супругой и младшим сыном Колькой (брат Аркаши) Лопоухий, уши как приклеены, огромные. Пресыщен игрушками. Обезьяна понравилась. Отец преподнес ее Кольке в подарок. Обида.

— Иди поздоровайся с гостями!

Мучительное состояние. Страшно. Застенчивость. Не понимал сам и никто не понимал, что близорук. Здороваться «за ручку». За стол с гостями садиться было нельзя.

Дежка сенокоса. Обязательная драка и увечья. Горлопаны. Тимофей Журавский ухажер, отец уехал, у матери гости, отец вернулся неожиданно, избил мать.

Эстонка — матери портнихе: «Чтобы пина (спина) тука-тука (в обтяжку туго)». Мать ползает с булавками в зубах по полу, обдергивая платье на моднице.

Младший дядя Иван послал в лавку. Пошел, шел, знал, забыл зачем послали.... Блины...

В лавке девочка тянет:

— Тетенька, дай седы (соды), которую пьют у мамы сердце болит (изжога значит).

— Замолчи, язва тебе...

Плеть-двухвостка висела на видном месте. Отец с матерью выпрыгивали из кожи, было стыдно перед гостями. А это на кого плеточка? Били сестру. Набросился с кулаками на отца — неожиданность. Прятал плетку. Достали новую.

Надписи-цитаты на псалтыри и молитвеннике: «Нарушивший супружескую верность да не входит в святилище».

Любовник у жены Аркаши (Аркадий Кириллов). Дамы затянуты в корсетах в блузах с буфами на плечах.

Язевый лоб Масленников с красной огромной лысиной. Жена-супружница, любовница-мадам танцует со стулом. За ней ухаживает как за власть имущей.

Супружница-жена жалуется: «Мой-то старичище, как замахнется кулачищем, я и не знаю, куда хочет угодить. То ли в ухо, то ли в бок.

Другой Журавский (Павел). Бедняг. Пять или шесть девчонок. Каждый раз ждет сына. Опять девчонка. Лупит жену. Мужики смеются, язвительно подстрекают: «С сыном, Павел!» Бежит бить жену.

Дедушкины священные книги в красном переплете с медными застежками.

Мать-солдатка прачка у офицеров и обшивала небогатых дам. Принесли воду, вылили в кадку а там — рак. Вылили и мыли с песком кадку.

Умерла дочка. Родители ушли в комнаты. Появилась тетя Дарья... Набросилась на портрет Льва Толстого. Пьяный бегал....

Сцена на мостике через речку. Батрак немой, пьяный на Пасху, в розовой рубахе пытается жаловаться уряднику. Тот в гостях у хозяина, оба подвыпили. Хозяин бьет по зубам немого, то падает в речку, поднимается. Грозит, снова зуботычина, урядник смеется.

«Сегодня... Миша в первый раз спал у меня на груди»
Книга об Афонской горе. За переплетом мое письмо 3-х лет».

Как сотворен мир? Первая женщина. А нас родят женщины, распарывают брюхо.

Первый роман. Поцеловал. Все ждал забеременеет. Незаконная дочь. Нельзя в гости. Мать русская, отец еврей. Невенчаные.

ОГОРОДНОЕ ДЕТСТВО

Все детство маленький Миша провел на огороде с матерью. Она приучила его к растениям, к работе с землей. Анастасия Алексеевна была чудесной огородницей. У нее на участке среди прочих овощей даже росла цветная капуста. Помидоры, огурцы, картофель, бобы — все она легко выращивала. Семена у нее всегда были свои, и она делилась со всеми соседями.

Мальчишкой Михаил Афанасьевич очень любил русские бобы. Уже будучи академиком, в письме садоводу из Тальменки

Овчинникову он писал, мол, пришли мне семена русских бобов, так хочу бобы из своего детства, вкуснее их не ел. Про мать Лисавенко нежно вспоминал, что она «словно чувствовала растения». «Благодаря матери все детство, сколько себя помню, я что-нибудь в огороде сажал и сеял», — писал Лисавенко.

Рядом с домом был лес. Мать Анастасия Алексеевна пыталась выкопать из леса дикую малину и посадить в своем городе. Но растение плохо приживалось.

Афанасий Коптелов в очерке «Алтайский кудесник» рассказывает:

«С матерью будущий мичуринец ходил в лес, перетаскивал в свой первый садик дикую смородину, малину и черемуху. Выращивал сеянцы ягодников, выхаживал по тому времени такие редкие овощи, как помидоры».

В детские годы, когда Михаил уже умел читать, ему попалась любопытная книжка. Название и автор забылись — это было дореволюционное издание. Начиналась книга с пышной цитаты из Библии, а дальше автор описывал райский сад. В одном из дневников Михаил Афанасьевич вспоминал, что перечитывал эту книжку много раз и некоторые места про сад даже знал наизусть. Так с родительского огорода зародилась его мечта о сказочном саде.

ГИМНАЗИЯ

«В 1905 году я был отдан в сельскую школу, которую окончил в 1908 году, а в 1909 году поступил в Красноярскую губернскую гимназию и закончил восьмой класс в ней в 1917 году. В гимназии был, между прочим, близок с сыном красноярского садовода Алексея Ивановича Олониченко — Шурой (он был на год старше меня, заболел и умер в 1920 году), чем объясняется, отчасти, что Алексей Иванович принял самое живейшее участие в моих первых шагах по садоводству», — из автобиографии Михаила Афанасьевича Лисавенко.

Из Ачинска в Красноярск, в губернскую гимназию, двенадцатилетний Михаил Лисавенко отправился в сопро-

вождении отца на поезде. В Ачинском музее сохранилось расписание поездов начала XX века, которое свидетельствует, что в те годы на станции останавливались три пары поездов. Они стояли здесь десять минут, а до Красноярска добирались за семь часов.

По сравнению с Ачинском Красноярск был огромным городом. Величественное кирпичное двухэтажное здание мужской гимназии с большими окнами и колоколом в арке над парадной лестницей располагалось в центре города на улице Благовещенской (сегодня это — улица Ленина, 70). Здесь Михаил проведет восемь лет юношеской жизни.

Учеба в гимназии была платная (50 рублей в год), отдельно оплачивались разнообразные факультативы — кружки. По данным красноярского историка Татьяны Кискидосовой, начиная с 1905 года в гимназиях Красноярска (а их было в начале XX века три — одна мужская, две женские) все больше обучается детей мещан, ремесленников и крестьян. Если посмотреть в процентном соотношении, то детей дворян было около 20%, мещан и ремесленников — 30%, крестьян — 30%, остальные были дети духовенства и менее процента — дети ссыльных казаков [45].

В госархиве Красноярского края хранится документ о том, что классы мужской гимназии в 1908 году были переполнены:

«Министерство Народного просвещения признает, как известно, нормальным максимальным составом одного класса 40 учеников, между тем, количество желающих поступить в Красноярскую гимназию настолько велико для низших классов, что нужда в открытии или новой гимназии или параллельных классов была уже давно. И в первые классы с ведения г. Попечителя Учебного Округа уже давно принимали выше означенной нормы, а именно, до 53 учеников в один класс. В прошлом учебном году были открыты два параллельных класса 1-го и 2-го классов на текущий учебный год. Попечительный совет гимназии, а также и Родительский Комитет сами хлопотали о повышении платы с 40 рублей на 50. И за счет повышения платы за учение в гимназии был открыт еще один параллельный — 4-й».

*Здание красноярской гимназии, где учился М. А. Лисавенко.
Первое десятилетие XX в.*

В такую переполненную гимназию поступил Лисавенко в 1909 году. Несмотря на то что здание было не старым (построено в 1889–1891), из-за плохого устройства печей осенью и зимой в классах стояла сырость, а в отдельных комнатах — угарный дым. На втором этаже гимназии был большой зал для торжественных собраний и балов. Также в гимназии была библиотека, где Лисавенко сразу же стал завсегдатаем.

О быте гимназистов судить сложно. Воспоминаний сохранилось очень мало. В мемуарах Александра Леопольдовича Яворского (первый директор красноярского заповедника «Столбы», окончил красноярскую мужскую гимназию в 1910 году) мы нашли любопытные истории о гимназистском прошлом:

«Форма гимназистов имела полувойенный характер и состояла из суконной гимнастерки синего цвета (ткань темнее, чем на фуражке) с серебряными выпуклыми пуговицами, подпоясанной черным лакированным ремнём с серебряной пряжкой. Брюки — черные, без канта, бо-

тинки — черные, на шнуровке. Головы покрывали светло-синие фуражки с черным козырьком. В холода надевали наушники из черного фетра на коричневой байке внутри либо башлык (капошон) из верблюжьей шерсти. Постоянным спутником гимназистов был ранец из черной кожи, обшитый тюленьим мехом серо-зеленого цвета. В старших классах книги и тетради носили без ранца, крест-накрест перетянутые двумя кожаными ремешками. Упаси Бог, если ученик забывал ранец дома — надзиратели его строго наказывали. Невероятное восхищение одноклассников вызывал гимназист, который приходил на занятия без ранца и при этом мог выпутаться из ситуации. Мальчикам строго запрещалось носить разные по цвету предметы костюма, например, серую блузу и черные брюки. Костюм должен был быть только черного и никакого другого цвета. Однако тот, кто осмеливался одеться в разную цветовую гамму, считался среди товарищей взрослым и самостоятельным — на это решались лишь старшеклассники. Все обмундирование обычно покупалось на вырост, у первоклассника часто шинель волочилась по земле, из рукавов не было видно пальцев, тужурка доходила чуть ли не до колен.

В семьях, как правило, одежда переходила от старшего брата к младшему. Малейшие нарушения — расстегнутый воротник, плохо пришитые или не начищенные пуговицы, наброшенная на плечи шинель, отсутствие ранца — сурово преследовались учителями и надзирателями. Наказанием было лишение обеда, жалобы родителям и снижение оценок по поведению. Руководство гимназий обязывало учеников носить форму даже во внеучебное время. В зимние месяцы учащиеся Красноярской мужской гимназии обычно носили черную овечью шубу «барнаулку» или «минусинку» и большую папаху с гербом, который показывал, что перед вами гимназист. Темные катанки вместо ботинок с калошами. Закутанный в такую теплоту ученик почти всегда бегал нараспашку из опасности перегрева...».

В красноярском архиве сохранилась «Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год». В ней описаны учебные

заведения Красноярска. Первой в списке идет Мужская гимназия. Благодаря этому документу мы можем точно знать, у кого обучался Лисавенко.

Директором мужской гимназии был действительный статский советник Андрей Яковлевич Логарь (1853 г. р.), исполняющим должность инспектора коллежский советник Всеволод Афанасьевич Смирнов, законоучителем протоиерей отец Алексей Солодчин. Преподаватели: словесности — статский советник Александр Парфирович Оносовский, русского языка — Александр Иванович Невский, латинского языка — Михаил Федорович Головня, географии — Петр Иванович Горбачевский, естествознания — Александр Андреевич Иванов, математики — Филипп Дмитриевич Жалко-Титаренко, немецкого языка — Александр Христофорович Егер, рисования и чистописания — Николай Константинович Константинов.

Все они были в Красноярске заметными личностями. Про каждого можно найти интересные факты. Например, математик Филипп Дмитриевич Жалко-Титаренко очень любил живопись и на уроках, на радость ученикам, частенько с цифр перескакивал на рассказы о визитах в Красноярск художника Василия Ивановича Сурикова. Дело в том, что сам Филипп Дмитриевич был родным братом тоже известного художника, ученика Репина — Порфирия Дмитриевича Жалко-Титаренко. О преподавателе естествознания Александре Андреевиче Иванове тоже сохранились воспоминания гимназиста Александра Леопольдовича Яворского. Он описывает его как человека доброго, но очень робкого — на его занятиях было всегда шумно. И как пишет Яворовский: «Преподавать он не умел и, задавая «от селева до селева», к концу года не сумел дать хоть какие-либо знания по естественной истории. Мы знали только такие истины, что береза — дерево, ствол белый, а листья зеленые».

Еще один любопытный документ из архива. В 1913 году (Лисавенко обучается в V классе) в Красноярской мужской гимназии провели проверку успеваемости учеников IV и VII классов. Показатели были следующие (процент учеников, по-

лучивших выше неудовлетворительной оценки): Закон Божий — 94,6%, история — 91,8%, русский язык — 81,1%, французский язык — 69,2%, латынь — 65,7%, алгебра — 63,1%, геометрия — 63,1%, немецкий язык — 62,1%, география — 53,9%.

Классный наставник видел причину неуспеваемости гимназистов по многим предметам в лености и разнице возраста учеников одного класса. Некоторые родители без должного внимания относились к успеваемости своих детей, например, 15 родителей не подписали дневники с четвертными оценками. Алгебра и геометрия являлись сложными предметами, ученики были подготовлены плохо в предыдущем классе. Учителя латинского и немецкого языков предъявили завышенные требования к гимназистам из-за предстоящих экзаменов. А со стороны родителей мужской гимназии поступали жалобы на то, что надзиратели «позволяют себе давать учащимся подзатыльники и применять другие непедagogические приемы воспитания».

В целом, конечно, мужская гимназия давала серьезное гуманитарно-классическое образование. Главными предметами считались русский и церковнославянский языки, словесность, история отечественная и древних классических народов, древние языки и литература, а также на выбор один из двух современных иностранных языков (немецкий или французский).

Кстати, когда в 1953 году Михаил Афанасьевич заполнял анкету Алтайского краевого комитета защиты мира (документ хранится в краевом архиве Алтайского края), на вопрос «Какие иностранные языки знаете?» он ответил: «французский, немецкий со словарем».

Несмотря на гуманитарную направленность учебного заведения, немалое значение уделялось математике. А вот ее-то Михаил Лисавенко не любил. В одном из интервью близкий друг Лисавенко Зинаида Лучник скажет журналисту Николаю Дворцову так:

«Судя по таблице успеваемости за третий класс Красноярской гимназии, к закону Божьему пристрастия не имел и математикой не увлекался».

В гимназии было ограничено количество уроков чистописания, рисования и черчения. Последние два предмета предлагались только в особые часы для желающих. К обязательным предметам также относились музыка и пение, они велись за отдельную плату. Гимназисты обучались игре на духовых и других музыкальных инструментах.

Разыскивая в архивах фотографии учеников Красноярской гимназии (а таких снимков начала XX века очень мало, не сохранились и полные списки выпускников гимназии по годам), мы встретили интересную фотографию: группа гимназистов со струнными инструментами. Снимок не подписан. Но на этой фотографии среди музыкантов мы узнали молодого Лисавенко с балалайкой в руках. В архиве мы также встретили краткую справку о том, что в 1912-1913 годах в Красноярской мужской гимназии был создан сначала струнный, а затем и духовой оркестр. То есть в гимназии Михаил Лисавенко обучился играть на балалайке и точно выступал на концертах.

Ольга Александровна Баранова вспоминает любопытную деталь:

«Будучи уже в должности директора станции, Михаил Афанасьевич не играл на музыкальных инструментах, но он точно превосходно знал нотную грамоту: со слуха мог записать мелодию. Сохранились воспоминания, как в 1932 году он ехал на поезде из Ачинска в Москву: напротив него в поезде сидела женщина-эстонка с ребенком на руках и пела песню. Песня ему очень понравилась, и он записал ее нотами в блокнот».

Теперь мы знаем, где Лисавенко обучился нотной грамоте — в красноярской гимназии.

О надзирателях и некоторых учителях мужской гимназии мы находим упоминание лишь в дневниках Александра Леопольдовича Яворского:

«Надзирателем был престарелый небольшого роста человек, который обладал одной ценной для своего сана особенностью. Он незаметно всегда подходил и, отделяясь от стены, стоял как тень, заложив руки за спину. Стоял и запоминал всех

и все. А прозвище у него было Крыса. Ведь мыши и крысы никогда не пересекают комнату по диагонали, а ползут всегда над плинтусом вдоль стены. Эта особенность и была подмечена за надзирателем Александром Ивановичем Поповым.

На переменах гимназисты предпочитали активный отдых. В обширном дворе Красноярской гимназии они играли в мяч или занимались гимнастикой на снарядах. Нередко учеников заставляли маршировать во время перемен, считалось, что маршировка пригодится во время парадов, которые, правда, бывали очень редко. Летом гимназисты маршировали во дворе, а зимой по гимназическому длинному коридору».

Одной из популярных игр на перемене и после уроков была чехарда — ездил друг на друге в классе, коридоре и уборной. В уборной гимназисты безбожно курили. Несложно догадаться, что именно в гимназии Лисавенко начал курить.

*Михаил Афанасьевич
(сидит в первом ряду второй слева с балалайкой)
в составе струнного оркестра красноярской
мужской гимназии. Приблизительно 1913 г.*

Фамилии всех одноклассников Лисавенко уже не восстановить. Списки выпускников даже в архивах не сохранились. Но точно известно, что в одно время с ним в гимназии обучался Евгений Михайлович Шнейдер — в будущем советский кинорежиссер и оператор. Еще одним его товарищем по учебе был Константин Николаевич Сакун, после гимназии он окончил медицинский университет, работал врачом в Барнауле и Горно-Алтайске. Близким другом Лисавенко в гимназии стал Александр Олониченко.

ЖИВАЯ КАРТИНА: УРОК

В гимназии на уроке по естествознанию обычно было шумно. Несмотря на свой статный рост и острую бородку учитель Александр Андреевич Иванов казался робким, как одуванчик. О живых растениях он умудрялся рассказывать умирающим голосом, длинными путанными предложениями, то и дело перескакивая с русского на латынь. Гимназисты, зная мягкий характер Александра Андреевича, могли позволить себе на его уроке самые разные занятия: разговоры, споры, игры, чтение газет. Порой в классе становилось так шумно, что Александр Андреевич жалобно напрягал голос и, шагая между парт, вскрикивал: «Стены, стены! Парты, парты! Слушайте меня хоть вы. Ученики меня никак не хотят слушать».

Класс смолкал, когда в комнату незаметно проникал надзиратель гимназии — седой полноватый старичок с редкими усами, которого ученики за глаза называли Крысой. Он обычно стоял у стены рядом с дверью, руки его были скрещены за спиной, а глаза сверлили затылки буйных гимназистов. Он никогда ничего не записывал, но в дневниках потом обязательно появлялись грозные замечания: «Родителям принять меры...».

Чудесным образом на этом уроке естествознания Миша оказался на заимке, далеко за городом, в тайном уголке, где на лоне природы кипели человеческие страсти.

«...В городе это имение все звали заимкой, как принято у нас в Сибири называть такие одинокие, среди степи или леса, строения, хотя по постройкам и по великолепному саду она походила на барскую дачу. Дом был большой, двухэтажный, с вышками, с балконами, с итальянскими окнами. Комната внизу, где работал художник Шведов, называлась студией. Окна ее выходили к речке. Весь верх занимала любовница Черкасова Шурочка. Ее и художника Шведова Черкасов привез зимой на тройках (железная дорога еще не прошла по Сибири). Тогда много говорили в городе о замечательной красоте Шурочки, об ее странностях и всем хотелось поскорее увидеть новую «красавицу» золотопромышленника. Будто на зло она не показывалась в городе целый месяц, жила замкнуто на заимке с художником Шведовым. Из городского дома Черкасова увезли на заимку лучшую мебель, цветы, зеркала, и сам он приезжал в город только распорядиться делами. Был он красоты необыкновенной, и все городские дамы были без ума от него. О заимке, о Шурочке, о Черкасове ходило много легенд, говорили о ночных необыкновенных оргиях, ходили догадки об ее замкнутости, пока, наконец, она сама не показалась в городе. В теплый весенний день, в Вербную субботу, выехала на базар в коляске, купила у мальчишек пук верб с бумажными цветами и бросила им горсть серебра. Одета она была в зеленый костюм, зеленую шляпу с белым страусовым пером, но лица ее так никто и не видел, потому что со шляпы спускалась лиловая вуаль...»

Мишу одернул локтем товарищ по парте:

— Прячь, Крыса сидит!

На уроке украдкой Миша читал рукопись. В старших классах он был редактором рукописного журнала «Зарницы». Сам писал небольшие рассказы и даже стихи. Поэтому товарищи то и дело приносили ему тетрадки со своими пылкими литературными попытками. На этой тетради было написано красивыми буквами «А.О.». Гимназисты часто придумывали себе псевдонимы, сокращали, шифровали свои фамилии. Сам Миша озаглавил личный

блокнот «Лис...», причем, букве «с» он любил рисовать длинный хвост, превращая ее в подчеркивание. Был у него и другой псевдоним. Первую букву своей фамилии он проносил по латыни «Эль». Получалось: Мих. Эль.

«А.О.» — литературный автограф гимназиста Александра Олониченко. Друзья называли его просто Шурой. Сын одного из первых красноярских садоводов Алексея Ивановича Олониченко. Тонкий, высокий юноша со светлыми волосами, Шура сам казался молодым деревцем, сеянцем, которое могло легко замерзнуть в суровых условиях жизни. Он был скромным, набожным и даже думал после гимназии поступать в Московскую духовную академию. Писал в академию на 14-ти листах сочинение «О гонении христиан при Домитиане»...

Черновик своей первой повести он долго не решался показать даже близкому другу Мише. Уж сильно, как ему казалась, главная героиня — красавица-любовница золотопромышленника — походила на одну знакомую всем в Красноярске даму. Олониченко все мучился, каким же именем ее назвать, чтобы никто не догадался. И, наконец, придумал — Шурочкой! Но с первых страниц повести можно было понять, что этой роковой Шурочке он готов был отдать не только свое имя, но и свое юношеское сердце.

Под самый конец урока Миша еще успел заглянуть в рукопись.

«...Весна. Середина мая. В тайге тают снега — речка вздулась и вода поднялась до самых краев высокого красного яра. Зацвела черемуха — стоит как снегом осыпанная, белая, трепетная и далеко разливается ее опьяняющий аромат. В долах по горам цветут желтые и лиловые лютики — первые весенние цветы в Сибири. Набрали цвет жарки и Марьины коренья. Поздний вечер. Вверху, в спальне Шурочки, горит свеча и обливает комнату жидким желтоватым цветом. Все тусклое, неясное, распухшее. В комнате комод с зеркалом, на нем кружевная дорожка и большая ваза с цветами из матерши, в беспорядке стоит розовая, мягкая мебель, когда-то красивая, теперь поблекшая. На круглом столе, где свеча, грязная белая скатерть

с рыжими пятнами, тарелочка с голубым ободком, а в ней — ржаные сухари с солью. Стоит водка в маленьком хрустальном графинчике и две рюмки. Рюмка возле Шурочки недопита. Она сидит в кресле, скорее, полулежит. На ней японский халат с большими красными цветами по голубому полю. Черные, грубоватые волосы собраны в пук на затылке и припилены, в ушах огромные золотые серьги в форме полумесяца. С лица съется пудра...»

— Миша, ты прочел?

— Читал, пока не явился надзиратель.

— Что скажешь?

— Я так сразу не скажу. Надо подумать.

— Плохо?

— Вовсе не плохо!

— А чего тогда молчишь?

— В нашем журнале такое не напишешь...

— Миша, друг, отбрось свою жалость! Признайся: не стоит мне играть в писатели, мартать бумагу? Да или нет?

Шура ждал выстрела прямо в сердце. Он хотел умереть на этой выдуманной им литературной дуэли. Но сам и не подозревал, как его талант может безжалостно ранить.

Миша вдруг разволновался больше, чем Шура:

— Стоит, стоит писать! Хоть даже в «Сибирские записки»!

И как подстреленный выскочил на улицу. По глазам Миши ударило майское солнце. То ли от солнца, то ли от неожиданной глупой обиды под очками выступили слезы. В голове кипело: как же Шура так смог написать? Ведь они же вместе плыли на лодке в сад Крутовского, ели диковинные яблоки, видели море цветов, вместе заглядывали на заимку золотопромышленника Кузнецова... Миша сам так хотел сочинить хоть маленькое стихотворение в свой рукописный журнал про этот чудный сад, но не смог выразить чувства на бумаге. Все строчки вяли, как цветы без воды. А Шура все молчал и выдал целую повесть. Да какую! Да еще и вставил туда мадам, о которой вздыхала вся мужская гимназия от учеников до, пожалуй, самого директора — статского советника Андрея Яковлевича Логаря...

Весной дорога даже на центральных улицах Красноярска превращалась в липкую грязную кашу. Примерно такое же было настроение у Миши. Утопив ноги в грязи, он еле добрал до усадьбы Юдина, где размещалась самая большая в городе библиотека. Чтобы зайти в дом, долго чистил башмаки в луже. Это занятие его немного успокоило. В библиотеке Юдина были самые разные книги. Недавно он пытался осилить здесь «Капитал» Маркса, для вдохновения читал Есенина и Чехова. Библиотекарь — статная дама в шуршащей длинной юбке и черной блузе с маленьким белым воротничком — встречала его уже как родного. Она каждый раз подкладывала гимназисту все новые и новые книги — постоянно что-то советовала почитать. Миша был аккуратным и страстным читателем, быстро проглатывая книгу, он потом много раз перечитывал излюбленные места, обязательно делал записи себе в блокнот. Он так остро чувствовал слово, но самому ему все не получалось написать что-то большое, как ему хотелось — бессмертное.

Библиотекарь удивленно посмотрела на Мишу. Сегодня в читальном зале книги его не захватили. Бегло прочитав оглавления, он отодвинул их на край стола, а сам шумно начал листать свою исписанную тетрадь, где попеременно с выписками из книг и журналов были его собственные стихи и заметки.

В библиотеке стояла привычная тишина, но у Миши в голове колоколом звенел вопрос:

— Не стоит мне играть в писатели, мать бумагу? Да или нет?

К окончанию гимназии Михаил Лисавенко забросил юношеские попытки стать писателем. Книги и журналы он любил так же сильно, но сам уже не брался за литературное перо. Может, что-то и писал, но никому не показывал и точно не публиковал. Единственное стихотворение Лисавенко случайно обнаружила среди его рабочих документов Ольга Александровна Баранова.

Она говорит:

«Написано на листочке сложным почерком, мы с Елизаветой Ивановной Пантелеевой читали и все его не могли расшифровать. Там была такая строчка: «А знаете, завтра на юг я уезжаю на лето...» Смысл такой, что он пошел провожать ее на поезд и увидел, что она уезжает не одна, а с офицером...»

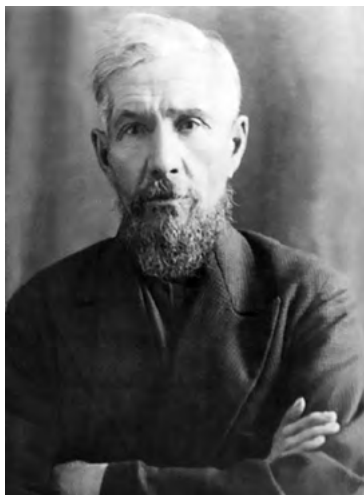
Хоть Лисавенко и не стал прозаиком или поэтом, судьба постоянно сводила его с одаренными пишущими людьми. Так же как с другом детства Шурой Олониченко, он с ними крепко дружил. Долгие годы переписывался с поэтессой и публицистом Мариэттой Шагинян, писателями Леонидом Леоновым и Афанасием Коптеловым, да и многими другими. Не выступал Лисавенко больше и в театральные постановках, не играл на музыкальных инструментах (хотя, оказывается, умел). Но очень красочно, как настоящий актер, Михаил Афанасьевич умел с юмором передразнивать друзей и коллег. Эти милые пародии были очень точными и всегда к месту.

В 70-е годы XX века в интервью Николаю Дворцову Константин Сакун, одноклассник Лисавенко, рассказал:

«В гимназии мы выпускали рукописный журнал «Зарницы». Михаил был редактором. Помещал свои рассказы из крестьянской жизни. Стихи кропал. В водевилях Чехова играл. Недурно, кажется, получалось, во всяком случае — увлеченно. Но у меня и мысли не было, что Миша посвятит себя садоводству. Писателем станет. Ну журналистом, а, чтобы садоводом — нет, не думал. Да, хотя Миша дружил с Сашей Олониченко. Отец его, кажется, Алексей Иванович, был садоводом. Доктор Крутовский тоже увлекался садоводством. Помнится, ребята ездили к нему за Енисей. Я не придавал этому серьезного значения».

По совету отца (который, как мы теперь знаем, все пытался бороться за свои права) в 1917 году Михаил поступил на юридический факультет Томского государственного университета.

А как же сложилась судьба его друга Шуры Олониченко? Того парня, который дал Лисавенко прочитать рукопись своей первой повести?

*Красноярский садовод
А. И. Олониченко —
первый наставник Лисавенко.
Первое десятилетие XX в.*

Александр Олониченко долго сомневался, но все же отправил рукопись повести «На заимке» в литературный журнал «Сибирские записки». Выше мы приводили реальные отрывки из этой повести, которые отыскивали в архиве журнала «Сибирские записки» за 1919 год.

Повесть Олониченко получила положительные отзывы. Заметка о талантливом молодом авторе А. Олониченко появилась даже в местной газете в рубрике «Литературное обозрение», но через год Саша умирает от тифа. В 1920 году в Красноярске бушевала тифозная эпидемия.

Эта трагедия сблизила Михаила Лисавенко с отцом Шуры Алексеем Ивановичем. Олониченко будет относиться к Лисавенко по-отцовски. Алексей Иванович поделится с Лисавенко своим опытом садоводства, они будут поддерживать постоянную переписку.

Ольга Александровна Баранова говорит:

«Я думаю, что Михаил Афанасьевич считал Олониченко своим вторым отцом, близким человеком. Есть их переписка, это очень теплые письма. Лисавенко хлопотал, чтобы в Красноярске увековечили память об Олониченко, после его смерти в 1946 году. Многие годы Лисавенко добивался, чтобы архив Олониченко передали Алтайской станции садоводства, и только в мае 1967 года, в год своей смерти, он смог его получить. Лисавенко ценил Алексея Ивановича за то, что он помогал всем опытным Сибири, рассылая им саженцы яблони своих сортов».

Олониченко был не просто красноярским садоводом-самоучкой. Он учился в Москве в знаменитых садах

А. К. Грелля. Александр Кондратьевич Грелль был владельцем единственного в России акклиматизационного сада на Воробьевых горах. Он учил «доходному плодоводству», сочетая лекции по промышленному садоводству и огородничеству с практическими занятиями.

Как же крестьянин из Красноярска туда попал? В советское время, конечно, об этом не писали, но есть легенда, что Алексей Иванович был незаконнорожденным сыном того самого золотопромышленника Петра Ивановича Кузнецова, что имел богатую усадьбу на заимке с итальянскими окнами и чудесным садом, образ которого попал в повесть Шуры «На заимке».

Для Кузнецова садоводство было богатым развлечением. На своей усадьбе он строил теплые оранжереи (представьте, сколько денег и сил требовалось, чтобы протопить их дровами). В дневнике за 1875 год протоиерея кафедрального собора в Красноярске отца Василия Касьянова есть сведения о садах и оранжереях золотопромышленника Петра Ивановича Кузнецова: «Кузнецова Авдотья говорит, что во французской газете печатается рассказ Норденшельда, что в Сибири, на берегах Енисея растет виноград, и что в эту минуту, когда он пишет, перед ним лежит кисть винограда».

Большинство из нас сегодня пробовали популярный сорт яблок Ренет Симиренко. Так вот: в имении у Кузнецова десять лет жил и работал будущий ученый-помолог, впоследствии ставший известным всему миру, Лев Платонович Симиренко. Он был сослан в Красноярск из Киева за связь с народовольцами и работал у Кузнецова в оранжерее. Симиренко занимался с молодым Олониченко и заразил его садоводством. А затем Кузнецов отправил Олониченко на учебу к лучшим садоводам России. Вернувшись, Алексей Олониченко работал у Кузнецова садовником.

Обычно, когда пишут о Михаиле Лисавенко, то подчеркивают тот факт, что он был учеником самого Ивана Владимировича Мичурина — известного селекционера. Но нужно понимать, что с самой юности, еще в Красноярске, Михаил видел плоды удивительно труда талантливых садоводов. Да, это было не промышленное садоводство, оран-

жереея затевалась здешней элитой не для выведения новых сортов, а лишь создавались условия для того, чтобы южные сорта росли в Сибири. Сам факт — отведать виноград или яблоко в Сибири — разве это не могло не вдохновлять? Этот мир был для избранных, окружен легендами и невероятными сплетениями судеб.

К Кузнецову в гости приезжал художник Василий Суриков, писал на его заимке этюды. Сохранилась даже фотография Сурикова на даче Кузнецова. Нелли Ефимовна Лалетина в книге «Яблочный спас. Из истории садов Красноярья» нашла в архивах записи Олониченко, где он вспоминает визиты Сурикова на дачу Кузнецова в 1894 году:

«Здесь он писал этюд с ссыльного полтавского казака, бывшего приискового рабочего Кузнецовых — Антона Семеновича Головатинского... Это гребец в лодке на картине «Покорение Сибири». Кроме того, В. И. еще написал этюд с бугачевского казака Анания Семеновича Черкасова, привезшего на дачу дрова».

О. С. Овчинникова в статье «Из истории Сибирского садоводства» рассказывает, что при даче Кузнецова кроме оранжерейного сада были парники, грунтовые сараи, цветники. А в комнатах дачи и городского дома росли пальмы, папоротники и другая экзотика. К столу подавали собственные апельсины, ананасы, лимоны, виноград.

Когда Кузнецов умер, его имение перешло родственникам, а в 1914 году дом и сад выставили на торги и продали за 100 рублей — совершенно мизерную сумму. Новый хозяин принялся перестраивать дом. Скорее всего, гимназисты Миша Лисавенко и Шура Олониченко были здесь несколько раз в 1915 году и видели, пусть уже и заброшенный, но все же тот удивительный сад под крышей.

У самого же Олониченко уже в 1900 году был свой участок и свой сад. В красноярской газете за 1901 год мы нашли объявление, где Олониченко «предлагает по умеренным ценам акклиматизированные яблони (1 рубль штука), крыжовник (50 копеек штука), земляника ремонтантная (5 рублей 100 штук), семена пшеницы Краснотурки (1 рубль пуд)».

Дом Олониченко находился в центре города недалеко от гимназии; в этом доме часто бывал гимназист Михаил Лисавенко. В 1916 году в Красноярске случилось большое наводнение, и сад почти весь погиб. Но Олониченко к 1920-му году сумел его восстановить.

В 1915 году, когда гимназисты Миша Лисавенко и Саша Олониченко были особенно дружны, они вместе с Алексеем Ивановичем Олониченко посещали дачу еще одного известного в Красноярске садовода — Всеволода Михайловича Крутовского.

В госкаталоге мы нашли фотографии сланцевого сада — как раз 1915-го года. На ветках — действительно крупные яблоки. Если верить публикациям местных газет, то урожайность сланцевых сортов у Крутовского уже тогда была отменной, она доходила до 350 кг яблок с одного дерева. Сад просуществовал с 1904 года около 80 лет.

Фамилия Крутовских в то время была известна всему Красноярску. Это были дети известного золотодобытчика. Но гимназист Миша даже не подозревал, что породнится с этим знатным родом. Его первой супругой станет Зинаида Николаевна Титовская, племянница братьев Крутовских.

ПЛЕМЯННИЦА САДОВОДА КРУТОВСКОГО

«По окончании гимназии, в том же 1917 году я поступил в Томский Университет на юридический факультет и одновременно вольнослушателем на историко-филологический факультет, предполагая дать себе широкую общеобразовательную подготовку — но не окончил ни того ни другого, так как в силу материальных и семейных обстоятельств был вынужден прекратить в 1919 году учебу (женился, в 1918 году родился ребенок; впоследствии, в 1923 году, со смертью сына развелся с женой З.Н. Титовской — племянницей садовода В.М. Крутовского — и с того времени семьи не имею)» — из биографии Михаила Лисавенко.

Николай Дворцов в документальной повести о Лисавенко «Нужны энтузиасты» пишет:

«Остается неизвестным, что сблизило Михаила Афанасьевича с Зинаидой Николаевной Титовской, родственницей братьев Крутовских. Внешность и духовное состояние ее также неизвестны. Можно только полагать, что их совместная жизнь складывалась не совсем ладно, а с рождением в 1918 году сына материальные трудности в семье стали причиной многих осложнений» [38].

Признаемся, мы тоже долго не могли найти, как же выглядела первая супруга Михаила Афанасьевича Зинаида Титовская. В личном архиве Михаил Афанасьевич бережно хранил фотографии отца, матери, сестры, снимки сына Афанасия (их он всегда держал в рамке на столе), а вот первая супруга, с которой они болезненно расстались, была загадкой. Если посмотреть оригинал рукописной автобиографии, то сразу бросается в глаза, как Лисавенко спрятал первую жену в большие скобки, но при этом нарочито подчеркнул, что это была не простая дама, а племянница красноярского садовода Крутовского.

Больше года ушло на поиски, мы не могли найти не то что снимок, любой документ, где бы упоминалась Зинаида Титовская. Но удача неожиданно нам улыбнулась. Мы познакомились с красноярским краеведом Аделей Владимировной Бродневой. Долгие годы она работала директором литературного музея им. В. П. Астафьева в Красноярске. Аделя Владимировна много лет изучает историю рода братьев Крутовских в Красноярске. Она бережно хранит все материалы, связанные с этой семьей. И представьте: в своем архиве она обнаружила фото женщины с ребенком на руках. Скорее всего, этот снимок попал к ней из частных архивов потомков Крутовских. На обратной стороне фотографии синими чернилами сделана подпись: «Титовская Зинаида Николаевна. Фото от Овчинникова и Лисавенко».

Увидев этот снимок, мы поняли, что это — супруга Михаила Афанасьевича. Ведь мальчик на руках — точная копия Афанасия Лисавенко. Скажем больше: в институте,

в музее Лисавенко, есть снимок Михаила Афанасьевича с сыном на руках. Карточка подписана: «М. А. Лисавенко с сыном Афанасием, август 1918 года». У этих снимков один и тот же фон, а маленький Афанасий одет в одну и ту же белую распашонку.

Бесспорно, у нас на руках — снимок Зинаиды Николаевны Титовской, сделанный в тот же день и в тот же час в августе 1918 года.

Так фантастически через век мальчик на фото — сын Афанасий — соединил для нас двух расставшихся навсегда родителей.

Внешность Зинаиды Николаевны теперь нам известна. Кудрявая, с задорной улыбкой и тонкой талией, чувствуется ее веселый нрав, какой-то девичий огонек. Одеты очень просто: черная юбка и белая свободная блуза. Но надо понимать, что снимок сделан в 1918 году: революция, и дорогие купеческие платья и прически уже никто себе позволить не мог.

Кучерявая Зина — дочь Николая Григорьевича Титовского. Сам Титовский в 1889 году окончил физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. А его супруга, мать Зины, Елизавета Михайловна Титовская (в девичестве Крутовская) — одна из восьми детей в знаменитой красноярской семье золотопромышленника, купца Михаила Андреевича Крутовского. Братьями Елизаветы были прославленные ученые Владимир и Всеволод Крутовские. Владимир Михайлович — выдающийся общественный деятель Сибири, врач, просветитель. Всеволод Михайлович — знаменитый в Сибири садовод, селекционер. В 1904 году братья Крутовские заложили сад в устьях реки Лалетиной. Краеведы Красноярска уверены, что именно в этом саду, впервые в истории садоводства, были выведены уникальные сорта яблони арктической стелющейся.

Будущая теща Лисавенко родилась в 1868 году, закончила семь классов женской гимназии, а затем — историко-филологическое отделение высших Бестужевских курсов в Петербурге. После их окончания Елизавета уехала в Париж, где изучала медицину. Затем вернулась в Россию и вышла замуж, с супругом и детьми они переехали

*Зинаида Николаевна Титовская,
первая супруга Лисавенко с сыном Афанасием. 1918 г.*

в Красноярск. С 1909 по 1912 годы Николай Григорьевич Титовский работал преподавателем в фельдшерской школе Красноярска, а Елизавета Михайловна трудилась в городской библиотеке.

Где-то после 1912 года Титовский открыл в Красноярске типографию на улице Воскресенской. Точный адрес мы узнали из сохранившегося в красноярском архиве бланка этой типографии. На бланке написано: «Типография Титовский и К, угол Воскресенской улицы и Театрального переулка, дом Шмандина, телефон №146».

В типографии с 1915 по 1919 годы печатался журнал «Сибирские записки», редактором которого был Владимир Михайлович Крутовский. На первом этаже типографии был их магазин бумаги и канцелярских принадлежностей. Также известно, что Титовский владел фабрикой каучуковых штемпелей. Очевидно, что Титовские были достаточно обеспеченной семьей и жили где-то в центре Красноярска.

Как судьба свела гимназиста Михаила Лисавенко с дочкой Титовских, можно только гадать. Он мог зайти в канцелярский магазин за блокнотами и встретить там ее, а, может быть, они увиделись в саду Крутовских, который Миша с другом Шурой посещали несколько раз.

Красноярский краевед Аделя Владимировна Броднева считает, что могло быть как угодно, но, скорее всего, история любви началась банально — Михаил и Зинаида познакомились, будучи гимназистами.

Аделя Владимировна говорит:

«Учитывая семью, Зина Титовская обязательно обучалась в женской гимназии. Несмотря на то что в дореволюционный период школьное обучение девочек и мальчиков было раздельным, старшекласники мужской и женской гимназий встречались довольно часто. Руководство учебных заведений, как специально, проводили много совместных мероприятий, чтобы познакомить ученых юношей с учеными девами. Учащиеся мужской и женской гимназий обычно были задействованы в любительских благотворительных спектаклях, концертах. Так что познакомиться у них было очень много шансов» [1].

В статье Татьяны Кискидосовой «Повседневная жизнь учащихся гимназий и прогимназий городов Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века» мы находим такие подробности досуга гимназистов-старшекласников:

«В летний период педагогами мужской или женской гимназии организовывались экскурсии на пароходе по Енисею, походы в заповедник Столбы, разнообразные пикники и прогулки. Со стороны учащихся подобные мероприятия вызывали большой интерес. Педагогический совет Красноярской женской гимназии видел ценность экскурсии на пароходе по Енисею до Минусинска в том, что ученицы могут познакомиться с окружающей природой и посмотреть экспонаты Минусинского краеведческого музея.

Широкое распространение в городских учебных заведениях получили подготовка и проведение познавательных чтений, литературно-музыкальных вечеров, постановка спектаклей и праздничных мероприятий.

Корреспондент «Енисейской мысли» восторженно писал о проведении годовичного акта Енисейской женской гимназии: «Небольшой, но изящно декорированный зал, элегантные костюмы, солнечный осенний день и веселые лица учениц — все это представляло изящный ансамбль. Акт женской гимназии — лучшее впечатление, тем более, что наша провинциальная среда еще бедна проявлениями духовной жизни» [45].

Особой популярностью пользовались литературные вечера, посвященные юбилею известных писателей и поэтов. Как правило, на данные мероприятия ученики готовили рефераты на разнообразные темы.

В свободное от учебы время учащиеся могли посетить лекции, проводимые разнообразными учебными заведениями, общественными организациями, собраниями и т. д. В начале XX в. в губернском центре для проведения досуга молодежи действовал Дом юношества».

Получается: как только Михаил окончил гимназию (а это был 1917 год), он женился на Зинаиде Титовской. Учитывая революционное время, вряд ли у молодых была

пышная свадьба. К тому же в 1917 году умирает отец Зины — Николаю Григорьевичу Титовскому было всего 51 год, причину смерти уже не установить. Мать Зины, Елизавета Михайловна, после революции работала в Красноярской городской библиотеке, была заместителем директора.

Неизвестно: пока Михаил был в Томске, жила ли Зина в Красноярске с мамой или отправилась в Ачинск к родителям Михаила.

По фото, где маленький Афанасий на руках Зины (мы теперь установили, что это август 1918 года), малышу примерно восемь-девять месяцев — точно не больше года. В автобиографии Михаил Афанасьевич указывает, что сын родился в 1918 году, получается — в самом начале года.

Любопытно сравнить две фотографии. Михаил Лисавенко в 1917 году — первокурсник Томского университета, и он же в 1918 году — с сыном на руках.

Кажется, всего год разницы, но как изменился Лисавенко. На фото 1918 года (ему всего-то 21 год) он выглядит совсем взрослым мужчиной, старше своих лет. И этому находится объяснение. В 1917 году страна переживала самый сложный период.

СТУДЕНТ

Учеба в Томске в первом университете Сибири оказалась трудным испытанием. В статье «Повседневная жизнь университетского сообщества города Томска в период революционных событий 1917 года» авторы С. Ф. Фоминых и А. О. Степанов приводят примеры, как остро реагировали студенты на революции. Без конца проходили митинги, собрания, студенчество, пользуясь приобретенными гражданскими свободами, даже обсуждало поведение ряда профессоров вузов Томска, их педагогические качества и степень добросовестности исполнения своих обязанностей:

«В Томском университете имел место конфликт между профессорами юридического факультета, в который были

*М. А. Лисавенко —
студент Томского
университета.
Томск. 1917 г.*

вовлечены и студенты. В марте 1917 года группа профессоров (Мокринский, Прокошев, Тельберг, Кравченко, Солнцев) выразила недоверие декану П. И. Ляценко и секретарю факультета Н. Я. Новомбергскому, обвинив их в нарушении «освященного обычая и юридически единственно допустимого» порядка составления протоколов заседаний факультета и потребовало их отставки. Предлогом послужило то, что П. И. Ляценко и Н. Я. Новомбергский не огласили текст протокола предшествующего заседания, а также то, что ими не были внесены поправки с дальнейшим утверждением их на голосовании. Вопрос о случившемся обсуждался студентами факультета на упомянутой выше сходке. По ее результатам было постановлено «просить профессоров П. И. Ляценко и Н. Я. Новомбергского остаться на занимаемых должностях». В своем обращении студенты-юристы подчеркивали: «Упомянутые профессора за все время своего пребывания на этих должностях в высшей степени внимательно относились к нуждам студентов, всегда помогали им своей охотной, безусловно, беспристрастной помощью старших товарищей во всех затруднительных случаях академической жизни». Позднее в «Сибирской жизни» было опубликовано письмо студента юридического факультета Роговского с призывом бойкотировать занятия этих профессоров. В итоге профессора Ляценко и Новомбергский заявили о своем уходе с занимаемых ими должностей» [183].

А это был факультет, где учился Михаил Лисавенко. Тяжело было студентам и с жильем. Свободных квартир не было, комнаты сдавали очень дорого. Подорожали в 1917 году и все продукты.

«С января по декабрь 1917 года цена пуда пшеничной муки выросла с 3 руб. 35 коп. до 7 руб. 60 коп., пуда мяса — до 20–28 руб., сахара — с 7 руб. 50 коп. до 15 руб. 60 коп. Продукты, оставленные для так называемой свободной тор-

говли, подорожали еще больше (подсолнечное масло, картошка, сено, предметы одежды и многое другое», — отмечают в статье С. Ф. Фоминых и А. О. Степанов [183].

19 апреля в Томске состоялось общее собрание студентов, посвященное вопросам академической жизни. Одним из пунктов был вопрос об отмене весной 1917 г. экзаменов (минимума) «в виду необходимости для студентов принять немедленное участие в более важной в настоящий момент работе — общественной и сельскохозяйственной».

Экзамены не отменили, но часть студентов бросили учебу. Лисавенко, однако, занимался очень прилежно. Кроме учебы на юридическом факультете он даже записался вольнослушателем на только открывшийся историко-филологический факультет. Дело в том, что специально к открытию нового факультета университет выписал из столицы, как бы сейчас сказали, «звездный» преподавательский состав. Это были ранее работавшие в Петроградском университете Э. В. Диль (кафедра классической филологии), А. А. Гвоздев (кафедра истории западноевропейской литературы), П. Г. Любомиров (кафедра русской истории), бывший преподаватель Петроградских высших женских курсов С. И. Протасова (кафедра всеобщей истории), бывший профессор Ростовского университета А. Д. Григорьев (кафедра русской словесности, декан факультета), а также С. И. Гессен (кафедра философии и логики). Все они давали открытые лекции, проводили семинары и собрания в университетской библиотеке.

Записи с лекций Гвоздева по западноевропейской литературе мы нашли в архиве Лисавенко. И эта тетрадь — очень красноречивый документ эпохи. На первой странице тетради тонким ровным почерком выведены инициалы Лисавенко, его фирменный — «Лис», но лекции обрываются через 10-15 страниц. Потом, спустя десять лет, в 1929 году эту же тетрадь он будет использовать для заочных курсов Тимирязевской академии. И здесь уже никаких «завитушек» и ровных строк — размашистый почерк, не перо, а карандаш, много подчеркиваний и исправлений...

*М. А. Лисавенко
с сыном
Афанасием. 1918 г.*

Именно в Томском университете Лисавенко познакомился с ботаническим садом, который заложил известный исследователь сибирской флоры Порфирий Никитич Крылов. В июне он приехал из Казани в Томск, везя с собой 900 горшков оранжерейных растений. Крылов умудрился провезти этот нежный груз по Сибирскому тракту, переправляясь на паромах через реки. Эти растения стали «первенцами» большой университетской оранжереи. А в 1917 году, когда в университет поступил Лисавенко, в оранжереях уже росли более 12 000 экземпляров

растений из тропических и умеренно теплых стран — пальмы, бананы, бамбук, ананас, агавы, магнолии, драцены, ливанский кедр, кофейное дерево и многое другое. Ботанический сад стал живой лабораторией, которой пользовались студенты при прохождении курса ботаники.

В Томском императорском университете Михаил Лисавенко проучился до 1919 года (два с половиной года). Никто его не отчислял: как точно он пишет в автобиографии, «вынужден был прекратить учебу» [188]. Возможно, не выдержала без мужа и без денег Зина Титовская — настояла, чтобы он приехал и устроился на работу. Есть еще одна версия: мы знаем, что в начале 1920-х годов отец Лисавенко попадет в тюрьму. Скорее всего, уже в 1919-м он оказался под следствием, не мог работать и содержать семью. Михаилу как единственному сыну пришлось возвращаться, чтобы прокормить жену с сыном, мать, отца и сестру.

ИНСТРУКТОР

Оставив учебу в Томском университете, Лисавенко приехал в Красноярск. В начале октября 1919 года он устроился инструктором-практикантом в красноярское отделение Енисейского Губернского Союза кооперативов. Это нам сейчас может показаться, что служба в кооперативе — работа с бумажками.

В начале века в городах и районах было много мелких союзов, обществ, кооперативов — по рыбе, по зерну, по выращиванию кроликов, разной скотины и т. д. Эти кооперативы советская власть быстро приспособила к своим нуждам. Инструктор должен был объезжать свой участок, проверять бумаги, оформлять различные взносы, но самое главное — собирать налоги. Фактически это были ежедневные поездки по району и сбор скотины и имущества в счет государства. И брали эти налоги не деньгами, а натуральным товаром. «Кровь лилась рекой» — напишет в одном из дневников Лисавенко, имея в виду, что постоянно приходилось вести на убой скотину: коров, свиней.

Проработав всего пару недель в Красноярске, Михаил перевелся работать на эту же должность в ачинское отделение Союза кооперативов (мы даже знаем точно дату переезда — 26 октября). В Ачинске жили его родители, был дом отца. Этот переезд к родителям оказался очень кстати. В документе «Отчет о деятельности секретариата за 1919 год Енисейского Губернского союза кооперативов» мы нашли упоминание о Лисавенко. Заведующий конторой сообщает о том, что часть инструкторов из Красноярска оказались мобилизованы, но Лисавенко это не коснулось, так как он уже был в Ачинске. Правда, и в Ачинске обстановка держалась напряженной. Из отчета мы узнаем, что бывший ачинский инструктор А. В. Крумин не просто оставил свою должность, а был убит повстанцами.

«Вот в кратких словах те условия, в которых приходилось работать инструкторам в районах. При составлении маршрутов всегда приходилось считаться, чтобы инструктор не был захвачен той или другой из борющихся сторон.

Но это не всегда удавалось: выезжал инструктор как будто в спокойный район, а через некоторое время этот район был охвачен повстанческим движением. Инструктору приходилось возвращаться обратно и ехать по новому маршруту. С такими перебоями работа в районе проходила весь год», — сообщает в отчете секретарь красноярского отделения Енисейского Губернского Союза кооперативов [192].

Нормативы — сколько инструктор должен был всего собрать на своем участке — были большие. Собирали не только скотину, зерно, но и шкуры, шерсть. Сохранилось письмо, подписанное январем 1920 года, где один из товарищей (возможно, тоже инструктор) советует Лисавенко: «Поймай кобеля, обстриги его...». Смысл такой, что попробуй хоть собачьей шерстью выполнить норму и килограмма два шерсти в отчет добавить.

От безысходной жизни — денег совсем не было — Лисавенко, год проработав инструктором, решает отправиться на заработки на самый север Красноярского края.

В те годы Красноярский Потребсоюз организовывал что-то вроде экспедиций на пароходе по Енисею до самого Норильска. Тем, кто ехал по такому непростому маршруту, нужно было у северных народов выменивать на оружие и продукты пушнину — главным товаром были беличьи шкурки. Местные охотники добывали белок миллионами. А в центральной части страны мех был в цене. Поездка на север была делом опасным, но Лисавенко надеялся, что сможет немного заработать для семьи. Молодая жена, как мы знаем, была из обеспеченной семьи и не привыкла переносить с «хлеба на квас». А тут еще и маленький сын.

Собрав в дорогу все самые теплые вещи (зимой в районах Норильска температура опускалась до -60°), на поезде Михаил поехал из Ачинска в Красноярск. Здесь ему нужно было затовариться для обмена (ружьями, патронами, другими товарами, на которые у северных охотников был спрос). Но снабжали его и писали отчетные бумаги так долго, что, когда он прибыл в порт, пароход уже снялся с якоря, и Лисавенко только и смог махнуть вслед рукой на его протяжный гудок. Это был последний пароход

в том 1920-м году. Навигация по Енисею закрылась до мая. Спустя много лет Михаил Афанасьевич даже шутил, что, возможно, и не был бы садоводом, если бы не опоздал тогда на этот пароход.

Но, конечно, в этой шутке был намек не на то, что холодный Норильск отбил бы охоту заниматься садоводством, а на то, что он мог и не вернуться оттуда живым. А вот сама идея садоводства уже в 1920 году сидела в нем крепко, правда, пока притаившись — как белка на ветке.

МОЙ САДИК

«Весной 1920 года были посажены первые яблони (дикие сибирские), вишня и земляника, которые удалось достать в Боготоле из заброшенного питомника при лесной школе и частью из Красноярска — от Вс. М. Крутовского — все это было в очень скромном количестве. С того времени идея сибирского садоводства постепенно все более завладевала мной» — из автобиографии Михаила Лисавенко.

Переехав инструктором в Ачинск, Михаил Лисавенко поселился с супругой в доме родителей по адресу: ул. Коминтерна, 2-4. Справедливости ради стоит сказать, что это был не сам Ачинск, а станция Ачинск-2. Дом Лисавенко находился на самом краю станции у речки Тептятка. Здесь у матери был огород в четыре сотки, с которого и начался первый сад Лисавенко.

В самом начале 1920 года, то есть еще до того, как Лисавенко посадил в огороде матери первые плодовые деревья, он пишет письмо Михаилу Васильевичу Рытову. Рытов был выдающимся агробиологом, основоположником русского научного овощеводства, исследователем в области плодоводства. Ответ пришел с запозданием (примерно в мае 1920 года), и отвечает не сам Михаил Васильевич (так совпало, что в апреле 1920 года профессор умирает), а его сын Сергей Михайлович Рытов: «На ваш вопрос отвечаю, анализ почвы сделайте у Константина Павловича Горшенина в Омском сельхозинституте, обратитесь к нему».

*Родители М. А. Лисавенко:
Афанасий Михайлович и Анастасия
Алексеевна в ограде своего дома
в Бийске. 1930-е гг.*

Из письма мы понимаем, что Лисавенко спрашивал у Рытова о почве Ачинска, он интересовался, можно ли как-то использовать кровь забитой скотины для удобрения почвы. Это был его главный вопрос. Потому что, будучи инструктором, Михаил Афанасьевич видел, сколько скота идет на убой.

То есть в самом начале 1920 года он думал не только о том, как заложить сад, но и чем можно удобрять ачинскую землю.

У начинающего садовода не все шло гладко. О своих неудачных первых экспериментах Лисавенко рассказал в 1932 году в «Крестьянской газете»:

«Мне хотелось иметь в своем саду настоящие крупные яблоки, и я повторил ошибку сибирских любителей плодовых: занялся выпиской и посадкой деревьев из-за Урала. Они погибли. К этому времени я узнал о Мичурине и поспешил достать из его питомника несколько сортов яблонь с самыми «северными» названиями, вроде Таежное, Заря тайги, Ермак и другие. Но их постигла та же участь».

Сад Лисавенко долгое время был единственным не только в самом Ачинске, но и во всей его округе. Пережив увлечение «иноземными» сортами, перепробовав сорта других сибирских садоводов, Михаил Афанасьевич рискнул создать свои собственные сорта путем посевов.

«Я был счастливее своих предшественников-мичуринцев старшего поколения: со многими из них я был знаком лично или переписывался с ними и мне не пришлось повторить их акклиматизаторских ошибок. Помогла мне в самом начале моей опытной работы статья на правильный путь изданная в 1921 году брошюра И. В. Мичурина «Выведение из семян

новых культурных сортов плодовых деревьев и кустарников». Это небольшая — всего в 44 страницы — книжка стоила иных толстых томов и явилась для меня настоящим откровением», — расскажет Лисавенко в статье «Цветут сады в Сибири», которая была опубликована в «Сибирских огнях» (№6, 1956 год) [156].

Почему брошюра стала откровением, догадаться несложно. Вот цитата из того самого издания 1921 года. Мичурин пишет:

«Климатические невзгоды могут служить помехой лишь при стараниях водворить и акклиматизировать у нас уже готовые растения сортов, выведенных в чужих краях с совершенно другими климатическими условиями, а при настоящем ведении дела, при выращивании своих собственных местных сортов растений из семян, эта помеха отойдет на задний план. При таком способе получения растений с применением гибридизации и подбора — этих могучих и еще недостаточно оцененных по своей силе рычагов — климатические невзгоды утратят большую часть своего влияния вследствие того, что выращенные таким способом растения с самой ранней стадии своего развития приспособляются и привыкают к климатическим условиям местности своей родины, они так сказать, создаются под воздействием этих условий и, следовательно, они не будут им страшны. Это — аксиома, не требующая доказательства» [190].

Мысль Мичурина — в том, что бесполезно акклиматизировать в Сибири южные сорта, нужно выводить свои — сибирские. Эта идея стала путевой звездой для будущего селекционера Лисавенко. Стоит сказать, что тот же Лев Платонович Симиренко (что выращивал виноград и прочие диковинные для Сибири растения в оранжереях Красноярска — у золотопромышленника Кузнецова) считал, что в Сибири садоводство возможно только под стеклом, т. е. в теплицах и оранжереях. Симиренко был непререкаемым авторитетом дореволюционного научного садоводства. Но Лисавенко поверил Мичурину. Но пока, в самом начале 1920-х годов, он занимается садом урывками, в основном после работы.

Уже в 1920 году Михаил Лисавенко из инструктора становится секретарем правления, потом — заведующим рас-
пределительного отдела, еще через два года — заведующим
торгово-заготовительным отделом.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО И СТРАШНАЯ ПОТЕРЯ

С супругой Зинаидой, судя по всему, отношения у Лисавенко были сложными. Очевидно, что жизнь в маленьком Ачинске (который даже Лисавенко называл «захолустным уездным центром») ей, даме из обеспеченной красноярской семьи, была слишком тягостна. Титовская часто оставляла сына на Анастасию Алексеевну — мать Лисавенко, а сама ездила в Красноярск к родственникам. Огородные дела ее совершенно не интересовали. В один из дней она говорит супругу, что ей необходимо отдохнуть, и она приняла решение уехать на лето на юг.

— А как же Афанасий, как же сын?

— Не переживайте, он останется с вами...

Когда Лисавенко пошел провожать супругу на поезд, то на вокзале понял, что уезжает она не одна, а с каким-то офицером.

Такое предательство, конечно, было невыносимо. От отчаяния он даже решил написать стихотворение. То единственное, что сохранилось, но которое так и невозможно полностью прочитать.

Ольга Александровна Баранова, которая и нашла среди рабочих документов этот листочек с откровением, говорит:

«Стихотворение написано таким почерком, что полностью его расшифровать невозможно... Он писал не для нас, он писал для себя. Потому, что внутри все горело огнем. Угадываются только отдельные слова, образы: что вечер был окутан синевой, что он смотрел на нее, что не мог поверить, как так супруга могла его предать. Конечно, он ее любил. «А знаете, завтра на юг я уезжаю на лето...» — единственная строчка, которую можно расшифровать. А дальше лишь отрывки его мучений: «Как же она так могла, ведь я же не подлец, я ведь старался для нее»...

В дневниках Лисавенко нет прямых воспоминаний о Зине Титовской. Но в одном старом блокноте, где он еще делал записи простым карандашом, а не чернилами, есть очень любопытная цитата Чарльза Дарвина из его автобиографии 1907 года выпуска:

«Я вообще издал бы закон против романов с несчастным окончанием. Никакой роман, на мой взгляд, не подходит под категорию первоклассных, если в нем нет хоть одного лица, внушающего безусловную любовь, а если это к тому же хорошенькая женщина, то и того лучше...»

Видимо, для Лисавенко это откровение Дарвина было очень даже близко.

Лисавенко остается в Ачинске с трехлетним сыном. Афоня был чудесным мальчиком, рослым, чертами походил на деда, в честь которого и получил свое имя. Михаил в сыне души не чаял. Когда мальчик немного подрос, было ему около пяти лет, Лисавенко стал брать Афню с собой в поездки по району. Ездили на лошади, пока добирались, Михаил сочинял для сына складные истории про лес, поле, цветы... Одна из таких поездок стала роковой.

Он ездил на работу за семь километров. Была уже осень. Вечером они возвращались, на улице сильно похолодало. Лисавенко испугался, что заморозит сына, и заехал в одну хату у дороги погреться. А в этом доме оказался ребенок, больной скарлатиной. Побыли они там от силы час, но как вернулись домой, оба (и Михаил Лисавенко, и маленький Афоня) сильно разболелись. Сейчас сложно восстановить детали этой трагедии, но точно известно, что Лисавенко посылал за доктором Крутовским в Красноярск. Он приехал

*Афанасий Лисавенко
(сын М. А. Лисавенко).
Приблизительно 1922 г.*

так скоро, как позволяло расписание поездов того времени, но Афоня уже был мертв. Хоронили его в маленьком черном гробике... От горя Михаил Афанасьевич долго не мог опривиться. Больше судьба не пошлет ему кровных детей.

САД КАК ЛЕКАРСТВО ОТ ДУШЕВНЫХ РАН

Потеря сына, сбежавшая жена... такие испытания судьбы могут сломать даже крепкого человека. Но Лисавенко не начал пить (хотя курил он очень много), не разочаровался в людях. Утешение он нашел в своем маленьком садике в Ачинске.

«Весь свой досуг я отдавал любимому делу и несмотря на все трудности, какие приходилось испытывать мне как новичку (они мне теперь самому кажутся смешными), тем более, что в Ачинске в то время я был единственным садоводом, садик мой с каждым годом рос и расширялся. Многие тогда ещё смотрели на это дело, как на забаву или как на нелепую затею, и я не могу передать ту радость, которую испытал, когда впервые увидел пять яблочек на выращенных мной деревьях. Олониченко несколько раз приезжал ко мне из Красноярска, давал мне свой материал, обучал меня приемам садовой агротехники. Был тесно связан так же с боготольским садоводом Эмилием Михайловичем Ковальке, который несмотря на разницу в годах (более чем в два раза старше меня), являлся моим лучшим другом. Из питомника И. В. Мичурина мне необходимую помощь оказали А. С. Тихонов и А. Н. Бахарев, у меня были Масшное, Китайка золотая и другие сорта, полученные мной в 1928-29 годах, но климатические условия Ачинска настолько суровы (минимумы температуры воздуха доходили до -52, 60 градусов), усугублялся неблагоприятным местоположением — участок открытый, подверженный постоянным ветрам) и почвенными условиями (кислая болотистая почва), что даже большинство сибирских сортов ранеток не выдерживали и обмерзали, и часть их приходилось вести в стелющейся форме под снежной защитой. Сеял и сажал я бесконечное

количество и очень многое выбрасывал, но всё же приусадебный участок становился всё более тесным и в 1926 году по предложению председателя Ачинского Окрисполкома т. Аверьянова, интересовавшегося моей работой, Горсовет прирезал мне около 0.5 га земляной площади дополнительно» — из автобиографии Михаила Лисавенко.

Из писем и дневников Михаила Афанасьевича мы понимаем, что не просто так председатель Ачинского Окрисполкома товарищ Аверьянов выделил Лисавенко дополнительный участок. Ачинск был довольно грязный, пыльный городок, и Михаил Афанасьевич поднимал вопрос о зеленых насаждениях на городских улицах. Проводил субботники, высаживал с общественниками в городе деревья. Так он и заручился поддержкой Аверьянова.

Николай Дворцов в очерке про Лисавенко описывает, как недавний боец партизанской армии председатель Аверьянов посещал сад Лисавенко, как восхищался сладкой земляникой и как Михаил Афанасьевич поднимает вопрос об озеленении Ачинска.

Дворцов пишет:

«Уже тогда, на первых шагах, Михаил Афанасьевич придает огромное значение пропаганде идей садоводства и озеленения. Это выгодно отличает его от многих предшественников и современников. Копии докладных Ачинскому горсовету, вырезки статей из газет проливают свет на то, как Лисавенко поднимал молодежь и всю общественность на озеленение города, как потом горячо убеждал и доказывал, что деревья и цветы украшают землю, нашу жизнь, они — первые друзья человека, поэтому относиться к ним надо бережно, по-дружески. Посадить дерево еще полдела. Куда сложнее сберечь его, выходить, и культура человека во многом определяется его отношением к природе, к своему «зеленому другу» [38].

В архиве мы нашли тетрадь Лисавенко, которую он начал вести в Ачинске с 1926 года. По факту, это первый документ, где нам открывается Лисавенко как исследователь и селекционер. В этой тетрадке (почему-то красными чернилами, возможно, других просто не было) он делает

записи о том, что посадил, что прижилось, и ведет наблюдение за температурой в разные времена года. Из этих записей мы видим, что в саду Лисавенко были ягодники: малина, вишня, смородина, крыжовник. Кстати, в статье в «Крестьянской газете» (она вышла в конце 1932 года) Михаил Афанасьевич рассказывает, что крыжовник в свой ачинский сад он привез в том числе и из Хакасии). Но больше всего в ачинском саду было земляники. Рассадку сорта Шарплес он получил от любителя из Томска. Также Лисавенко посадил в своем первом саду яблоню и сливу, построил теплицу, выращивал цветы, вел дневник измерения температуры воздуха.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Изучая документы о Михаиле Афанасьевиче Лисавенко конца 20-х годов XX века, мы все хотели разглядеть какую-то живую черту его характера. Первый садовод в Ачинске — значит упорный, любопытный, трудолюбивый, не боялся быть не как все. Инструктор, а потом экономист — выходит, собранный, ответственный, даже расчетливый... Но какой он был в общении? На что откликалась его душа? В одном из блокнотов Михаила Афанасьевича мы нашли интересную запись. Желтая бумага, которой уже почти 100 лет, сохранила едва читаемые карандашные строчки. С первого взгляда разобрать слова было очень сложно, но в глаза нам бросилось то, что в каждой строчке был поставлен вопросительный знак. Что это за вопрос-ответ? Лупа творит чудеса. И вот мы уже читаем:

«Что такое привычка? Жена. Ее легко приобрести, но трудно от нее избавиться. Что такое слава? Лестница. Чем выше поднимаешься по ней, тем сильнее она шатается. Я не хочу упасть и сломать себе шею. Для этого нужно быть честолюбивым. А что такое честолюбие? Черный кофе. Оно не дает тебе спать. Что такое ум? Комета Галлея. Она появляется раз в сто лет! Что такое забота? Средство для укрепления волос. От него лысеют! Что такое правда?

Мачеха. Никто ее не любит. Что такое человек? Книга. Что такое жизнь? Издатель. Что такое смерть? Библиотека...»

Мы догадались, что это остроумные цитаты из какой-то книги. И ведь не поленился Михаил Афанасьевич, сделал выписки, значит, зацепили эти строчки.

Стали копать, и оказывается: читал и выписывал наш герой юмористические рассказы Давида Фридмана. Загадочного американского автора (до сих пор литераторы гадают, был ли это псевдоним или реальная персона), четыре тоненьких книжечки-брошюры которого выпустила в 1926 году библиотечка журнала «Огонек». Главный герой уморительных рассказиков Менделя Маранца в разных бытовых ситуациях постоянно задавал вопросы и тут же отвечал на них забавными афоризмами: «Что такое жена? Рентгеновские лучи. Она видит тебя насквозь. Что такое женский язык? Хвостик маленькой собачонки. Он постоянно болтается. Что такое удовольствие? Стоять на горе. Весь мир у тебя под ногами. А что такое договор? Селедка. Из нее приходится выбирать много костей» и т. д.

Любопытно то, что книжка эта была популярна у московской интеллигенции. Ею зачитывались студенты Московского университета.

У Анатолия Рыбакова на страницах «Детей Арбата» есть эпизод о реплике Менделя «Что такое женщина? Гвоздь в стуле...» В итоге героя сценки исключили из института, из комсомола, из профсоюза...

Хоть время было тяжелое, Лисавенко был человеком с хорошим чувством юмора, он умел шутить и чувствовал меткое словечко. И, получается, даже живя в Ачинске, был в курсе самой модной литературы в столице.

«Что такое жизнь? Клумба. Если на ней не растет тот цветок, который ты любишь, научись любить те цветы, которые на ней растут. Бери пример с Колумба. Если ты ищешь счастье на востоке, плыви на запад. Даже если ты не найдешь то, чего искал, ты, по крайней мере, откроешь новые земли», — эту цитату Лисавенко в своем блокноте обвел карандашом.

ТИМИРЯЗЕВСКАЯ АКАДЕМИЯ

«К тому времени я вел, помимо сортоиспытательной, и большую селекционную работу (в основном с ягодниками), в которой делал много неизбежных ошибок. Остро чувствуя недостаток теоретических знаний, я стремился пополнить их усиленным чтением специальной литературы и в 1929-31 гг. занимался на заочных курсах при Тимирязевской с/х Академии. Правда, вследствие большой загрузки прямыми служебными обязанностями, заниматься пришлось только урывками и так до сего времени остался без специального образования» — из автобиографии Михаила Лисавенко.

В 1929 году Михаил Лисавенко поступает на заочные курсы при сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. В архиве Алтайского края мы нашли анкету, которую заполнял Михаил Афанасьевич перед зачислением на учебу. Из нее мы получаем очень интересные факты.

Вопрос: сколько имеете в день свободных часов для заочного обучения?

Ответ: 1-2 часа.

Вопрос: какие книги читали по интересующим Вас вопросам сельского хозяйства?

Ответ: читаю много, имею библиотеку по садоводству и огородничеству. Выписываю журналы «Сад и огород», «Сибирское огородничество и плодоводство».

Свою библиотеку по садоводству Лисавенко начал собирать, еще будучи студентом красноярской гимназии. Так как он лично знал садоводов Олониченко и Крутовского (которые довольно часто выступали в журналах и газетах, рассказывали про свои опыты), то, конечно, их статьи он читал, собирал в свой архив. Сибирских садоводов в то время было не так много. Так, в Красноярске — Олониченко и Крутовские, в Томске — Кащенко, в Иркутске — Никифоров, в Минусинске — Бедро, в Боготоле — Ковальке. С ними Лисавенко был знаком лично, а с Кащенко по переписке. В то время написать письмо садоводу было несложно. Многие из них даже специально давали объявления в газетах (так часто делал Олониченко): оставляли

свой адрес и просили других садоводов им написать и поделиться опытом и саженцами. Так, по переписке, у Лисавенко завязалась дружба с Тихоновым (он занимался садоводством на Дальнем Востоке).

В своей автобиографии Лисавенко пишет:

«Из научных сотрудников неизменную помощь, начиная с 1926 года, оказывал мне Николай Николаевич Тихонов, с которым лично, после 10-летней переписки, я смог познакомиться лишь в 1936 году».

Это одна из интересных черт Михаила Лисавенко: он всегда вел большую переписку с садоводами-единомышленниками. Внимательно читал газеты и очень любил книги. В музее Лисавенко в Барнауле хранится большая коллекция брошюр, книг по огородничеству и садоводству, вырезок из газет, которые он начал собирать еще тогда — с начала 1920 года.

Сохранились рабочие тетради Лисавенко, которыми он пользовался на заочных курсах Тимирязевской академии. Это большие нелинованные листы формата А4, сшитые нитками. Заочникам задания и списки рекомендованной литературы приходили почтой. В своих тетрадях на каждый вопрос Лисавенко отвечает очень подробно, иногда даже прикрепляет фотографии. И обязательно оставляет широкие поля для замечаний, чтобы проверяющий мог подробно ему ответить.

Вот Лисавенко прикрепляет к бумаге черно-белый снимок разрезанных пополам овощей — свеклы и моркови — и пишет:

«Снимок вышел технически крайне неудовлетворительным, но все же кое-как в нем можно разобраться. Моя почтеннейшая просьба к Вам — пометить цифрами и стрелками основные аналитические элементы овощей, заснятых на этой фотографии с пояснением. Быть может, это лучше поможет усвоить этот вопрос. Одновременно я выписываю через бюро «Жизнь растений» К. А. Тимирязева. Быть может, она мне откроет глаза на некоторые стороны, которые я недопонимаю. Вообще, относясь со всей серьезностью к прохождению курса и стремясь, чтобы при его усвоении у меня не оставалось «темных мест», прошу Вас не отказывать рекомендовать мне книги, которые было бы полезно почитать. Кроме рекомендованной уже «Жизнь растений».

Лисавенко очень вдумчивый, внимательный ученик. Нередко на его ответы встречаются восторженные отзывы профессоров Тимирязевской академии, ему пишут: «Блестящий ответ», «Хорошая работа. Продолжайте учиться дальше!».

В ачинской газете «Ленинский путь» за 1930-й год (№17) мы нашли статью «Учитесь в заочном институте сельхоз образования», где Михаил Лисавенко рассказывает о том, как полезно быть слушателем заочных курсов. Он призывает всех желающих поступить в Институт заочного сельскохозяйственного образования при Академии имени К. А. Тимирязева. Лисавенко пишет:

«Огромное преимущество заочного обучения в том, что его можно провести, не отрывая учащихся от производства, и охватить самые широкие слои трудящихся без нужды в школьных помещениях и общежитиях» [153].

Но окончить курсы и получить диплом, а тем более пойти учиться дальше Лисавенко не смог в силу своей напряженной работы. Мало кто знает, что Михаил Афанасьевич в 1929 году (как поступил на курсы Тимирязевки) начал осваивать совершенно новое для себя дело — кролиководство.

ЖИВАЯ КАРТИНА: СВОБОДУ КРОЛИКАМ!

— Во, чудака!

— Чудака — это еще мягко сказано! Счетовод-кроликовод, мать его!

В конторе Ачинского кролиководческого совхоза Запсибпушнины назревала буча. Директор конторы товарищ Рыжиков в сердцах объяснял своему заместителю товарищу Зайцеву, что экономист Ачинского отделения Сибторга, товарищ, который им теперь уж совсем не товарищ, Лисавенко затеял мутное дельце: решил выпустить на свободу всех кроликов совхоза Запсибпуш. Он, видите ли, посчитал (на каких это, спрашивается, счетах!), что на свободе звери будут лучше плодиться и меньше болеть.

Рыжиков не унимался:

— Мы, получается, колотили для них клетки, чуть без пальцев не остались, — в доказательство он гордо продемонстрировал два своих кривых пальца, — возводили дома для кроличьей коммуны, а он предлагает лишить зверей положенного им жилья.

Зайцев, вдохновленный пламенной речью начальства, тоже решил вставить:

— Да зачем вообще нам этот счетовод нужен! Что мы — сами кроликов не посчитаем!

Тут Рыжиков строго зыркнул на помощника:

— Ты, Зайцев, с организационных на кадровые вопросы не скажи. Нагородишь сейчас. Помнишь, мы с тобой пробовали этих кроликов считать. Бесплезная затея. Ловили-ловили, а они — в разные стороны, и все — на одно лицо, то есть на одну морду. Кролики — это не картошка! Их ведрами не посчитаешь. Тут профессиональный счетовод нужен. Но, конечно, толковый — не как этот Лисавенко.

Зайцев сразу притих и робко выдал:

— А вот кролики с картошкой — это вкусно...

Над столом товарища Зайцева висел плакат, где был изображен упитанный кролик с большими ушами, подпись гласила: «Не велик уход — а большой доход!». Но пока дохода от бестолкового помощника не было никакого.

Дверь в конторе заскрипела, в комнату шагнул мужчина среднего роста в круглых очках, с тетрадкой и газетой в руках. Это и был тот самый экономист Лисавенко.

— Добрый день, товарищи!

Рыжиков, не здороваясь, закричал:

— Мы все знаем про твои счетоводные делишки! Нам из главной конторы доложили, как ты, пользуясь своей грамотностью, не только считаешь, но и пишешь письма товарищу Алексеву.

Лисавенко улыбнулся:

— Да, я же вам объяснял уже десять раз. Клеточная система содержания уже невыгодна. Пора переходить на новый способ — гаремный. Это нам позволит увеличить кроличье стадо. Когда у кроликов больше свободы, они и плодятся лучше. А сейчас у нас, в этих клетках, кролики мрут от болезней.

— Да, мрут! Но зато по-человечески, в своих домах! А что нам толку, если они будут на свободе размножаться-то!

Лисавенко в очередной раз разложил статью из журнала и принялся объяснять, что «на свободе» — это значит на огороженной территории. Что гарем не только удешевляет единицу продукции, но и оздоравливает стадо. Что нужно строить специальные кормушки-домики. Но Рыжиков и Зайцев стояли на своем:

— Чепуха какая-то. Так, может, нам и коров выгнать в поле! Не держать их по дворам! И кур прогнать вон — пусть размножаются!

Лисавенко зацепился за коров, как за тонкую соломинку:

— Ну, товарищи, коровы-то как раз в поле и пасутся. Они же не в клетках.

Но тут Зайцев ехидно заметил:

— Так у нас же не коровы, а кролики! Или ты кроликов доить собрался?

Экономист не сдавался:

— Выгода, товарищи, это когда затрат меньше, чем растрат. Когда затраты окупаются. При правильных условиях, чем больше кроликов, тем больше мясо и шкурки. Но не все так просто. Нам нужно подсобные хозяйства развивать. Вот, например, рядом с нашим кролиководческим совхозом заложить плодовый сад. Да вы посмотрите, товарищи, я же все просчитал: 40 кроликов дают удобрения для 0,5 га плодового сада. А мы этот навоз впустую выбрасываем.

Рыжиков и Зайцев подозрительно переглянулись. Экономист продолжал:

— Все же подсчитано: в навозе кролика содержится 2,3 процента азота, 15 процентов поташа и 1,9 процента фосфорной кислоты. Прекрасное удобрение! Известный кроликовод Звоников в статье рекомендует...

Рыжиков перебил Лисавенко:

— Подождите, подождите! Это что получается. Сибторг вас поставил нам кроликов считать: мясо, шкурки, затраты. Счеты новые вам выдал, а вы на этих счетах ... помёт считаете! Это где же такое видано. Если вас не останавливать, товарищ экономист, то вы так и в нашей уборной расчеты кинетесь проводить.

От этих слов в голове Зайцева вырисовалась страшная картина. Он подскочил к начальнику и крикнул во все горло:

— Нет! Не допустим! Голосуем, чтобы не пускать товарища экономиста в уборную!

Экономист огрызнулся:

— Больно надо!

Но Зайцев, подражая начальству, тоже поднял вверх палец:

— Это вам сейчас не надо... А придет время...

Счетовод опустил на стул и замолчал. Он понял, что пока из этой клетки ему не выскочить. Ничего нового директор конторы принимать не хотел. Ладно, подумал он, пусть все будет как есть.

Но товарищ Рыжиков сворачивать разборку не планировал:

— Скажите, Лисавенко, а у вас есть соответствующее кролиководческое образование?

Лисавенко помотал головой:

— Нет. Три курса юридического факультета.

— А, может, у вас есть дома кролики?

— И кроликов дома у меня нет. Но дело здесь в другом: для массового кролиководства требуются совсем иные нормы содержания...

Рыжиков вновь указал своим кривым пальцем:

— Эй, погодите. А вот у товарища Алексева из Сибторга образование имеется, и вот что он тут вам отвечает.

Директор конторы достал из нагрудного кармана письмо и начал всласть его зачитывать, некоторые слова он для важности, а, может, из-за образования в три класса, читал по слогам, вместо пауз причмокивая от удовольствия:

— Весь про-ект Ли-са-вен-ко в целом, как с идей-ной, так и с тех-ни-чес-кой стороны, мы считаем не-при-ем-ле-мым и не-со-от-вет-ст-ву-ю-щ-им условиям культурного раз-ве-де-ния. Точка.

Лисавенко аж вскочил:

— Да какое культурное разведение! Они в этих клетках все в своем же помёте топчутся. Вы бы хоть разобрались сначала в неогаремной системе... А вы уперлись как бара...

Рыжиков засопел, медленно встал из-за стола, оперся на руки и действительно походил на того, кто обычно «глазел на новые ворота»:

– То-ва-рищ Ли-са-вен-ко, вы, я смотрю, не только культурное разведение, но уже и культурное поведение нарушать взялись.

Лисавенко схватил письмо и молчком вышел из конторы.

На крыльце его поджидал дед Петро, сухой старичок, что тоже работал при конторе. Он слышал разборку и по-отцовски протянул Михаилу папироску:

– Держи, не сердчай! Плюнь на них, да и ладно.

– Да кроликов жалко!

– А чего их жалеть, вот осенью все равно заколем. На мясо да на шкуру...

Лисавенко, конечно, расстроился. Но веру в себя не потерял. Дома еще раз расчертил схемы гаремов. Снова взялся за чернила: в этот раз написал подробное письмо со своей идеей директору Сибторга товарищу Панафидину. Он-то уж человек грамотный – поймет. Но месяцы шли, а Панафидин все не отвечал. Прошло полгода, и тут неожиданно... Уже вечером домой к Лисавенко прибежал дед Петро:

– Ой, Михаил! Караул! Рыжиков велел мне срочно звать тебя в контору, говорит, будем кроликов на волю отпускать!

Едва дверь конторы скрипнула, Рыжиков подскочил из-за стола:

– Михаил Афанасьевич, просим, просим!

Зайцев тоже был в конторе и в недоумении забился в угол.

Рыжиков, усаживая Лисавенко поближе к своему столу, учтиво вопрошал:

– А почему вы без бумаг? А где же ваши расчеты про гаремы, про навоз?

– Да что случилось-то? Опять чужие письма читаете? Что ответил мне Панафидин? Одобрил?

Рыжиков грустно посмотрел в окно:

– Нет уже Панафидина, сняли. А у вас, Михаил Афанасьевич, есть лодка?

– Нет.

– И у меня нету...

– Да что случилось-то?

— А то... Собрал нас новый начальник Сибторга и всем своим отделениям, в том числе и нашему, ачинскому, велел переходить на новую систему. Клетка, говорят, невыгодно.

Лисавенко аж ударил ладошкой себе по коленке:

— Ну я же вам говорил!

Рыжиков закурил:

— Рано радуешься. Они там похлещи тебя навывдумывали. Говорят, подыскивай рядом с Ачинском острова и выпускай туда кроликов, пусть на свободе скачут. Только ты их корми, а потом — лови. Буду я теперь, получается, не директором конторы, а дедом Мазаем со своим Зайцевым.

От этих слов в голове Зайцева вырисовалась еще более страшная картина, чем раньше. Он подскочил к столу начальника и крикнул дрожащим голосом:

— Нет! Не допустим! Голосуем за сухопутное кролиководство!

Лисавенко достал тетрадь:

— Так островная система — это, по существу, та же гаремная, только более дешевая, так как не нужна изгородь. Но ведь в наших сибирских условиях прежде чем островную систему вводить, нужно по-хорошему изучить режим рек.

Рыжиков очень ласково перебил:

— Вот-вот! Товарищ Лисавенко, так вы об этом и напишите в Сибторг. Вы же грамотный человек — экономист. Расскажите про ваши наработки, как вы придумали строить гаремы. Давайте кормушки ваши сколотим! У меня уже пальцы привыкли. Давайте считать навоз! — подозрительно зыркнул на Зайцева. — Все-все считайте! Если надо, мы вам еще одни счета выдадим. Только спасите нас от этих островов.

Лисавенко кивнул, взял со стола бумаги и молча вышел из конторы.

В этот майский вечер на душе у него вдруг стало так хорошо. Наконец-то победа! Удалось сломать эту клетку недопонимания. Впереди такие планы...

На крыльце его поджидал дед Петро. Он слышал беседу и по-отцовски протянул Михаилу папироску:

— Держи, не серчай! Плюнь на них, да и ладно.
— Слышал? Хорошие вести. Кроликов теперь будем разводить по-новому, на свободе!

— А чего радоваться-то, осенью все равно заколем. На мясо да на шкуры...

Уже на следующий день Лисавенко написал очередное (третье по счету) письмо в Сибторг. В конверт вложил рисунки кормушек, которые он сконструировал для своей неогаремной системы. А также подробно расписал, что острова в ачинской местности непродуктивны для кролиководческих хозяйств. Не то чтобы он сильно верил, что в этот раз начальство наверху прозреет и одобрит его идею. Но начальство не просто прозрело, у него словно открылся третий глаз:

— Да разве можно дельное дело рубить на корню. Это не дело!

Суровый руководитель Сибторга, опаздывая с совещания на совещание, устроил «разбор полетов» прямо в своей приемной. Он стоял напротив зеркала, надевая шляпу на седую макушку, возмущался и грозил (не пальцем, как это любил делать Рыжиков, а сразу кулаком — это же вам не отделение, а центральная контора):

— Кто отклонил? Кто не поддержал? Да я ему...

Секретарь была как всегда безразлична и невозмутима:

— Иван Иванович, вы...

Тот с ужасом посмотрел в зеркало и убрал кулак в карман:

— Я?

— Иван Иванович, вы папку не забудьте на совещание.

— А...

На это срочное совещание в Новосибирске вызвали и Лисавенко. Комиссия разом поддержала все: систему, планы, увеличение стада и даже необходимость подсобных хозяйств. Дотошный ачинский экономист в какой-то миг подумал: а не сон ли это? Может, стоит себя ущипнуть? То, что еще недавно «не соответствовало культурному разведению», вдруг было принято на «ура». И главное, ему сразу выписали 8200 рублей на первоначальное оборудование. Но, правда, при одном маленьком условии.

Председатель совещания объявил:

— Свою идею, товарищ Лисавенко, нужно самому и реализовывать.

И после паузы добавил:

— Поздравляю с назначением! Смотрите, не сорвите планы...

Это «не сорвите планы» засело занозой. Но Лисавенко не привык отступать.

Первое время (если быть точнее, первые два месяца), дела, и правда, шли хорошо. На отведенные деньги Лисавенко должен был закупить к осени 1931 года тысячу маток, а весной выпустить их в огороженные гаремы. Кролики жили бы здесь свободной жизнью и культурно питались в кормушках-домиках. Но неожиданно 16 декабря, как раз перед своим годовым отчетом, Сибторг вдруг предложил молодому ачинскому совхозу набрать не тысячу, а пять тысяч маток. Да еще в трехдневный срок предоставить план финансирования хозяйства! Составили план грандиозный: 54 000 рублей на капиталовложения и 40 000 рублей на эксплуатационные расходы. Одобрили.

Но уже 15 января 1932 года план резко урезали до 7000 рублей на все. И приписочку сделали: «Не уложите — ликвидируем». Это уже была не заноза, а бревно по голове.

Молодому совхозу даже пришлось брать кредиты. А в марте опять зеленый свет: разрядка — срочно покупайте 5000 маток, стройте, товарищи, кормушки, отправлено вам снабжение. Снабжение пришло без запоздания, но когда открыли ящики, то увидели, что вместо гвоздей почему-то прислали 10 утюгов.

Сначала народ опешил, а потом даже шутить начали: «Да это они, товарищи, решили, пусть в нашем ачинском кроликосовхозе Запсибпушнины все будет гладко».

Но несмотря, а может, и вопреки всем сложностям кролики в Ачинском совхозе начали приносить отличный приплод. Через год совхоз под руководством Лисавенко даже выбился в передовики. Приехал корреспондент в шляпе писать об их успехах. Говорит:

— Рассказывайте, как вы всего достигли. Ну что же вы, товарищи, молчите! Робость здесь ни к чему. Не смущайтесь!

— Да мы не смущаемся, мы это ... слова культурные подбираем.

Корреспонденту наложили тарелку крольчатины с картошкой, налили стакан — исключительно для вдохновения. Он слушал, записывал и восклицал:

— Да это не передовица, товарищи, это фельетон! Говорю вам: фе-лье-тон! Живая комедия! Смех сквозь слезы!

На что дед Петро закуривая, как всегда философски отвечал:

— А чего плакать-то?! Лето на дворе, это мы осенью их заколем. На мясо да на шкуры...

КРОЛИКОВОД

История о том, что в Ачинске Михаил Афанасьевич возглавлял кролиководческое хозяйство и даже придумал свою собственную неогаремную систему, стало для нас открытием. Все подробности этой истории нам удалось восстановить по газетным публикациям. Так, в газете «Советская Сибирь» за 24 июля 1932 года вышла огромная статья (под заголовком ««Планы» Сибпушнины и Ачинский Кролиководхоз») про передовое ачинское кролиководческое хозяйство, где не без иронии автор написал все испытания молодого кроликоведа Лисавенко. Так что история про письма, утюги, гаремы — это не выдумка, а чистая правда.

История про ачинские испытания молодого кроликоведа — это история о том, как закалялся характер Лисавенко. Как он на своей шкуре испытал и партийные разнарядки, и отчетности, и бюрократические проволочки. Но он не сдался, и хоть кролики его с научной точки зрения совсем не интересовали, он смог вывести хозяйство на достойный уровень. А чего стоит сам факт, что рядом с хозяйством он заложил плодовый сад.

Кстати, именно благодаря кроликам Лисавенко попал первый раз в жизни в Москву и смог поучаствовать в первом Всесоюзном совещании колхозников-опытников, которое организовала «Крестьянская газета». В столицу он

отправился именно как директор совхоза, ему нужно было договориться о сбыте шкурки, был в Москве он не одним днем, жил там почти месяц и, конечно, как страстный садовод не упустил возможность посетить совещание по садоводству. А ведь если бы не кролики, ну кто бы его отпустил из Ачинска в Москву?

«КРЕСТЬЯНСКАЯ ГАЗЕТА»

Интересуясь садоводством, Лисавенко много читает о нем в газетах и журналах и сам начинает писать статьи. Часто его публикации можно встретить в ачинской газете «Ленинский путь». В прессе Михаил Афанасьевич поднимает вопрос о необходимости создания базы озеленения города. Выступает с инициативой заложить близ Ачинска питомник, где бы выращивались деревья для города. В одной из статей он пишет:

«Участок желательно выбрать недалеко от воды для удешевления поливки, необходимой в первое время после посадки. Черенки лучше взять в Боготоле, где имеются тополя культурных сортов, которые и красивее и растут быстрее местной породы. Создав такой питомник, горсовет достигнет: однородности и однотипности насаждений на улицах города. Деревья будут одинакового размера и одинаковой породы, причем отдельные улицы можно засадить исключительно той или иной разновидностью (например, одну улицу можно засадить только серебристым тополем, другую — бальзамическим и т. п.). Большой эффект будет достигнут, если перед посадкой распланировать ямы через отдел благоустройства — деревья расположить правильными линиями и на одинаковом расстоянии друг от друга. Можно избежать засоренности улиц пухом от тополей, если взять черенки только от мужских экземпляров» [144].

А вот еще одна его статья с очередной инициативой и разъяснением:

«Предлагая горсовету и горкомхозу проект создания пригородного ягодного сада и останавливаясь именно на

смородине, а не на какой-либо другой плодово-ягодной культуре, я имел в виду возможность для городского хозяйства при незначительных капиталовложениях достигнуть скорейшей их оборачиваемости, учитывая, что в первый же год существования сада будет возможно реализовывать ягоды с массива дикорастущей смородины, который должен по проекту стать базой для дальнейшего расширения ягодника.

Сибирская дикая смородина по своим вкусовым качествам не только не уступает лучшим культурным европейским и американским сортам смородин, но превосходит их, давая, однако, наиболее положительный результат лишь в условиях своего естественного произрастания, не поддаваясь акклиматизации даже в таких, казалось бы, благоприятных условиях, как Украина. Таким образом, упор на смородине сделан строго из учета местных возможностей и наиболее эффективного приложения их на практике. Если же вообще говорить о развертывании плодово-ягодного дела в масштабах района, а не одних только пригородных земель, то мы должны взять ориентировку, параллельно со смородиной, на малину».

Из этих публикаций понятно, что Лисавенко не просто садовод-любитель, он уже мыслит большими масштабами, как экономист все просчитывает, видит, где будет выгода. Он прекрасно разбирается в растениях, начитан и компетентен в этих вопросах. Хотя, как мы знаем, не имеет сельскохозяйственного образования. Кстати, как работник Сибторга, он через газету призывает граждан работать на государство.

Вот, например, любопытный материал в газете за 29 июля 1930 года, где Михаил Афанасьевич призывает читателей собирать лекарственные травы:

«В числе других товаров, отправляемых нами за границу в обмен на тракторы и сельскохозяйственные машины, немаловажную роль играют лекарственные травы. В нашем округе они имеются в достаточном количестве. Сбор их — дело крайне несложное и доступное даже детям, между тем сбыт лектрав дает хороший заработок. Травы эти не сеют, они сами растут в изобилии, в диком состоянии — нужно только знать, когда и какие травы собирать и как их высу-

шивать. Польза же от сбора лекарственных трав большая, как для населения, так и для государства. Мы укажем важнейшие травы, которые в нынешнем году заготавливаются в нашем округе и сбыт которых вполне обеспечен. Прежде всего — толокнянка («медвежье ушко»), сезон сбора которой уже наступил» [145].

Далее он подробно описывает, как выглядит растение, как его собирать и сушить.

Кроме ачинских газет, пишет он и в специализированные садоводческие журналы. Сам Лисавенко в своей автобиографии нам разъясняет:

«Работа на приусадебном участке «для себя» — меня уже не удовлетворяла. Я мечтал о широком развертывании сибирского плодоводства. Я стремился обобщить свой скромный опыт с опытом других садоводов, рассеянных по всей необъятной Сибири, и для меня представлялось совершенно ясным, что в условиях зарождавшегося колхозного строя сибирскому садоводству принадлежит большое будущее. Можно сказать — с замирающим от волнения сердцем я прочитал появившуюся в то время передовую статью в газете «Известия» «Плодоводство — в порядок дня» и фельетон Эль Регистана «Королеву Викторию просим пожаловать в колхоз» (речь шла о крупноплодной землянике «виктории»). Появление подобных статей в правительственном органе являлось доказательством, что партия и правительство уделяет внимание тому делу, которому я решил посвятить свою жизнь. Вскоре у меня в саду побывал и автор фельетона — Эль Регистан. При его помощи провели в Ачинске собрание с/х актива с моим докладом о сибирском садоводстве и его возможностях. Вслед за тем два колхоза (тогда коммуны) Ачинского района — «Узбой» и имени Московской Пролетарской дивизии изъявили желание завести у себя сады. В моем саду появились экскурсии из деревни. Но колхозы тогда были еще организационно слабы и дело давалось не так быстро, как хотелось бы. Что меня в то время особенно задело — это появление в одном из номеров журнала «Сад и огород» за 1930 год двух статей, причем автор одной из них отодвигал

начало организации садов в Сибири на 1937-1938 год, а второй вообще не считал это дело возможным. Это побудило меня выступить в том же журнале (№11-12 за 1930 год) — и это было первым моим серьезным выступлением в печати — с большой ответной статьей «О проблеме сибирского плодоводства» — где я, на основе опыта садоводов опытников, попытался доказать возможности немедленного насаждения совхозно-колхозного садоводства в Сибири. Вместе с тем я посылал доклады Крайисполкому, Садвинтресту, Союзплодоовощ в Москву — выступал везде, где я надеялся сколько-нибудь, что голос сибиряка-мичуринца будет услышан. Если эти выступления, быть может, и не дали непосредственный эффект, то все же они способствовали пробуждению интереса и ознакомлению с идеей, — мало тогда кому известной, и казавшейся еще тогда маловероятной, — сибирского садоводства» [188].

Кстати, та статья Лисавенко в журнале «Сад и огород» (в которой он не посчитался с авторитетами и настаивал на немедленном начале работ по развитию северного садоводства) вызвала большой интерес читателей. Даже спустя 20 лет после ее выхода (в 1950 году) профессор, специалист в области научного плодоводства Зусья Абрамович Метлицкий напишет Лисавенко:

«Еще и сейчас мы плохо знаем, а раньше совсем не знали сибирского плодоводства и его возможностей. Прекрасно помню вашу статью о проблемах сибирского плодоводства 1930 года, заставившую многих, в том числе и меня, задуматься над плодоводством Сибири» [188].

Свои статьи по садоводству Лисавенко отправлял и в журнал «Колхозное опытничество», и в «Крестьянскую газету». Одним из редакторов этих двух изданий в те годы был Михаил Осипович Пантюхов. Его очень заинтересовали письма садовода-энтузиаста из Ачинска; завязалась переписка.

Стоит сказать, что Пантюхов был интереснейшей личностью — журналистом с боевым прошлым. Вот как описывает биографию отца его сын Игорь Михайлович Пантюхов:

«У отца была не биография, а исторический роман. Он окончил Кронштадскую морскую фельдшерскую школу, вошел

в круг матросов-революционеров, активно участвовал в Октябрьской революции в Петрограде, штурмовал Зимний дворец. В Гражданскую войну командовал 1-м республиканским отрядом моряков, вошедшим в историю как «Железный», в боях под Воронежем был тяжело ранен и остался без ноги. Потом был командиром бронелетучки, начальником политотдела воинской части. В 1923 году работал заместителем прокурора Дальнего Востока, в Чите часто встречался и беседовал с плененным на Тихоокеанском побережье генералом-белогвардейцем Анатолием Пепеляевым. Тот пытался возродить «белое» движение в Дальневосточных краях и ждал суда. Это он в знак уважения за объективность смастерил новые добротные костыли прокурору. Позже Михаил Осипович работал редактором ряда газет на Северном Кавказе и в Ростове-на-Дону, дружил с известными писателями Александром Фадеевым и Владимиром Ставским. Пять лет работал в «Крестьянской газете» в Москве, поддерживал Михаила Лисавенко — начинающего садовода-селекционера, ставшего потом крупным ученым, академиком...».

Если копнуть еще глубже, то у редактора «Крестьянской газеты», бравого моряка Михаила Осиповича Пантюхова к садоводству был кровный интерес. Дело в том, что родился он в 1896 году в семье садовника Царского Села.

В семейном архиве Пантюховых мы нашли фотографию и данные о садовнике Осипе Михайловиче Пантюхове. Он был 1873 года рождения, по документам его должность называлась «Работник садово-паркового хозяйства Екатерининского парка (Царское Село)». На фото он изображен в форме с оловянной бляхой на груди, она подтверждала официальный статус царского садовника. Известен и участок в саду, которым заведовал Осип Пантюхов: от галереи Аполлона у дворца до Китайской деревни и оранжереи субтропических растений в Бабловском парке.

Понятно, что сам Михаил Осипович до службы на флоте хорошо был знаком с садом Царского Села, провел здесь свое детство. Садоводство было для него напоминаем об отце. Может быть, поэтому он, будучи редактором «Крестьянской газеты», так ратовал именно за развитие садоводства, а энтузиаст из Сибири Лисавенко сразу привлек его внимание.

Тогда, в 1932 году Пантюхов даже и представить не мог, что через пару десятков лет именно Лисавенко выручит его, когда все от него отвернется, — возьмет работать к себе. А пока редактор Пантюхов просто пригласил Лисавенко, если выдастся возможность, посетить в декабре 1932 года совещание колхозников-опытников, которое организовывает «Крестьянская газета».

И возможность такая выдалась. 5 ноября 1932 года Михаил Лисавенко на поезде отправился в Москву, но не как садовод-любитель, а как директор ачинского кролиководческого совхоза. В то время сложно было представить, чтобы человек оставил работу и поехал в столицу. Скорее всего, в Москве он решал вопросы по сбыту кроличьих шкур. И тому есть доказательство. Ольга Александровна Баранова отыскала любопытные письма к Лисавенко от дамы из Москвы (из контекста понятно, что дама вспоминает 1930-е годы, когда Лисавенко еще занимался кроликами и сбывал шкурки). В этих письмах она удивляется, как же непредсказуема судьба: она и представит себе не могла, что Лисавенко — ее коллега по Госторговле — станет садоводом и академиком. Видимо, с этой дамой Лисавенко работал, когда вел торговлю шкурками. В Москве он пробыл почти два месяца и, конечно, посетил совещание «Крестьянской газеты». Как оно прошло, описал в одной из своих статей сам Михаил Афанасьевич:

«В декабре 1932 года редакция «Крестьянской газеты» созвала в Москве совещание опытников страны. Получил приглашение и я. На совещании мне удалось познакомиться со многими, уже тогда известными колхозными опытниками, в том числе с Т. С. Мальцевым и С. Н. Барышевым, выступления которых отчетливо запомнились. Я всегда стремился при всяком удобном случае популяризировать сибирское садоводство. Я выступал с докладом о своей работе и видел, что меня внимательно и с одобрением слушают. Вслед за этим меня позвали в редакцию, где со мной беседовали сотрудники газеты М. О. Пантюхов и Ф. В. Смирнов. Мне задали вопрос: не соглашусь ли я переехать на Алтай, в Ойротскую (ныне Горно-Алтайскую) автономную область, чтобы развернуть там работу по садоводству, где коренное

население еще недавно вело кочевой образ жизни. Было бы хорошо, по мнению редакции, чтобы у жителей Горного Алтая появился вкус к саду — этому спутнику оседлости.

Надо сказать, что Горный Алтай давно привлекал меня своими растительными богатствами, о которых много приходилось читать и слышать. Я знал также о том, что там более благоприятные природные условия, чем в остальной Западной Сибири. Известно было, что в предгорьях Алтая издавна зарождались самобытные очаги крестьянского садоводства — об этом еще в 1914 году писал виднейший сибирский последователь Мичурина профессор Томского университета Н. Ф. Кащенко. В Бийске, который являлся преддверием Горного Алтая, было развито приусадебное садоводство и уже в 1923 году имелся питомник «Алтайская флора», организованный сибирскими садоводами А. Д. Тяжелниковым и В. Л. Ямановым. Масштабы питомника были невелики, но по тем временам и это было в Сибири огромной редкостью! Главное же, что меня привлекало, — это заманчивая перспектива всецело отдаться любимому делу, а не заниматься им урывками, по вечерам и в выходные дни. Я, не раздумывая, дал согласие, ибо работать на Алтае, о растительных богатствах которого я много слышал, работать по садоводству не урывками, украдкой, а иметь возможность всецело отдаться любимому делу — представилось для меня крайне заманчивым».

Готовя эту книгу, мы долго не могли найти ответа на два вопроса: почему именно в Ойротии «Крестьянская газета» решила открывать опорный пункт по садоводству и почему Лисавенко так легко согласился покинуть Ачинск. Ведь ему пришлось оставить свой сад и начинать новую жизнь в совершенно в незнакомом месте. В своих воспоминаниях Лисавенко говорит о том, что ему хотелось полностью посвятить себя садоводству, но, согласитесь, ехать так далеко, в прямом смысле — в дикие места...

Начнем с того, что Ойротия «Крестьянской газете» досталась в шефство не просто так. Оказывается, еще 1 апреля 1932 года в Ойротской области был создан опорный пункт шелководства! И это не шутка! На юге Сибири решили

производить натуральный шелк. Поясним: 30-е года XX века были временем научной эйфории, энтузиастам казалось, что все возможно. И кто-то решил: почему бы не превратить Ойротию в подобие Узбекистана? Инициативу «на ура» восприняла Москва, выделили деньги. В скором времени в открытый грунт были высажены первые шелковичные (тутовые) деревья, а из солнечного Узбекистана привезли грены (яйца тутового шелкопряда). «Крестьянская газета» писала про дикий эксперимент и вела шефство над инициативной областью. Затем они и предложили Лисавенко развивать садоводство именно в Ойрот-Туре. Тем более это действительно юг Сибири и зачатки садоводства там уже были.

Но почему же так быстро согласился Лисавенко? В 1930-е годы Михаила Афанасьевича, кроме сада, почти ничего не держало в Ачинске. В этом городке он пережил предательство супруги и смерть сына. Мы знаем, что в 1920-е годы отца Лисавенко осудили и держали в ачинской тюрьме, скорее всего, освободившись, он забрал жену Анастасию Алексеевну и уехал жить к дочери Марии. А та, к тому времени, вышла замуж за Сергея Дмитриевича Крыгу (бывшего военного, начальника химико-механических лабораторий в Центральных Артиллерийских мастерских) и обосновалась в Бийске. Известно, что Сергей Дмитриевич Крыга работал преподавателем химии в бийском медучилище.

Ольга Овчинникова, внучатая племянница Лисавенко (Мария Афанасьевна Крыга, в девичестве Лисавенко, ее родная бабушка), считает, что Афанасий Лисавенко, так же как ее бабушка, переехал в Бийск только в 1932 году. Но Ольга Александровна Баранова встречала письмо Марии к брату, датированное весной 1924 года, из которого ясно, что семья уже живет в Бийске вместе с отцом.

К тому же сам Михаил Лисавенко в статье «К истории некоторых сортов (Заметки для будущих помологов!)» пишет, что в Бийске жила его кума Варвара Карповна Яманова со своим супругом Владимиром Логиновичем Ямановым. У них был сад, а в этом саду три дерева яблони сорта Конфетка Полькина.

Михаил Афанасьевич Лисавенко, хотя до 1933 года жил и работал в Ачинске, упоминает в своих заметках по са-

доводству бийскую плодородческую артель «Алтайская флора». Она была организована в 1926 году при участии Анатолия Дмитриевича Тяжельникова, который, после окончания Пензинского училища работал в Минусинске.

Почему нам так важно их знакомство? Дело в том, что в своих воспоминаниях Лисавенко пишет, что Тяжельников помог его родителям с жильем в Бийске:

«На усадьбе моих родителей росла ранетка. Сначала они жили, арендуя дом у А. Д. Тяжельникова, а потом купили свой по переулку (название забыл, это в Заречной части Бийска), на углу было управление Чуйского тракта.

Но спустя несколько лет, когда Лисавенко уже организует опорный пункт в Ойрот-Туре, тот самый Тяжельников почему-то напишет в рецензии на книжку Лисавенко, что тот никакой не садовод, а юрист. Второе любопытное доказательство, что у семьи Лисавенко в конце 20-х годов XX века в Бийске был дом и разбит сад, — это публикация в газете «Советская Сибирь» (№213 за 1934 год). В 1934 году газета публикует фотографию яблоневого ветки, густо усыпанной яблочками, и пишет: «Бийский садовод товарищ Лисавенко вырастил в своем саду мичуринские яблони Ермак. В нынешнем году Лисавенко собрал обильный урожай» [188]. Как считает Ольга Александровна Баранова, в статье речь об отце Лисавенко — Афанасии Михайловиче.

Чтобы высадить яблони и дожидаться хорошего урожая, нужно как минимум лет пять.

От Ачинска до Бийска расстояние более 800 км, а от Ойрот-Туры (сегодня Горно-Алтайска) до Бийска всего 100 км. Понятно, что переезд в Ойрот-Туру значил для Лисавенко то, что он будет ближе к родным.

Есть еще один факт, который доказывает, что Лисавенко бывал в Бийске. Но для этого нам с вами нужно на время перенестись в 70-е годы XX века. Когда умирает вторая супруга Михаила Лисавенко, Евдокия Спиридоновна, то их приемная дочь Валентина (мы знаем, что после трагедии с Афоней у Михаила Афанасьевича больше не было кровных детей) хотела, чтобы Евдокию Спиридоновну похоронили на кладбище рядом с Лисавенко. Этого не случилось.

Но Валентина нашла и показала очень важный документ. Михаил Афанасьевич и Евдокия Спиридоновна много лет жили, не регистрируя брак официально: в советские годы это было обычным делом, к тому же после репрессий над отцом (да и сам Лисавенко чудом избежал репрессий) он не хотел, чтобы Евдокия пострадала. Но, уже проживая в Барнауле, в начале 1950-х годов, чтобы получить казенную квартиру, Михаил Афанасьевич и Евдокия Спиридоновна официально расписались. И в свидетельстве о браке, в графе с какого времени фактически состоите в браке, сообщается: «фактический наш брак начинается с 1924 года». Известно, что Евдокия Спиридоновна жила в Бийске на одной улице с сестрой Лисавенко Марией. Детали их знакомства уже не узнать. Из некоторых писем, воспоминаний друзей можно лишь догадаться, что сначала Лисавенко увидел даже не Евдокию Спиридонову, а ее сына — Сашу. Мальчик был примерно такого же возраста, что и погибший сын Лисавенко. Михаил Афанасьевич сразу стал примечать мальчишку-соседа, а потом познакомился и с его мамой, которая оказалась молодой вдовой. Что это была за женщина, из какой семьи, как они познакомились? Сегодня об этом может рассказать только один человек — приемная дочь Валентина.

ЖИВАЯ КАРТИНА: ОН ДЛЯ МЕНЯ БЫЛ ОТЦОМ

Валентина Михайловна Лисавенко, та самая приемная дочь Валя, жива, но ведет затворнический образ жизни. Мы долго искали ее адрес: некоторые нам отвечали, что ее уже нет в живых, другие намекали, что говорить с нами она не будет, что в силу возраста ее уже подводит память. Но вот у нас в руках ее адрес. Поднимаясь по высокой лестнице старого, когда-то элитного, сталинского четырехэтажного дома в самом центре Барнаула, мы замираем у двери ее квартиры.словно переносимся в те 50-е годы XX века. На ветхой, еще деревянной двери прибит почтовый ящик, на нем — надпись: «Для писем и газет». В XXI веке такое не встретить.

— Кто это? — дверь открывается на маленькую щелочку.

— Мы... хотим поговорить о Лисавенко.

Валентина Михайловна очень удивляется нашему визиту, смущается, говорит, что никого не ждала и в квартире после потопа от соседей сверху давно надо делать ремонт... Но в беседе нам не отказала, а на слова: «Вы же дочка Лисавенко», она очень робко, но так пронзительно ответила: «Он для меня был и есть отец».

Пенсионеры настороженно относятся к незнакомым людям, особенно к тем, которые просят зайти к ним в квартиру. Мы предлагаем Валентине Михайловне поговорить на лестничной площадке. Она соглашается: «Подождите, я приведу себя в порядок, надену плащ...»

— Скажите, сколько вам лет?

— 80 с гаком... Мне было лет пять, когда меня удочерили. Мои кровные родители умерли, а родная тетка, тетя Лиза, дружила с Евдокией Спиридоновной, в юности они вместе с ней учились в курганской женской гимназии. Да! Моя вторая мама (приемная, но для меня родная) была очень образованная, много читала, восхитительно играла на пианино. А ее часто помнят лишь как кухарку, потому что она изумительно готовила. А эти институтские дамы ей просто завидовали до смерти. Все делегации, все именитые гости, что приезжали к папе, всегда обедали у нас дома. Так вот, тетя Лиза написала Евдокии Спиридоновне, что я осталась сиротой, а у нее у самой семья, содержать меня не может. И Евдокия Спиридоновна приехала за мной в Новосибирск (моя тетка из Кургана переехала туда), забрала и любила до самой своей смерти, как родную дочь. И отец (Михаил Афанасьевич) меня любил...

Валентина Михайловна очень волнуется, голос начинает дрожать, но она и себя, и нас начинает успокаивать, говорит: «Я же гипертоник, сейчас-сейчас приду в норму...»

— Вам родители рассказывали, как они познакомились?

— Знаете, какое было время... Они вообще были такие люди — боялись лишнее слово сказать. Слово лишнее скажешь — раз, тебя и в ГУЛАГ какой-нибудь упекут. Я знаю только, что Евдокия Спиридоновна родом из Кур-

гана. Она была женщиной удивительной красоты, кудрявая — русская красавица. За ней ухаживал какой-то курганский богач-миллионер, но она от него сбежала, вышла замуж по любви за царского офицера, имя его не сохранилось, а вот фамилию его мама носила долго, когда познакомилась с Лисавенко, она была Усанова.

Может быть, с офицером они из Кургана переехали в Бийск. А может, еще до Бийска сначала жили в Красноярске или Ачинске? Я точно не знаю... У них родился сынок — Саша. Но мужа расстреляли. Она воспитывала сына вместе со своим отцом, дедом Спиридоном — Спиридоном Степановичем, а вот фамилию его не скажу — вылетела из головы совсем. (Установить фамилию Спиридона Степановича нам удалось по редкому фото — его фамилия Носков. — Прим. автора). Зато самого дедушку я очень хорошо помню, чудесный был человек. Мама рассказывала, что у него была редкая профессия: он в Кургане работал дегустатором масла. Отбирал лучшее масло для отправки за границу (в Интернете мы нашли историю курганского маслоделия, инициалы Спиридона Степановича в документах нам не встретились, но масло из Кургана действительно отправляли за границу, и не куда-то, а напрямую в Лондон. 5 февраля 1909 года состоялась легендарная сделка о поставках курганского масла к королевскому двору. И газеты писали, что английская королева предпочитала на завтрак только курганское масло, — прим. автора). У дедушки в Бийске была избушка, они там с мамой и ее сыночком Шурой жили. И этот домишка стоял неподалеку от дома сестры Лисавенко Марии. По маминым словам я понимала, что Лисавенко ее долго добивался. Постоянно ей писал письма. Но мама их потом все сожгла... В Бийске она работала, вроде как, в книжном магазине, она очень любила читать, особенно Бунина...

— Михаил Афанасьевич тоже любил книги...

— Это правда... Михаил Афанасьевич был очень разносторонний человек и литературно одаренный. Он меня хвалил, когда я ему писала длинные грамотные письма,

чтобы все запятые правильно расставлены... Он много читал и, говорят, в юности в гимназии писал стихи. Только однажды мы с ним вместе сочинили маленькое стихотворение. Он очень любил Алтай. И я, вдохновленная природой Горного Алтая, придумала строчку:

Пришла весна, сады зазеленели на склонах города родного ...

А он тут же мне в рифму продолжил:

А вдалеке еще белели снега Алтай голубого...

Он приехал в совершенно незнакомый Алтай, тогда Ойротию, и полюбил всем сердцем.

БУДУТ И В ОЙРОТИИ ЯБЛОНИ ЦВЕСТИ

Прямо из Москвы, с совещания «Крестьянской газеты», Лисавенко командировали в Мичуринск, с письмом на имя директора института плодоводства имени Мичурина. Денег на проезд у Михаила Афанасьевича не было, и газета написала ему на поездку 200 рублей.

В книге «Учение Мичурина в действии» Лисавенко вспоминает:

«В письме я был откомендован как сибирский садовод-опытник, особо интересующийся ягодными культурами, и выразилось пожелание, чтобы в Горном Алтае был организован опорный пункт института и это дело было мне поручено. По дороге я не отрывался от вагонного окна. В первый раз в жизни я так далеко заехал «на юг»! Я вглядывался в мелькавшие деревья и старался узнать среди них породы, которые я до сего времени не видел — дуб, липу, клен, вяз, ясень. В мичуринском институте со мной обошлись приветливо. Но институт сам незадолго до этого был создан и у сотрудников его не имелось еще достаточного опыта в вопросах организационного порядка. Неясно было, например, кто и как должен финансировать работу опорного пункта? Порешили на том, что институт поручает мне организацию Алтайского плодово-ягодного опорного пункта, а о деталях — договориться по приезде на место. Меня спросили, между прочим, имею ли

я намерение увидеться с Иваном Владимировичем Мичуриным? Но я счел бы святотатством подобное намерение! Ведь я еще ничего такого не сделал, чтобы иметь право говорить с самим Мичуриным...» [29].

Из Мичуринска Лисавенко приехал в Бийск, где обсудил с родителями предстоящий переезд. У отца — Афанасия Михайловича — на Ачинск была тяжелая обида: все, что он делал с таким большим трудом, новой власти показалось преступлением. Отсидев в тюрьме, он надеялся, что на новом месте, в Бийске, жизнь наладится. В свои 63 года это был крепкий толковый мужик, готовый еще работать. С сыном они условились, что отец, если потребуется, будет помогать ему в Ойротии, до нее из Бийска всего полтора-два дня в пути.

Из Бийска по зимнему Чуйскому тракту Лисавенко ехал с рекомендательным письмом от товарища Урицкого на имя секретаря Ойротского обкома ВКП(б). В Ойрот-Туре он пробыл всего несколько дней, но, видимо, успел хорошо о себе заявить.

1 января 1933 года выходит праздничный номер местной газеты «Красная Ойротия», где публикуется статья «Плодоводство не проблема, а практическая задача Ойротии». И в этой статье мы находим новость о приезде Лисавенко. Автор по фамилии Бобриков (запомните эту фамилию, мы к ней еще вернемся, — прим автора) пишет:

«В связи с тем, что в пределы области имеет переехать известный по Ачинску сибирский пловод Лисавенко, Облзу необходимо вдумчиво подойти к предложению Лисавенко о работе в Ойротии» [143].

Далее из статьи можно узнать, как вообще обстояли дела с пловодством в Ойротии:

«Вопреки большому значению плодов и овощей, в пятилетнем плане области на 1933-1937 год пловодство вовсе не нашло отражение, а производство овощей запроектировано в явно недостаточном объеме, причем оно рассчитано на удовлетворение в первую очередь нужд города и обходит нужду в овощах алтайского национального колхоза. На особице стоит пловодство. В то время, когда в наших лесах (на Уймо-не) растет дикая яблоня, у нас в областном центре, не гово-

ря уже об аймачных территориях области, плодовые деревья (яблоня, груша, слива, вишня) насчитываются единицами и притом эти крайне ценные единицы плодовых деревьев не учитываются, не охраняются и даже уничтожаются.

Выходит, даже первый кратковременный приезд Лисавенко в Ойрот-Туру попал в газету.

Согласовав с местной администрацией свой переезд, Михаил Афанасьевич вернулся в Ачинск — завершать дела. С работы уволился он быстро. В трудовой книжке сохранилась запись: «Увольнение, вследствие перехода на другую работу. 15 января 1933 года».

Первые месяцы 1933 года (январь-февраль) Лисавенко с головой ушел в подготовку к переезду в Ойротию. Он вел постоянную переписку с Пантюховым, с Мичуринским институтом, изучал книги, статьи по флоре Ойротии. В феврале он пишет большую статью «Создадим в Ойротии плодово-ягодное садоводство» и отправляет ее в газету «Красная Ойротия». Почерк у Лисавенко всегда был сложным. Газета публикует материал, но кое-где прокрались смешные ошибки. Видимо, наборщица местами просто не разобрала некоторые буквы. Лисавенко пишет: «Мичуринский метод гибридизации («скрещивание»), а в газете выходит — «сокращение». Скрещивание и сокращение — понятия совсем разные. Получив по почте газету, Лисавенко обводит досадные ошибки карандашом. Он, кстати, часто любил делать пометки в своих уже вышедших материалах.

Из текста этой статьи поражает то, насколько много Лисавенко знает про Ойротию, хотя был там всего один раз в течение нескольких дней. Вот какие факты он приводит в той самой статье:

«Ойротия представляет подлинную сокровищницу дико-растущих плодово-ягодных растений. Она имеет все шансы, чтобы стать базой витаминно-диетического снабжения индустриальной Сибири. Ягодники имеют не только местное значение, но можно сказать и всесоюзное. Возьмите, например, дикий алтайский крыжовник, лепящийся по скалам и горным кручам от Ойрот-Туры до границ Монголии и Казахстана. Правда, ягоды этого крыжовника мелки

и не обладают теми качествами, которые присущи высококультурным садовым сортам крыжовника. К тому же, наш крыжовник малоурожаен. Но ведь в наших руках такое могучее орудие, как Мичуринский метод гибридизации (сокращение) (опечатка газеты, правильно — скрещивание, — прим. автора) и селекции (отбора). Над алтайским крыжовником стоит поработать. Его положительные качества, что он морозоустойчив, засухостойчив и не боится заболеваний. Перед нами задача: скрестить алтайский крыжовник с лучшими культурными сортами и получить новые сорта прекрасного крыжовника, объединяющего в себе положительные качества обоих родителей. Не забудем, что крыжовник по своим диетическим качествам и химическому составу ягод близко подходит к винограду.

В Германии, например, имеются курорты, где больных лечат вместо виноградного сока крыжовником. Разве мы не можем то же самое сделать, скажем, в нашем Чемале? Этот маленький пример приоткрывает перспективы только одной ягодной культуры — крыжовника, а ведь мы имеем ряд других, не менее важных, ягодников. Возьмите, например, смородину, в изобилии произрастающую в Майминском, Лебедском и Успенском аймаках. Разновидностей смородины у нас очень много, отличающихся между собой как по цвету и вкусу ягод, так и по другим признакам. Некоторые из этих разновидностей можно непосредственно внести в культуру — прямо из леса переносить в сады — настолько они ценны, превосходя по вкусу заграничные сорта. То же самое относится и к малине. На долину реки Шаркой (вблизи Чемала) указывают между прочим, как на местонахождение ремонтантной малины, т. е. такой малины, которая плодоносит все лето. Разве не интересно, во всех отношениях, такое ягодное возделывание в наших колхозных и совхозных садах?

А такой ягодный кустарник, как облепиха, растущий в изобилии по берегам Катуня, Бии и Чулышмана? Разве мы не можем среди этих зарослей найти такие разновидности, которые дадут ароматные, вкусные, вполне съедобные в свежем виде ягоды?

Слишком долго было бы перечислять все ягодники, которые мы можем встретить на Алтае и использовать для культурных насаждений, применяя мичуринский метод. Ежевика, барбарис, черемуха, рябина, земляника... ждут они еще своих Мичуриных. Плохо то, что мы почти совершенно не знаем тех богатств, которые заключают горы Алтая. Совершенно своевременным и необходимым поэтому является осуществление летом текущего года мичуринской экспедиции по обследованию и изучению ягодных богатств Ойротии. Мичуринская экспедиция должна послужить краеугольным камнем для развертывания работы по созданию алтайского плодово-ягодного садоводства. Мы можем говорить в Ойротии именно о плодово-ягодном садоводстве, а не только об ягодном. Если мы и не имеем собственных видов плодовых деревьев (правда, есть непроверенные сведения о наличии дикорастущей местной яблони в Уймонском аймаке), то у нас с успехом могут расти морозоустойчивые восточно-сибирские и дальневосточные. Например, Забайкальская яблоня, Уссурийская груша и слива.

Применяя к ним испытанный мичуринский метод, мы можем создать у себя собственные сорта прекрасных яблонь, груш, слив и абрикосов. Было бы желание. Должен быть поставлен и как следует разрешен вопрос о создании алтайского плодово-ягодного садоводства. Всяческим «недооценкам» и «недопониманиям» в этом вопросе не должно быть места. Наша обязанность добиться того, чтобы мичуринская экспедиция на Алтай состоялась в текущем же году. Не откладывая дела, организовать в областном центре опытный опорный пункт по плодово-ягодному садоводству. Охватить Ойротию сетью мичуринских кружков, привлекая в них, в первую очередь, молодежь. Параллельно приступить к организации закладки плодово-ягодных насаждений в колхозах и пригородных хозяйствах. 1933 год должен явиться годом широкой подготовки для создания промышленного садоводства, как одной из отраслей народного хозяйства Ойротии. Покроем Красную Ойротию цветущими садами. Садовод-опытник Мих. Лисавенко». [143]

Откуда Лисавенко так хорошо знает Ойротию? Ответ на этот вопрос в самом характере Михаила Афанасьевича.

Каждую статью, которая касалась садоводства, он внимательно изучал и откладывал в свой архив. Так, например, в документах Лисавенко хранились бережно переплетенные 13 листов с тезисами докладов садоводов Иванецкого и Штанина, которые они прочитали в 1926 году в Новосибирске. И сегодня это чуть ли не единственный уникальный документ, сохранившийся с того первого съезда сибирских садоводов. Лисавенко собирал самые разные статьи о Сибири. Так что с Алтаем заочно он был знаком давно. В одной из своих статей он вспоминает:

«В первые годы моего приезда в Ойрот-Тура я сравнительно часто бывал в селе Алтайском и соседствующей с ней Сарасой. Я знал о них, как старейших очагах садоводства на юге бывшей Томской губернии еще из работ Н. Ф. Кашенко (в журнале «Научное плодоводство» его статья «Зачатки томской помологии»)» [81].

Также Лисавенко читал все брошюры, которые издавала артель «Алтайская флора», и хранил у себя каталоги-прейскуранты этой бийской артели.

Мы думаем, вы заметили, что в статье о будущем садоводстве Ойротии Михаил Афанасьевич много говорит о крыжовнике. Для Лисавенко это растение имело большое значение и в ачинском саду.

Михаил Афанасьевич очень сдружился с садоводом из села Боготол (где родился Лисавенко) Эмилием Михайловичем Ковальке. Но надо сразу пояснить, в Боготол Ковальке переехал и заложил свой сад только в 1919 году. То есть, в детстве будущего академика садов в Боготоле не было. А вот когда Лисавенко уже занимался своим садом в Ачинске, он узнал о талантливом садоводе по соседству (от Ачинска до Боготола 60 км) и завел с Ковальке крепкую дружбу. Эмилий Михайлович был очень интересной личностью. Родился на Украине, поэтому и не мог жить без сада. Судьба закинула его в Бурятию, где он работал полковым фельдшером. Но из Бурятии ему пришлось бежать. У местного бурятского хана заболела дочь. Ковальке поставил диагноз: туберкулез. Хану диагноз не понравился, и он пообещал, что если девочка умрет, то он его убьет. Ковальке забрал жену

и сбежал в Боготол. Здесь он обзавелся большим участком под сад, вел опыты по селекции крыжовника, вишни, ябло- ни. И даже получал награды (в 1926, 1929 и 1934 годах) за свои работы на сибирских выставках.

Михаил Афанасьевич брал у него посадочный материал и увозил в Ачинск. В «Крестьянской газете» за 1932 год Лисавенко пишет:

«Крыжовник, по моему мнению, должен занять самое по- четное место на плантациях сибирских совхозов. Я не видел нигде такого прекрасного крыжовника, как в Боготоле у Ко- вальке. Несмотря на свой преклонный возраст, Ковальке не- устанно работает в своем садике, представляющем настоящую сокровищницу для сибирского садоводства. Его крыжовник крупный и вкусный, который он вывел путем посева англий- ских сортов. Единственный недостаток этого крыжовника, что он нежен, хотя и зимует под снегом. У меня есть дикий сибирский крыжовник, который я несколько лет назад вы- вез из Хакасии. Также мне удалось однажды найти в одной деревне переселенца-украинца, у которого в страшном запу- стении рос перед окнами крыжовник, привезенный много лет назад из Украины в Сибирь. Я раздобыл этот крыжовник и дал ему «человеческие условия». В нынешнем году он дал 5-6 килограммов с куста. От него я имею семена, которые в будущем году начнут плодоносить. Я пытался произвести скрещивание этого крыжовника, а также крыжовника Ка- вальке с нашим сибирским крыжовником. Но я не знал до последнего времени, как это сделать» [138].

К опытам по селекции крыжовника Лисавенко толь- ко-только приступил в своем ачинском саду. Бросать нача- тое ему не хотелось, поэтому и в Ойротии он делал ставку на эту ягоду.

Что значило для Лисавенко проститься со своим ачин- ским садом, где уже прижились столько уникальных рас- тений, где он испытал искреннее счастье садовода, когда впервые зацвели его яблони, когда он смог даже попробо- вать первые яблочки со своих деревьев?

Наверное, проститься с первым садом — это было как проститься с родным человеком.

«Весной часть молодых сеянцев, казавшихся мне интересными для работы на Алтае, я отправил в Бийск, являющийся конечным ж/д. пунктом на пути в Ойротию. И ввиду затруднительности тогда в распутицу сообщения с Ойрот-Турой (100 км по тракту), сеянцы были посажены и росли год в Бийске, значительная часть их в то время погибла, к моему величайшему сожалению» — из автобиографии Михаила Лисавенко.

Много увезти на поезде Лисавенко не мог. В воспоминаниях он потом напишет:

«При переезде с полсотни сеянцев были смешаны в один тюк. Год росли в Бийске, затем весной 1934 высадил их в Ойрот-Туре».

Но было и еще одно важное прощание в Ачинске. В городе, куда он не вернется больше никогда.

ПРОЩАНИЕ

Уехать и не попрощаться с могилой сына он не мог. Про Афоню Михаил Афанасьевич мало когда говорил, но всегда на него смотрел. На письменном столе Лисавенко в разные годы его жизни всегда стояла фотография маленького Афанасия. Сейчас эти два портрета (один большой в широкой металлической рамке — здесь сыну около года, другой тоже в ажурной раме, но поменьше — сыну около 4 лет, он в красивом костюмчике и со смешной непослушной челкой) стоят на его рабочем столе в музее Лисавенко.

Когда в архиве мы внимательно перебирали все рабочие дневники и блокноты Лисавенко, нам попала одна странная тоненькая книжечка: под тряпичной обложкой, выцветшей до серо-бурого цвета, оказались совершенно неисписанные желтые листочки. Понятно было, что книжку часто брали в руки, возили в кармане пиджака, но ведь она совершенно пустая. Может, что-то было написано, а потом вырвано?

Первый раз эта книжка нам не открылась. А через несколько месяцев у нас состоялся очередной разговор с Ольгой Александровной Барановой. Мы сидели в ее саду, и я спросила:

— Как вы думаете, что Лисавенко посадил на могиле сына в Ачинске?

Ольга Александровна, недоумевая, посмотрела на меня:

— Откуда я могу знать... Вот на могиле Лисавенко можжевельник растет.

— Ну, мог он тогда, в 1923 году, на могилу яблоню посадить?

— Не думаю...

В очередной раз мы приходим в архив и берем ту самую неисписанную книжку. И вдруг захотелось посмотреть, что там за этой тряпичной обложкой: оказалось — ничего, она приклеена к картонке. Но пока мы пытались заглянуть, совершенно случайно открылось, что внутри складки есть крошечный кармашек. Заглядываем в него, а там маленькая (размером чуть больше марки) черно-белая фотография с оборванными краями. И мы видим на ней детскую могилку, крошечная оградка утопает в снегу, а рядом высокие-высокие деревья, кажется, что это березы. Скорей всего, это фото сделал Лисавенко перед тем, как уехать в Ойротию. По глубокому снегу он пришел на могилу сына, чтобы проститься...

ДРЕВО ЖИЗНИ

Глава вторая

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ОЙРОТИИ

Весну 1933 года Лисавенко провел в Бийске. С родителями и сестрой, Евдокией, ее сыном Александром, которого он уже по-отцовски называл Шурой. Неужели жизнь налаживается? Оттаивает сердце, как каждую весну оттаивает-оживает земля в саду. Ему — 35 лет. В голове — грандиозные планы. Но пока он трудится на участке родителей в Бийске. Прикапывает саженцы, которые привез из Ачинска, чтобы растения не погибли. Уехать сейчас сразу в Ойрот-Туру невозможно. Дорога по Чуйскому тракту раскисла и превратилась в тягучую пучину, которую не могли осилить лошади.

В Бийске Лисавенко много общается с местными садоводами и с коллективом артели «Алтайская флора». Заранее договаривается о саженцах для станции. Но бесплатно их никто давать не будет. Будущему пункту нужно финансирование, но пока вопрос денег висит в воздухе. Да и своих рублей после переезда почти не осталось.

В очерке Афанасия Коптелова «Алтайский кудесник» есть трогательный эпизод о том, как Лисавенко весной 1933 года едет в телеге на лошадях в Ойрот-Туру, а за пазухой от мороза прячет ирисы и луковицы гладиолусов. Это, скорее всего, художественный вымысел.

Цветы Лисавенко, конечно, очень любил. Но в первый год в Ойротии высаживать цветы ему было просто негде. На новом месте у Лисавенко даже не было своего угла, не то что клочка земли.

Дорога по Чуйском тракту открылась только к концу весны. С собой в Ойротию он вез на телеге ящик с книгами, самую необходимую одежду и фотоаппарат. А цветы, если и взял собой, то семенами.

Сохранились воспоминания Лисавенко, что из Бийска в Ойрот-Туру он привез семена флокса. Их он посадил и вырастил только в 1934 году, когда получил землю под опорный пункт.

Кстати, эти флоксы он заметил в саду бийчанки Федосьи Павловны Ивановой. Лисавенко пишет:

«В числе любителей-садоводов Бийска, с которыми я сдружился, был Петр Константинович Иванов и его жена Федосья Павловна — страстный цветовод. У нее я раздобыл сеянцы флокса, размноженного на опорном пункте и получившего название Бия».

«Окончательно в Ойротию я приехал в июне 1933 года и с 1 июля был зачислен на несколько необычную должность садовода-опытника при Ойротском ОблЗу. На работу в 1933 году и все расходы, включая мое содержание, мне отпустили 4 000 рублей» — из автобиографии Михаила Лисавенко [188].

О том, как ехал в июне по Чуйскому тракту Лисавенко в Ойротию, сохранились воспоминания некоего А. М. Ожерельева. Как оказалось, это был садовод-опытник из Бийска. Скорей всего, он трудился в артели «Алтайская флора». Ожерельев припомнил, что в дороге с Лисавенко случилась одна досадная неприятность. Вот что он пишет:

«В 1933 году был тихий теплый день. Солнце поднялось высоко, со двора выезжала телега. Это поехал Михаил Лисавенко в Горный Алтай для покорения алтайской флоры. Пересекли несколько улиц, мы скоро достигли бора, дорога шла через сосновый лес. В лесу под голоса птиц сменился у нас разговор. Часа через два мы ехали степью, на полях дружно работали колхозники. К вечеру часов в семь переправились на пароме через реку Катунь. Около переправы Катунь имела большой поворот, в повороте мы остались ночевать и река у нас оказалась с двух сторон. Место для ночлега очень хорошее — около большого камня-самородка, выпрягли лошадь, как около дома. Камень украшался кустами облепихи. Сготовили чай, собеседники оказались любителями крепкого чая, расположились пить чай среди цветов, за чаем оживленно говорили о любимом деле — садоводстве. Вскоре наш разговор прервали веселые песни — это шли с поля колхозные девушки. Михаил Афанасьевич вступил с ним в разговор, спрашивая о жизни колхоза. Девушки увидели фотоаппарат, которым Лисавенко фотографировал наш ночлег. Михаил Афанасьевич охотно согласился и сфотографировал девушек. Их было человек пятнадцать. Девушки поблагодарили Михаила Афанасьевича и пошли домой. Мы приступили соору-

жать постели. Под звуки бурного течения Катуня Михаил Афанасьевич вскоре заснул. Мне спать пришлось мало, ибо на моей ответственности лежала охрана дорожного багажа Михаила Афанасьевича, а также и лошади. Июньская ночь коротка и почти светлая: вечерняя заря не управится погаснуть, как начинается утренняя зорька. Едва стало рассветать, как мы тронулись в путь, имея ввиду миновать ехать в жаркое время. После ночной прохлады теплом нас клонило в сон, я правил лошадь, хоть и сильно дремал. Михаил Афанасьевич нашел на телеге удобное место и вскоре заснул. Дорога была хорошая, телега шла плавно. Так проехали верст 10 в полном молчании. Так у нас в пословицах говорится: сколько не спи, а все же вставать надо. Проснулись и мы, и к нашему удивлению у Михаила Афанасьевича не оказалось фуражки. Я остановил лошадь. Предзнаменование плохое, утеря фуражки не радовала моего путешественника, неприятно было и мне, я себя более обвинял в утере фуражки» [195].

История закончилась хорошо: фуражку Лисавенко нашел ехавший следом на ярмарку крестьянин и отдал владельцу. Но любопытно в этой истории то, что недобрый знак, который почувствовал мнительный садовод Ожерельев, все же сбылся.

Ольга Александровна Баранова в статье «Первое десятилетие М. А. Лисавенко на Алтае» очень точно подметила:

«Не каждому под силу пережить и выйти победителем в той борьбе за право начать работу на новом месте в Ойротии, которую ему пришлось стойчески выдержать в 1933-1934 годах. Он попал, хотя и в благодатный, но абсолютно неземледельческий район южной Сибири, где местное население еще нужно было приучать к оседлости и в языке которого не было слово «яблоко» [41].

Как на первых порах нелегко было Лисавенко в Ойротии, красноречиво свидетельствует нам его рабочая тетрадь (видимо, это черновик его статьи к пятилетию опорного пункта). Лисавенко сначала пишет: «Приехал в Ойрот-Тура где договорился», слово «договорился» зачеркивает, вписывает «получил согласие» — тоже зачеркивает и, в конце концов, пишет: «приступил к работе» [72].

Действительно, словом «договорился» первые месяцы в Ойротии не назовешь. На словах Лисавенко и «Крестьянской газете», конечно, обещали поддержку. Но на деле выдавать землю на сомнительное по меркам того времени дело — садоводство — землеустроители Ойрот-Туры не хотели.

«Конечно, дело на первых шагах шло не так гладко. Если руководящие товарищи стремились оказать мне поддержку, но когда дело доходило до технических исполнителей, получалось наоборот, причем местные работники встречали меня просто в штыки, настолько необычной казалась им моя миссия. Для иллюстрации можно вспомнить, что ОБЛЗу не нашло ничего лучшего, чтобы «отвязаться» от меня, как послать на пригородное хозяйство «Горное» в качестве копальщика картошки. Долгое время мне пришлось быть без крова и лишь в конце сентября Облисполком купил мне избу на Ленинской ул. №11, в которой я жил до 1936 года, когда я мог позволить себе переехать жить на место работы — на свой участок» [188] — из автобиографии Михаила Лисавенко.

В 1930-х годах в Ойрот-Туре очень остро стоял жилищный вопрос. Иногда в одной избушке жили по две-три семьи. Найти жилье Лисавенко долго не мог. Администрация Ойрот-Туры обеспечить его жильем не спешила, словно надеялась, что он от отчаянья просто уедет. Но Лисавенко приютил у себя начинающий садовод-любитель Г.В. Бобриков. Кстати, познакомились они еще во время самого первого приезда Лисавенко в Ойрот-Туру. Потому что именно Бобриков был автором той первой статьи о переезде в Ойротию известного садовода из Ачинска Лисавенко. Бобрикова хорошо знали в Бийске в артели «Алтайская флора», потому как у них он покупал семена. К своим опытам по садоводству Бобриков приступил совсем недавно. Первые плодовые деревья в огороде он посадил осенью 1931 года. В газете «Красная Ойротия» мы даже нашли его воспоминания об этом:

«В 1931 году я дал заказ бийской артели «Алтайская флора» и за 20 рублей получил 18 корней яблонь, 5 слив, 2 вишни, 5 тополей и 19 кустов садовой малины. Также в саду из

семян я вывел и выращиваю облепиху и черемуху. Если прибавить к этому три грядки крупноплодной земляники, известной у нас под названием «Виктория», уже третий год дающей обильный урожай, то окажется, что незаметно, без каких-либо особых затрат, я снабдил свою семью из пяти человек самыми разнообразными плодами и ягодами. Бобриков» [119].

Из этой заметки нам интересно даже не то, что пытался выращивать начинающий садовод, а то, что в его маленьком домике по адресу: улица Алферова, 20 жили пять человек. Поэтому Лисавенко он смог приютить только в огороде под навесом. А ведь даже летом ночи в Горном Алтае не самые теплые.

«Вспоминаю, как я в июне 1933 года приехал в Ойрот-Туру и до сентября жил на огороде под навесом у одного местного жителя, любителя садоводства. Единственное мое имущество — ящик с книгами и тот пролило, несмотря на двойную крышку — навеса и ящика. И как я радовался, когда мне, наконец, на Ленинской, 11 дали избу. Ни один богач так не радовался дворцу, как я радовался этой избе из кухни и комнаты. Я хорошо понял, что это за счастье иметь крышу над головой. Притом, крышу не промокающую при каждом дожде» — через много лет напишет в одном из писем Лисавенко.

Лисавенко зачислили в штат ОблЗУ³, но землю под опорный пункт не дали. Осенью 1933 года в Оройтии ему пришлось не закладывать сад, а трудиться на картофельной плантации. Но он не сдавался.

Несколько слов скажем про саму Ойрот-Туру. В 1932 году село получило статус города (до этого Ойрот-Тура было селом Улала). Но до города по всем меркам здесь было еще очень далеко... Из заметок газеты «Ойротский край» можно понять, что в Ойрот-Туре не в каждом дворе даже были, уж извините, туалеты. Скотина держалась без навесов, огороды были маленькие... Дело в том, что коренное население Ойротии вело кочевой и полукочевой образ жизни. К 1933 году в Ойрот-Туре уже было много русских, но алтайцы преобладали. Проживало в городе около 5-6 тысяч человек.

³ Областное земельное управление

Михаил Афанасьевич обошел всю Ойрот-Туру, заглядывал в каждый двор, чтобы обнаружить хоть какие-то плодовые деревья. Садоводы-любители были его надеждой. Он хотел отыскать энтузиастов, чтобы и деревья местные изучить, и найти себе помощников, ведь в одиночку опорный пункт не потянуть. Но таких, как Бобриков, были единицы.

Лисавенко потом напишет:

«Хватило бы пальцев на руке, чтобы перечесть те усадьбы, где имелись яблоньки и ягодные кусты, но я был рад и этому. И здесь были любители, которые из Минусинска и Омска выписывали саженцы, а иные получали их в Бийске, что находился в 100 километрах. Что же касается самой Ойротской области, то на ее территории, равной Швейцарии и Дании, существовал только один небольшой приусадебный сад художника-алтайца Гуркина»...

Как уже опытный садовод Лисавенко понимал, что опорному пункту нужны свои, местные сорта. И летом 1933 года он нашел возможность (своей лошади у него не было, опорному пункту лошадь дадут только в 1934 году), нанял проводника и поехал в сторону Чемала. Недалеко от Чемала он завернул в село Анос, где раскинулась усадьба и сад художника Григория Ивановича Чорос-Гуркина. Чорос-Гуркин был известной личностью в Ойротии, к нему приезжали видные художники, писатели, начальники разных мастей. О том, что у Гуркина имелись садовые деревья, знали в Ойротии, и, естественно, Лисавенко захотелось посмотреть на этот сад.

Из сохранившихся писем Чорос-Гуркина (они датированы 1935 годом) мы узнаем, что художник выращивал в своем саду:

«Яблони дали урожай до 15 ведер мелких и крупных яблок. Огород дал мне тыквы, помидоры, сою, моркови, свеклы, фасоли и, главное, картофели до 250 ведер! Пчелы, хотя и плохой нынче был для них год, ненастное холодное лето, дали меду около 2-х пудов».

Наверняка Чорос-Гуркин показал Лисавенко не только свой сад, но и мастерскую. Комната, где он работал, была увешана и заставлена картинами: удивительные поляны, горы, озера, лес, цветы — буйство красок, от которых, как от чистого горно-

го воздуха, могла закружиться голова. Интеллигентному, начитанному Лисавенко было о чем поговорить с воспитанником Петербургской Академии художеств и учеником Ивана Шишкина.

Позволим себе представить, что Лисавенко был очарован цветами-огоньками на полотнах Гуркина. Известно, что Лисавенко часто вспоминал, как в Ачинске ему встречались дивные поляны с огоньками и вот он нашел их снова, теперь — на Алтае.

О том, что у Лисавенко с Гуркиным завязались теплые отношения, говорит тот факт, что при всей безумной занятости (у Чорос-Гуркина было огромное количество заказов на картины со всей Сибири и Москвы) в 1936 году он по просьбе Лисавенко напишет картину «Яблоня в цвету» для питомника им. В. И. Мичурина.

В саду Чорос-Гуркина были яблони из бийского питомника «Алтайская флора». Так как Михаил Афанасьевич везде собирал яблони, можно предположить, что в тот 1933 год Лисавенко взял у художника несколько черенков, чтобы привить на опорном пункте, которого, правда, пока еще не было.

СЧАСТЬЕ ЛУКОВОЕ

В краевом архиве мы нашли блокнот Лисавенко за 1933 год, он практически весь исписан на латыни. Почему? Михаил Афанасьевич изучает природу Горного Алтая и записывает разные названия растений, которые ему

*Григорий Иванович Гуркин
(Чорос-Гуркин). 1930-е гг.*

встречаются. Отсюда и латынь (видимо, хорошо он ее учил в красноярской гимназии).

И здесь хочется подчеркнуть, что Лисавенко интересуют не только яблони, ему интересны все растения, которые могут быть полезны человеку.

Так, например, после визита к Гуркину Михаил Афанасьевич едет в Чемал, где знакомится с уроженцем Риги, биологом по образованию Адамом Владиславовичем Лейтаном, который работал агрономом курорта Чемал. Ему, как и Лисавенко, 35 лет, как его занесло в Сибирь — уже не найти ответа. Но по документам нам удалось установить, что Адам Владиславович учился в Германии и Франции, а в Чемале ставил опыты по акклиматизации растений. Свидетельством того, что Лисавенко встречался с Лейтаном, стала большая статья, которую Михаил Афанасьевич написал в 1933 году (а напечатана она была в январском номере журнала «Плодоовощное хозяйство» за 1934 год) под названием «Алтайский лук» [13].

Лисавенко с большим интересом изучает дикий алтайский лук и видит в нем огромные перспективы. Он пишет:

«Вопрос о луке нужно поставить также, как он поставлен с картофелем. Разрешить же его можно гораздо проще и дешевле. Если за поисками новых рас картофеля пришлось снаряжать экспедицию в Южную Америку, то новые расы лука мы можем найти в пределах СССР. Достаточно сказать, что только в Западной Сибири насчитывается свыше 30 таких разновидностей лука. Укажем для примера на две таких сибирских разновидности, встречающихся на Алтае, в пределах Ойротской автономной области, которые было бы крайне интересно ввести в селекционную работу. Первая разновидность, о которой мы упоминаем, русское население называет «чуйским луком», а алтайцы «согоно». Вторая разновидность, которую алтайцы называют «ускун», представляет собой не лук, а чеснок» [13].

В статье Лисавенко подробно описывает эти виды дикого лука, рассказывает об их пользе и зимостойкости. В этом луке он видит растение, которое можно было бы успешно выращивать в самых северных регионах страны и спасти им людей от цинги.

Ольга Александровна Баранова поясняет:

«Сохранилась целая папка переписки Лисавенко про лук. В 1937 году он даже писал исследователю Арктики Отто Юльевичу Шмитту. Предлагал ему использовать ойротский лук для заполярных хозяйств. Этот лук мог очень хорошо храниться, он в мешках у алтайцев всю зиму стоял и не портился. И Михаил Афанасьевич семена этого лука лично в 80 адресов на европейский север и по Сибири отправлял».

Кроме лука, уже тогда, в 1933 году, заинтересовался Лисавенко облепихой. О ней он тоже подготовил статью в журнал «Плодоовощное хозяйство»:

«Следует признать, что облепиха заслуживает особого внимания для использования ее в колхозных садах северной и средней полосы Союза. Хотелось бы обратить внимание соответствующих научно-исследовательских организаций на необходимость точного и всестороннего анализа плодов и семян облепихи. По некоторым сообщениям (исследования товарища Ручкина, Омск) мякоть ягоды и ее семя содержат два разных вида эфирных масел» [18].

Почти все лето Лисавенко провел в сборе семян и сеянцев по Горному Алтаю. В своих поездках по горам он чуть не погиб:

«Неизгладимое впечатление оставило путешествие по Горному Алтаю, которое я в то лето совершил на крепких алтайских лошадках со своим проводником, знатоком здешних мест Михайлой Пузановым. И все же, несмотря на его опытность, мы заблудились в горной тайге и едва, совсем обессиленные, вырвались из беды», — из воспоминаний Михаила Лисавенко.

В очерке Николая Дворцова «Нужны энтузиасты» очень красочно описывается, как Лисавенко со своим проводником попали в страшную грозу, лошадь, напуганная громом, чуть не сорвалась со скалистой тропы в пропасть, и они буквально вытаскивали ее на себе. Сбившись с дороги, они бродили по тайге три дня, прежде чем вышли к людям. В те первые путешествия Лисавенко по Алтаю приключались с ним и забавные истории.

ЖИВАЯ КАРТИНА: ЯБЛОЧКИ КУСАЮТСЯ

В селе Алтайском и соседним с ним селе Сараса Лисавенко задумал побывать сразу, как приехал в Ойрот-Туру. Расстояние до них было относительно небольшое (километров пятьдесят). Молва об этих местах среди садоводов ходила давно. Еще сам Николай Феофанович Кащенко в статье «Зачатки томской помологии» описывал сарасинские яблочки: называл их «кисловато-крахмальными и недозрелыми», но все же вкусными. Кащенко никогда не бывал на Алтае, эти яблоки он попробовал в Томске, куда их привезли на выставку. С яблоками была записка: «Крестьяне села Сараса имеют 190 яблонь в возрасте от 15 до 30 лет, высотой от 1 до 4 сажень».

День для поездки выдался чудесный, легкие белые облака прикрывали палящее горное солнце. Лошадь шла без особой спешки. Путники в унисон с ней размеренно вели свой разговор. Около Аи они немного задержались, сутились, загоняя кобылу с телегой на паром. Но, переправившись через шумную Катунь, вновь оказались в усыпляющей тишине бескрайних зеленых холмов и тянувшихся вдалеке молчаливых гор.

— Михайло, как заберемся повыше, ты остановись, нужно сфотографировать.

— А чего же не остановиться...

Проводник, невысокого роста алтаец, уже знал своего попутчика. Афанасьевич отходил от телеги метров на двадцать. Пленку он берет, делает всего пару щелчков, потом аккуратно зачехлял фотоаппарат в «коричневую кобуру», но скоро ждать в телеге его не стоило. Он то присаживался в траву, то разглядывал что-то в кустах. Каждая травинка казалось ему интересной, просилась в руки.

— Вот и вози этих знахарей. Как там русские говорят: «Ехал к Фоме, а заехал к куме!» Что он там все ищет, — пробурчал себе под нос Михайло.

Лисавенко долго не было, он, как ищейка, обошел всю поляну. А потом неожиданно вынырнул из травы с другой стороны телеги, чем чуть не напугал пригревшегося на

солнышке Михайло.

- Поедем дальше...
- Дальше, так дальше.
- Чего нашел-то?

Лисавенко разглядывал в ладошке какие-то семена.

- Растения, травы.

Проводник усмехнулся:

- А что их искать-то. Много травы, да мало сена.

Лисавенко с улыбкой возразил:

- Наши травы всем интересны, да мы их не знаем совсем.

Из самой Швеции сюда экспедиция приезжала, чтобы семена наших кормовых трав собирать. В 1928 году. Не слыхал?

- И что — у них травы своей нет? Чудеса!

Перед самой Сарасой встретили двух женщин, одна совсем молодая, другая постарше. Лисавенко прыгнул с телеги, вежливо поздоровался.

- Расскажите, у кого в деревне есть сад, яблочки растут?

Женщины пугливо переглянулись. Та, что постарше, перекрестилась:

— Слава Богу, нет у нас этих яблонь! У Коровникова были, так его уже забрали. Вы-то за кем приехали?

Первых садоводов-опытников в Сарасе и Алтайском раскулачили. Суеверные родственники и соседи гадали: а вдруг за эту «барскую роскошь» — яблочки? Кто-то даже вырубил деревья, от греха подальше.

Лисавенко объехал всю деревню, была она примерно в пятьсот домов. У одной избы он увидел небольшой сад. Огород спускался в обрыв, а оттуда виднелись пышные макушки яблоневых деревьев. Михаил обрадовался, побежал знакомиться с хозяином. На пороге его встретила сухонькая старушка, в выцветшем туго повязанном на голове платке. Она чем-то напомнила ему бабушку, мать отца.

— Здравствуйте, гляжу, яблони у вас в саду, разрешите посмотреть...

Старушка молчком спустилась с крыльца.

— Садовод я, интересуюсь для разведения. Езжу по Алтаю, ищу плодовые деревья. В Ойротии опорный пункт по садоводству открывается.

Хозяйка внимательно посмотрела на Лисавенко:

- Больно молод ты для садовника.
- Молод?! Да, однако, 36-й год идет.
- Мои кислицы постарше тебя будут.

Лисавенко искренне удивился:

- Так это ваши яблони? Вы их сажали?

— А кто же в моем огороде-то будет сажать? Мы, чай, батраков не держим.

Старушка, прихрамывая, повела Лисавенко в свой садик, где росли 10 высоченных яблонь. Звали хозяйку усадьбы Устинья Анисимовна Вопилова. В том, 1933 году, было ей уже 70 лет.

В Сарасе крестьяне, кто пытался разводить яблони, не выписывали саженцы с Юга, как это делали многие садоводы из Красноярска или Бийска. А сеяли от яблочного семечка: взойдет-не взойдет. Не взойдет — значит так и надо. А если проклюнется росточек, то растили дерево по десять-двадцать лет. Сеяли плодовые деревья в норки, которые рыли за огородом по обрыву кроты.

От какого яблочка семечки, уже и не вспомнить Устинье Анисимовне.

— Может, на ярмарке купили яблочки сыновьям, может, кто угостил. Сами-то с дедом моим мы яблоки шибко не ели. Для детей берегли. Они съели, а я семечки собрала да посеяла.

С разрешения хозяйки попробовал Лисавенко сарасинские плоды, оказались они еще недозрелыми. Верхние ветки были усыпаны зелененькими мелкими ранеточками. Он подобрал маленькие яблочки с земли, те, что упали под ноги. Покрутил в руках, быстро потер о рукав рубахи и попробовал на зубок.

— Хм...

— Кисло?

Лисавенко улыбнулся:

— Да уж не сладко.

Старушка тоже улыбнулась:

— Говорю ж тебе — кислицы мои! Зато не ворует никто. Вот в Алтайском есть сладкое дерево, так на него ребятня, как пчелы на мед, налетает. А мои только к осени вызрят...

В Алтайском Лисавенко тоже объехал все село, а вернее — одну длинную улицу. Все дома и огороды стояли здесь вдоль одной пыльной дороги, которая уходила к самому предгорью. Телегу с лошадкой обступила ребятня.

— Кто из вас покажет, где тут яблоки растут?

Толпа мальчуганов загудела и побежала, сверкая черными пятками, показывать дорогу.

Кто постарше, начал с визгом выкрикивать: «Дяденька, а вы сей будите? Дяденька, а у вас штаны новые? Дяденька, а вы...».

Михайло пригрозил им кулаком: «Ишь, раскрякались, гуси необщипанные».

Лисавенко улыбался. Он даже хотел вытащить фотоаппарат и сфотографировать эту шумную ребячью толпу, но побоялся, что от такой забавы те разыграются до безобразия.

Когда они поднялись на горку, на самой окраине села, ребятня завизжала громче прежнего: «Ой, съест и сапогом не подавится!»

И тут стало ясно, из-за чего так рвали горло мальчуганы. Лисавенко увидел крепкое большое яблоневое дерево, а к нему — привязанную злую собаку. Псина, натянув веревку, носилась по «орбите» возле ствола. Лапами она вытоптала почти идеально ровный круг, в центре которого и росло дерево с запретными плодами. Короткая, всего метров пять, веревка заставляла собаку то и дело вставать на задние лапы и от злости душить саму себя. В этот момент свирепое животное хрипело и так скалило зубы, что казалось, будто собачья челюсть сейчас вывалится и покатится с горы.

Мальчишки дразнили пса, но подходить близко боялись. Они с деревенским задором поглядывали на растерянного Лисавенко.

— Дяденька, хочешь яблочек? Вкусные...

Лисавенко понимал, что договориться с разъярённой псиной вряд ли получится. Костей с собой в дорогу с Михайлой взять они не додумались. От любого приближения к дереву пес приходил в бешенство.

А увидев Михайлу с палкой в руках, лохматый сторож разозлился пуще прежнего. Казалось, что он вот-вот сорвется со своей веревки.

Лисавенко подозвал из толпы мальчишку постарше.

— И что, никто из вас яблочко не пробовал?

— Да пробовали... Не дураки же. Один отвлекает пса, другой бежит к дереву с другого краю. Но надо быстро бежать. Васька не успел, без штанов остался и ноги покусала. А Степка так сиганул, что на дерево залез. Сидел там как ворона, плакал, мамку и отца звал...

Михайла не без ехидства поглядел на Лисавенко узкими глазами:

— Афанасьич, ну из нас двоих ты самый молодой. Я, так и быть отвлеку, а ты...

Ребяшня радостно завизжала в надежде на представление от гостя в штанах без заплаток. Но Лисавенко укоризненно зыркнул на Михайлу:

— Шуточки твои... У собаки есть хозяин. Пойду договорюсь. Мы же не воровать, мы для разведения.

Яблонька принадлежала раскулаченному крестьянину Стремякову. И, по всей видимости, злая собака тоже. Остатки сада национализировали и передали Маслопрому. Яблоки, по мнению местных жителей, действительно были вкусные, и, чтобы их не растащили, решено было привязать пса. Но доверять собаке кулака новая власть не могла. Для верности к яблоне был приставлен сторож, который дежурил в шалаше неподалеку. А вот он собаке доверял полностью, поэтому в шалаше спокойно распивал самогонку с товарищем — еще одним сторожем.

— Здравствуйте, товарищи!

От интеллигентного вида Лисавенко у сторожей в груди появилось неприятное чувство вынужденного протрезвления. Первое, что они подумали: погорели, проверка оттуда.

— Вам, наверно, может показаться моя просьба странной. Я бы хотел яблоню вашу изучить, для разведения...

Сторожа плохо понимали, о чем говорил интеллигентный гость. Все эти слова про плодоношение, черенки казались им очень странными. Но тут они услышали то, чего боялись услышать.

В своей речи Лисавенко обронил одно лишь понятное для них слово. Он сказал примерно так: «Будем сад сажать...»

Пьяные сторожа услышали только слово «сажать» и тут же принялись каяться.

— Мильй, добрый человек, ну только не сажать! Работать будем! Пахать! Только не сажать!

Лисавенко возразил:

— Как же, товарищи! Это же для колхоза! Для ваших семей! Для детей! Сад — это наше будущее!

Сторожа уже больше ничего не слышали. Один из них даже в пьяном тумане принялся горько рыдать и все причитал: «Не сажай! Ой, родной отец, не сажай! Пахать буду, па-ха-ть!»

Ситуацию исправил Михайла. Он вытащил сторожей из шалаша и голосом злого трезвого председателя колхоза приказал выпивохам идти держать собаку, пока товарищ-садовод будет резать ветки.

Те, напуганные тюрьмой, крепко держали пса и только робко предложили:

— Может, лучше березовые, если вы в баню собрались.

— Я тебе сейчас такую баню устрою, — отрезал Михайло.

Черенки были срезаны. Ребяшня, пользуясь моментом, радостно набирала за пазуху зелененькие яблочки со сладкого дерева. Лисавенко тоже взял несколько, оттер об рукав, попробовал на вкус.

— Хм.

— Что, Афанасьевич, кислые?

Лисавенко засмеялся

— Да уж не сладкие...

САДОВОД БЕЗ САДА

Все лето Лисавенко изучает флору Ойротии, знакомится с местными усадьбами, собирает саженцы. Обещанную землю для опорного пункта получить все не удастся. Хотя участок Лисавенко уже присмотрел.

«Выбор мой пал на широкую долину, окруженную горами с разнообразной экспозицией — тут были и южные,

и северные, и западные склоны со всеми возможными градациями между ними. Разнообразна была и почва от тучнейшего чернозема до бедной щебнистой. И все это на одном участке! Какая это находка для селекционной работы! То, что в Татанакском логу, как звали облюбованную мной территорию, не было, что называется ни кола ни двора — это был пустырь с одинокой обшарпанной старой березой — меня не смущало. Я мысленно представлял себе, как здесь будет большой и красивый сад! Но когда в горсовете я поднял вопрос об этом участке — там удивились. Зачем? Мы можем вам дать усадьбу в городе хоть гектар. Разве этого мало?» — из воспоминаний Михаила Лисавенко.

Лисавенко мыслил масштабно: гектар для сада — это смешно. Уже в первый год он планировал высадить 1000 деревьев. Но начальству Ойротии планы приезжего садовода казались сказками. Как один человек может потянуть такую затею?

Активно против организации опорного пункта выступал областной финансовый отдел. Местные экономисты землестроители считали, что лог нельзя отдавать под сад, так как на нем пасется скот. Лисавенко пишет письма в «Крестьянскую газету», в Мичуринский институт, друзьям-садоводам — ищет поддержки.

В статье «Первое десятилетие М. А. Лисавенко на Алтае» Ольга Александровна Баранова приводит цитаты из ответов на эти письма:

«Держитесь! Я верю, Вы станете нашим сибирским Пашкевичем», — писал ему А. И. Олониченко из Красноярска. «Что ты раскис? — взывал к его мужеству друг из Ачинска Костя Поплавский. — И в Ачинске не хотят разводить сады» [41].

В таких угнетенных условиях (без дома, без, без сада, по сути никому не нужен на новом месте) Лисавенко проявляет невероятную смекалку и характер. Да, много денег на закупку саженцев у него нет, но он находит оригинальный выход. Через газету «Красная Ойротия» он просит народ присылать ему местные семена. Мы нашли это обращение в газете за 1933 год:

«Работники земельных и лесных органов, заповедников,

промысловых охотничьих станций, охотники, работники совхозов, колхозницы, колхозники-опытники... Культурные работники деревни — учителя и избачи... Отпускники, курортники, туристы и экскурсанты... слово за вами! Комсомольцы, школьники и пионеры... Ко всем вам обращаюсь с призывом: собирайте сами и организуйте сбор ягод на семена для ойротского плодово-ягодного опорного пункта! Дружными совместными усилиями всей общественности, форсированными темпами создадим и разовьем плодово-ягодное садоводство. В качестве премии сборщикам будут высылаться семена различных новых огородных и других культур, а в дальнейшем саженцы плодовых деревьев и кустарников [143]. Садовод-опытник М. Лисавенко».

В это же время он делает еще один грамотный шаг. В Ачинске получить дополнительный участок под сад ему помогла его общественная работа по озеленению города. И в Ойрот-Туре он тоже затевает компанию по посадке деревьев. Но здесь, в чужом краю, сделать это гораздо сложнее. Михаил Афанасьевич долго обивает пороги Горсовета, но все же получает 300 рублей на озеленение старой базарной площади. Площадь эта была в самом центре города, и, конечно, ее преобразование сразу бросится всем в глаза. Может, так люди и поверят в успех неугомонного садовода.

Лисавенко сам пишет объявления, собирает активистов, привлекает местных комсомольцев, вместе они очищают площадь. 5 октября 1933 года в газете «Красная Ойротия» вышла статья с заголовком «Ойрот-Туру сделать городом-садом»:

«Горсовет делает робко первые шаги по пути озеленения города. Президиум горсовета выделил 300 рублей для озеленения старой базарной площади. На столь малую сумму в горсовете есть расчет старую базарную площадь превратить в сквер.

Уже сейчас можно приступить к работе по озеленению Ойротской улицы, по превращению старой базарной площади в сквер. Октябрь благоприятен для заготовки посадочного материала. Для насаждений с успехом можно применить как местные деревья и кустарники — тополь, рябину, миндаль, маральник, иву, так и акклиматизировавшиеся в местных

условиях клен американский и татарский, липу, сирень, дикую яблоню. Необходимо также широко применить посадку цветов, особенно многолетних: пионов, флоксов, лилий.

Для посадки осенью этого года можно воспользоваться посадочным материалом из Бийска и Омска, где имеются питомники декоративных деревьев, кустарников и цветов. Озеленение города должно быть не только ведомственным делом горсовета. Озеленение должно стать делом чести всей городской общественности. Мих. Лисавенко» [106].

Но труды эти будут заметны только весной, а пока он все также остается в Ойротии садоводом без земли. Хотя первые сдвиги все же есть. В сентябре 1933 года Лисавенко наконец получает свой угол: ему отдают домик на улице Ленинская, 11.

История этого старого домишки (кухня и маленькая спальня) печальна. Здесь жили муж, жена и две дочери. Мужа в 1933 году арестовали, женщине не на что было кормить детей, и она продала городу свой домик. Сюда и поселили Лисавенко. На Ленинскую, 11 Михаил Афанасьевич перевез свое небольшое имущество. Но как же быть с опорным пунктом? Он по почте уже заказал саженцы из разных питомников страны, но выкупать их нет денег. Лисавенко пишет письмо в Мичуринский институт и просит выслать ему хотя бы 500 рублей на выкуп посылки. Но получает ответ: ищите средства на месте. А на месте в ОблЗУ Ойротии — одни обещания... Приходит письмо из Бийска от матери. Ничего хорошего: мать беспокоится, что саженцы, привезенные из Ачинска, в прикопе засыхают. Уже давно пора их высадить в хорошую землю...

Сохранились письма Михаилу Лисавенко от Федора Васильевича Смирнова, соредатора Пантюхова в «Крестьянской газете». Вот что он пишет ему в 1933 году:

«Скажу откровенно, что я потерял всякую надежду по Вашему делу. Никто мало-мальски серьезно не интересуется, никто не хочет хоть сколь-нибудь подумать, двинуть пальцем, взять хотя бы малейшую долю ответственности. Главное, у нас даже в недрах «Крестьянской газеты» никого нет, с кем бы можно было поговорить о Вас. У нас все так сузилось и сократилось, что просто не идет ни в какое сравнение

с тем, что было всего полгода назад. Очень досадно, что дело, обеспеченное таким подлинным энтузиастом (поверьте, пишу это без малейшего комплимента), требующее очень скромных средств, упирается в равнодушие, формальности, бюрократические отгмалчивания и отписки. Я думаю, что надо Вам все-таки требовать местные, ойротские организации. Михаил Осипович Пантюхов в настоящее время в Топкинском районе около Кемерово. Спишитесь с ним» [194].

Что мог сделать Пантюхов? Через «Крестьянскую газету» развернуть агитацию за садоводство в Сибири. Если в Москве будут поддерживать сибирское садоводство, то и на местах пойдут садоводам навстречу. Он официальным письмом вызывает Лисавенко в Топки для участия в совещании колхозников-опытников.

11 октября 1933 года заведующий ОблЗУ Ойрот-Туры Корюгин выписывает Лисавенко удостоверение на поездку и бронь Ойротского облисполкома на покупку билета на поезд в кассе станции Бийска. Да, просто так из Ойротии далеко уехать было просто невозможно.

Михаил Осипович Пантюхов с радостью встретил Лисавенко в Топках. Выездная редакция «Крестьянской газеты» устроилась прямо в вагоне поезда на железнодорожных путях. При них были пишущая машинка и даже типографский станок, чтобы сразу печатать газету, агитационные листовки и брошюры.

Пантюхов был опытным бойцом, постукивая костылем по полу, он с задором говорил: «Ничего, достучимся до народа, до начальства, будут в Сибири сады!».

Чтобы поддержать Лисавенко, он предложил ему подготовить рукопись по сибирскому садоводству, которую бы издала «Крестьянская газета».

Тут же в вагоне-редакции всего за пару недель Лисавенко написал свою первую книгу «Плоды и ягоды на север», а Пантюхов договорился, чтобы предисловием к ней стала статья-обращение самого Мичурина. Эта небольшая книжечка в пятьдесят страниц сыграла большую роль в судьбе Лисавенко, в те непростые годы она оказалась для него и оружием, и щитом для защиты.

*Члены выездной редакции «Крестьянской газеты»
и колхозники-опытники. Первый справа сидит
М. О. Пантюхов, второй слева —
М. А. Лисавенко. г. Томск. 1933 г.*

Цитировать всю книгу, конечно, нет смысла. Но важно, что в ней Лисавенко — уже не просто садовод-опытник, а селекционер, который готов создавать сорта под суровый климат:

«В климате ли дело? Действительно ли в сибирском климате не могут ужиться яблони, груши и вишни? Вспомним, давно ли было, когда в ряде районов Сибири сеяли только рожь да овес, и не помышляли о пшенице? А теперь ее сеют и сеют с большим успехом! В 1933 году в Сибири пшеничных посевов было целые 5 291 000 гектаров. Что же, климат вдруг переменялся в районах? Или вот, смотрите: пару лет назад вырос в Сибири первый сахарный завод, а потом еще и второй в Бийске. Мощные, механизированные, по последнему слову техники заводы. Перерабатывают же эти заводы сахарную свеклу, выращенную на колхозных полях той же самой Сибири. И недалеко тот момент, когда Сибирь будет иметь у себя целую сеть таких заводов и десятки тысяч гектаров под плантациями сахарной свеклы. Значит, тут дело не в одном только климате» [20].

А вот еще одна цитата из этой книги:

«Для многих опытников стало ясно, что суть не в сибирском морозе. В самом деле, где-нибудь в Вологде или Вятке мороз бывает в тридцать и сорок градусов, между тем яблони там все же растут. А если привезти эти яблони в Сибирь, то они при таких же морозах погибают. В чем же дело? А дело в том, что климат обуславливается не только одними морозами, а всей совокупностью климатических условий. Характерной особенностью сибирского климата является его резкая континентальность, то есть резкие переходы от жаркого лета — к долгой суровой зиме, от теплого дня — к холодной ночи. Помимо этого Сибирь выделяется сухостью воздуха, холодными северо-восточными ветрами и своими почвами. Во многих сибирских почвах задерживается вода или она близко подходит к поверхности земли. Такие почвы для плодовых деревьев губительны. Они легко промерзают и содержат вредные для корней вещества. Кроме того, чем дальше идти на север, тем летний день становится длиннее. Солнце светит чуть ли не круглые сутки. Многие растения, в частности плодовые, не любят таких длинных световых дней. Они, как говорят ученые, — растения короткого солнечного дня. К каждому климату нужно подобрать и подыскать растения и сорта этих растений, соответствующие особенности этого климата» [20].

На самом совещании в Топках Лисавенко сделал доклад, где рассказал о большом значении ягодников для Сибири, о необходимости создания сети питомников, об организации образцовых плодоягодных совхозов, о созыве первого съезда опытников и энтузиастов сибирского садоводства.

Из Топок 6 декабря 1933 г. Лисавенко на поезде поехал к Мичурину. Встречу помог организовать все тот же Пантюхов. Он позвонил Ивану Владимировичу, рассказал про Лисавенко. Через день по телеграфу пришел ответ: «Пусть приезжает».

**ЖИВАЯ КАРТИНА:
ВСТРЕЧА С МИЧУРИНЫМ
(НАПИСАНА САМИМ
МИХАИЛОМ АФАНАСЬЕВИЧЕМ ЛИСАВЕНКО)**

В конце 1933 года я был снова в Мичуринске. Отчитавшись в институте, я направился через заснеженное поле в Основной питомник — так назывался сад, где вел свои бессмертные работы Мичурин и где он жил со своими помощниками. Один из них, А. Н. Бахарев, личный секретарь Мичурина, любезно сообщил мне, что Иван Владимирович желает со мной встретиться.

С глубоким волнением поднимался я по ступенькам лестницы, ведущей на второй этаж небольшого киртичного дома. И, раздвигаясь в прихожей, я оказался в комнате, столь знакомой мне по фотографиям: скромный письменный стол со стопкой книг, лупой, микроскопом и другими приборами, что должны быть под рукой исследователя, дорожащего самым драгоценным — временем. На стене — часы, барометр, гигрометр — не самим ли Мичуриным все это сделано — известно его пристрастие к точным механизмам... Что это? Верстак, токарный станок. В углу резной шкаф.

— Ну, садись, рассказывай, как идут дела там, в твоих горах, — просто и ласково сказал Мичурин после приветствия и сердечного рукопожатия.

Я сразу почувствовал себя спокойно. Терпеливо и внимательно слушал Мичурин мое повествование, изредка подавая реплики или переспрашивая, если что казалось ему не ясным. Потом он задал мне кучу вопросов: какие сорта растут на усадьбах садоводов-любителей, у которых я бывал? Встречал ли я в горах миндаль и к какому виду он относится? Попадалась ли жимолость со съедобными ягодами? Болеет ли дикий алтайский крыжовник сферотеккой? Употребляют ли в пищу лук «согоно» алтайцы и в каком виде? Какие из растений использует местное население в народной медицине и т. д.

Удовлетворившись ответами и перелистав мою рукопись, Иван Владимирович предложил ее оставить у него для более детального ознакомления.

Видя, что я потянулся было в карман за портсигаром, но постеснялся закурить, Иван Владимирович достал банку с мелко нарезанным табаком, завернул сам тонкую длинную папиросу, вставил ее в такой же тонкий мундштук и предложил мне испробовать его табачок.

Я пожадничал — очень хотелось курить, и завернул папиросу толщиной в палец, затянулся... Курильщик я отчаянный. Но табак был настолько крепок, что я поперхнулся и закашлялся. Мичурин лукаво посмотрел на меня:

— Ну, каков табачок?

— Хорошо, — отвечаю, — только очень крепок.

— Ну то-то-ж! Вот посмотри машинку какую я смастерил для резки табака. А то ведь, когда я хотел заказать на фабрике, так мне, дураки, предложили в двести пудов! Слышал?

И Мичурин заразительно засмеялся. Прощаясь, Иван Владимирович предложил зайти еще раз до выезда из Мичуринска, дня через три.

Второй раз я посетил Мичурину 2 января 1934 года. Эта дата стоит на его портрете, который Иван Владимирович подарил в тот день с дружеской надписью. Тут же Мичурин вручил мне свое обращение «К колхозникам и специалистам сельского хозяйства Западной Сибири».

Незаметно Мичурин перешел к воспоминаниям о своей жизни в дореволюционные времена, рассказывал, как у него дважды был работник Департамента земледелия США Ф. Мейер, как после этого американцы сделали предложение Мичурину приобрести у него выделенные им сорта, а заодно и перевезти его самого в Америку. И как к нему, вслед за визитом Мейера, нагрянул из Петербурга влиятельный чиновник Салов и вручил Мичурину третьей степени орденский крест «За заслуги на сельскохозяйственном поприще».

— Признали... после Америки! — с непередаваемым юмором отметил Иван Владимирович.

Фотопортрет
И. В. Мичурина, подаренный
М. А. Лисавенко в 1934 г.

Тут он вспомнил, что сравнительно недавно у него в гостях был один американский его почитатель и, возвращаясь через Англию домой, прислал оттуда Мичурину в подарок набор садовых инструментов — здесь было все, начиная от прививочного ножичка и кончая лопатой. Иван Владимирович продемонстрировал эти инструменты.

— Ну, как?

— Хороши, — отвечаю, — англичане большие мастера на эти изделия — и сталь прекрасна, и сделано чисто.

— А теперь возьми вот этот секатор, сравни с тем, — и Мичурин подал мне небольшие садовые ножницы поразительного изящества. Это была тонкая работа художника. Я с изумлением рассматривал ножницы.

— Моя работа, — усмехнулся Иван Владимирович. — Был я как-то в Москве и захожу к Брабецу (владельцу известной в царской России фирмы, изготавливающей инструменты), показываю ему эти самые ножницы. Поиспратился в Москве и очень в деньгах нуждался.

— Не желаете ли, — говорю, — приобрести?

А Брабец отвечает:

— Эти ножницы годятся только для мошенников... часы срезать.

Вот, думаю, оценил работу. Плюнул я и ушел.

Мичурин вынул из шкафа другой никелированный инструмент. Это была изобретенная им и собственноручно сделанная прививочная машинка.

— Саша, — позвал Мичурин А. С. Тихонову. — Пойди и принеси веток — попробовать машинку.

Уважаемому
Михаилу Александровичу
Лисавенко
на добрую память
7 сент 1934 И. В. Мичурина

Автограф И. В. Мичурина на обороте портрета

Александра Семеновна вышла и через две-три минуты внесла свежесрезанные, пахнувшие морозом, тополявые побеги.

И Мичурин показал его прививочную машинку в действии. Молниеносно срезая на побеге прямоугольную пластинку древесины с корой и почкой, он быстро и без всяких усилий вставлял, вернее — вдвигал, ее в такой же след от выреза машинкой на другом побеге. Какое облегчение и ускорение, математическая точность работы, гарантирующая полный успех такой хирургической операции как прививка! Механизация подобной кропотливой работы при помощи мичуринского инструмента позволяет со стопроцентной удачей даже ребенку производить эту операцию, требующую точного глаза и уверенной руки умелого садовника...

Я и посейчас свято храню образец прививки, сделанной в моем присутствии Мичуриным его машинкой. И сейчас, как и в первый раз, удивляюсь: почему не наладить серийный выпуск этого удивительного инструмента? Мичурин, орудуя на своем токарном станке и в самодельной печке, мог изготовить совершенный садовый инструмент.

Но основу нашей беседы в тот день составили планы дальнейшей моей работы на Алтае. Коротко мичуринские задания алтайскому опорному пункту можно изложить так: во-первых, Мичурин обратил внимание на использование в селекционной работе диких сибирских ягодников,

особенно смородины. Но не ограничиваться ягодниками, а извлекать для культуры из природы Алтая другие полезные человеку растения.

Тут же Иван Владимирович одобрил мысль об организации в 1934 году, в помощь опорному пункту, всесоюзной пионерской экспедиции на Алтай для сбора семян дикорастущих растений. Во-вторых, Иван Владимирович особо подчеркнул значение дикой сибирской ягодной яблони для создания зимостойких сортов. Первый этап в этой работе уже нащупан: созданы яблони ранетки. Надо теперь использовать ранетки для получения второй генерации от сибирки. При этом Мичурин рекомендовал брать при гибридизации ранетки материнскими растениями, а в качестве опылителей — среднерусские и его, мичуринские, сорта крупноплодной яблони. Ранетку использовать в качестве ментора потому, что материнское растение полнее передает гибридному потомству свои качества, из которых зимостойкость — главное.

В-третьих, избежать частой ошибки сибирских селекционеров при воспитании гибридных сеянцев яблони. Почва в Сибири и так богата, а сибиряки еще стараются при выращивании сеянцев удобрять ее. Это ведет к изнеживанию, жированию сеянцев, препятствует формированию зимостойкости. Но не нужно впадать и в другую крайность, чтобы не повести к доминированию в сеянцах дикой сибирки. Поэтому надо выращивать сеянцы на хорошо защищенных от ветра участках. И в заключение главное: один в поле не воин. Не нужно думать, что все сделаешь сам. Надо привлекать к делу садоводства массы, надо внедрять любовь к садам, интерес к селекционной работе.

Лицо Мичурина стало строгим, пожалуй, суровым. На прощание он сказал слова, которые не раз приносили мне душевную бодрость:

— Иди напролом! Умей стоять за свое дело!

Указав, к кому мне следует обратиться в Москве по поводу организации экспедиции и другим вопросам, Мичурин добавил, еще раз пожимая мне руку:

— Действуй от моего имени!

Я вышел на крыльцо мичуринского домика. Был уже поздний вечер. На темном небе, переливаясь, ярко сияли звезды — бесконечные миры в бесконечном пространстве... Мягко скрипел под ногами снег, и, обуреваемый светлыми мыслями, я не заметил, как дошел до города.

Утром я выехал из Мичуринска. Я спешил домой, в родную Сибирь, решив по дороге все же задержаться на короткий срок в Москве, чтобы окончательно договориться об организации в этом году пионерской экспедиции на Алтай и сдать в печать свою книжку с предисловием Мичурина.

1934 ГОД: 4 ГЕКТАРА, ОДИН РАБОТНИК И ОДНА ЛОШАДЬ

В конце января, после встреч с Мичуриным, Москвы, где он познакомился по наводке самого Мичурина с профессором МГУ, ботаником Марией Павловной Нагибиной и с которой было решено организовать экспедицию на Алтай летом 1934 года, Лисавенко, полный вдохновения и сил, возвращается в Ойрот-Туру.

Ойротия встречает его плохими новостями. Оказывается, на 1934 год финансирование опорному пункту не выделили. Бухгалтер развел руками: сказал, что из Новосибирска привезли смету расходов, а пункта в ней нет. И вновь начинается война Лисавенко за опорный пункт: переписка с Мичуринским институтом, «Крестьянской газетой», походы в Ойротское ОблЗУ.

И вот тут очень кстати вышла в Москве та самая книга-брошюра «Плоды и ягоды на Север», где сам Мичурин обратился с наказом поддержать Лисавенко. Мичурин написал:

«Я передвинул далеко к северу границы произрастания таких южных растений, как виноград, абрикос, черешня, слива, ренклюд, грецкий орех и лучшие зимние сорта яблонь и груш. Этого с большим или меньшим счастьем можно достигнуть и в Сибири. Но для этого нужны талантливые,

неутомимые, верные своему делу люди. Нужны энтузиасты. К таким людям я отношу прежде всего автора этой книги М. А. Лисавенко — одного из самых серьезных селекционеров-плодоводов Сибири, отлично понимающего дело. Но Лисавенко пока один из немногих садоводов-опытников Сибири. Ему нужно дать полную возможность спокойно работать и окружить его вниманием советской общественности».

Однако даже такие громкие слова Мичурина о Лисавенко действовали не сразу. Ольга Александровна Баранова отыскала письмо Михаила Лисавенко за 17 марта 1934 года, где он пишет о своих мытарствах председателю облисполкома:

«Я прошу Вас, товарищ Председатель, прекратить издевательства и надо мною и над идеей создания Мичуринского филиала в Ойротии. Ради осуществления этой идеи я приехал сюда и, насколько хватало моих сил, боролся за нее и буду бороться дальше. Но и моим силам может быть предел в неравной борьбе с тупым, бездушным, а подчас просто враждебным отношением. Но я в то же время считаю позорным для себя, как мичуринца, бросить начатое огромное, интересное дело, не попытавшись ознакомить Вас с положением, кратко изложенным в настоящей записке. Садовод-опытник Мих. Лисавенко».

3 апреля 1934 года Лисавенко переводят наконец-то на должность заведующего опорным пунктом. В муках, но все же опорный пункт на 1934 год получил обеспечение. В мае Лисавенко выделили 32 000 рублей, из них 4 000 рублей на капиталовложения.

«Я был безмерно доволен, когда в 1934 году опорному пункту удалось обзавестись лошадью и перевезти в Татанакровский лог избу, купленную у горкомхоза за сто рублей. Только к весне 1934 года кое-как удалось добиться права занять в Татанаковском логу 4 гектара. Но в этот момент дело грозило сорваться из-за доставки саженцев. Их надо было привезти из Бийска, а ни одна городская или общественная организация не давали на это автомашины. Саженцам угрожала гибель. С большим трудом их удалось доставить ко времени посадки», — напишет Лисавенко в статье к 5-летию опорного пункта [20].

То, что Лисавенко в одиночку сделал в тот 1934 год, кажется просто фантастикой. Фактически у него была только лошадь и он сам. Нужно было вспахать землю и посадить саженцы. И не одно-два дерева, а ...1000. Вспахать весь участок сил не хватило, и часть яблонь он посадил по целине, там, где было меньше сорняков.

В архиве мы нашли опись насаждений Алтайского плодово-ягодного опорного пункта НИИ им. Мичурина. Из этого документа мы узнаем, что весной 1934 года на южном склоне было посажено 1188 (!)саженцев яблони.

Коптелов в очерке «Человек большого сердца» описывает весну 1934 года так:

«Убрал с участка камни, он вспахал первый загон земли под будущий сад. Надо было перенести из городского огорода все молодые деревца, высадить в грунт все, что росло в банках и ящиках. Садовод работал от зори до зори. Поздно вечером, а иногда и ночью в пустынном логу можно было увидеть полусогнутую фигуру утомленного человека с фонарем в руках. Он был тогда садоводом и сторожем, пахарем и плотником, конюхом и возчиком, бухгалтером и кассиром. Был он и душой нового дела. Высаживая в грунт молодые деревца яблонь, он время от времени схватывал палку и отгонял коров, посягавших на саженцы, собранные на этом клочке земли со всех уголков Сибири. Припоминая ту осень, Лисавенко говорил с усмешкой:

— Главный враг сибирского садоводства — коровы... Можно диссертацию написать о борьбе с этими вредителями...» [38].

«15 мая 1934 года на склонах Татанаконского лога появилась первая тысяча яблонь. Трудно представить ту радость, которую я испытывал в тот знаменательный день», — напишет через несколько лет Лисавенко.

Летом Лисавенко затеял на своем опорном пункте строительство теплицы. Он понимал: яблони принесут плоды еще нескоро. В теплице он планировал выращивать овощи и декоративные растения для озеленения города.

«Ойротские финотдельщики протестовали против ассигнования на работу Алтайского опорного пункта. Что же, за это их нельзя осуждать, такая их обязанность. Они скоро

убедились, что зря тратили чернила, — опорный пункт уже на другой год дал больше, чем получил. Доходу от сада, даже от наиболее скороплодной земляники, не было — она не плодоносила еще, да и мало ее было. Но мы посеяли арбузы, вырастив рассаду в земляных горшочках, и получили невиданный в Горно-Алтайске урожай арбузов, которые сюда изредка раньше завозили из Семипалатинска: 30 тонн с гектара превосходного сорта Мурашка камышинский. Семена их прислал мне знакомый опытник из самого Камышина. Это, помимо всего прочего, внушало доверие вообще к работе пункта — значит, можно надеяться, что и с садом дело выйдет».

Нашел силы Лисавенко и на общественные работы. В центре города на бывшей грязной базарной площади, которую осенью по его инициативе расчистили, были, наконец, посажены деревья. Михаил Афанасьевич разбил здесь и клумбы.

Также цветник он устроил и в Татанакском логу. Здесь он высадил выписанные из Сырецкого хозяйства г. Киева ирисы, георгины и гладиолусы.

Летом 1934 года в Ойрот-Туру прибыла пионерская экспедиция (восемь юннатов Ботанического сада из Москвы), научным руководителем которой была Мария Павловна Нагибина — ботаник Московского ботанического сада.

Сохранилась фотография Нагибиной с юннатами на Алтае. Она стоит в длинном платье и белом чепчике. Марии Павловне было 56 лет, она была увлеченным ботаником, цветоводом. Бывшая дворянка, Нагибина посещала ботанические сады Бельгии, Англии и Германии, где знакомилась с новшествами в развитии декоративного садоводства. Когда установилась советская власть, Мария Павловна оставила свое имя и пошла работать в Ботанический сад Московского университета. В 1930-е годы она сдружилась с Мичуриным и занялась изучением редких и зимостойких растений. Так она и оказалась с пионерской экспедицией на Алтае.

Вместе с Лисавенко они на лошадях отправились в путешествие по Горному Алтаю. Путь составил 500 километров до границы с Монголией. По записным книжкам Михаила Афанасьевича нам удалось восстановить точный маршрут экспеди-

ции: Ойрот-Тура — Бирюля — Бешпельтир — Асгат — Чемал — Эдиган — Ороктой — Онгудай — Иня — Кош-Агач.

С Нагибиной Лисавенко нашли много интересных растений: лук, ягодники, облепиху, курайскую плакучую иву.

Собранные за экспедицию семена были поделены между Алтайским опорным пунктом и Мичуринским питомником. Результаты экспедиции заслужили горячую похвалу Мичурина.

Мария Павловна сдружилась с Лисавенко. Сохранились его воспоминания, как уже после их путешествия по Горному Алтаю он бывал у нее в гостях в Ботаническом саду Московского университета.

«В 1935 году я привез из Ботанического сада из Москвы на Мещанской улице (старый теперь сад МГУ) при любезном содействии М. П. Нагибиной, приезжавшей до этого в 1934 году с пионерской экспедицией на Алтай, набор сортов крупноплодной земляники. Как сейчас помню — тащил на плече, одной рукой поддерживая — в другой был чемодан — бельевую корзину, из которой через край свешивались побеги-усы с молодыми розетками, а мальчишки бежали и дергали за них. Так пешком я шел от Мещанской до Казанского вокзала», — напишет Лисавенко в статье «К истории некоторых сортов».

Кстати, именно благодаря Нагибиной Михаил Лисавенко получил свою первую грамоту как садовод. Это была грамота от Московского университета «За размножение и разведение георгинов». Нагибина была восхищена георгинами на алтайском опорном пункте.

В сентябре 1934 года Лисавенко вновь едет в Мичуринск. Там организован большой праздник в честь творческого юбилея Ивана Владимировича Мичурина.

В своих воспоминаниях Лисавенко пишет:

«Радостно ехал я в сентябре 1934 года на юбилей Мичурина. Ехал, нагруженный корзинами и ящичками, — это мои друзья, любители сибирских садов, отправили со мной на выставку, приуроченную к мичуринскому юбилею, свои плоды. Моих, выращенных на Алтае, еще не было — рано! Но было что ждать. Уже весело вбежала на склоны

Татанаковского лога первая тысяча молодых яблонь. На грядках и в рассадниках нежно зеленели всходы смородины, малины, крыжовника, облепихи, ежевики и многих других растений, семена которых были собраны во время прошлогодней поездки по Алтаю, получены от Мичурина, пришли в конвертах писем от многочисленных опытников — моих корреспондентов. Фундамент мичуринской работы на Алтае был заложен. В дни юбилея в Мичуринске состоялся многолюдный съезд садоводов. Но радость была омрачена сообщением об ухудшении здоровья Ивана Владимировича. Опасались, что он не сможет принять участие в заседании в городском театре. Говорили, что в его доме установлен микрофон, на случай если он не сможет выступить лично на заседании. Но Мичурин приехал. Восторженно и вместе с тем тревожно всматривались в старческое, еще более похудевшее лицо, его последователи и ученики. В напряженной тишине они слушали речь своего учителя. Это было последнее большое выступление Мичурина...» [188]

После официального собрания в театре была организована выставка. Прошла она в бывшей церкви, которую переделали под клуб. Здесь свои плоды представили садоводы со всей России. Лисавенко отвели небольшой уголок, как он пишет, «где-то в притворе».

Лисавенко в одной из статей описывает эту выставку:

«Сам нарисовал плакаты, наклеил на них свои фотоснимки и даже выставил натуральные экспонаты, которые собрал в садах садоводов-любителей Бийска. Была создана комиссия, которая давала оценку экспонатам, главную роль играл Василий Васильевич Пашкевич. Он подходил к каждому стенду, поправляя название сортов, некоторые пробовал. За ним шел целый хвост и в том хвосте был я с пакетом, в который тщательно собирал семена из плодов, подвергнувшихся дегустации. А по приезду в Ойрот-Туру семена посеял в ящики (я жил тогда еще на Ленинской, 11), вынес под снег, весной распикировал всходы на грядки, а весной 1935 года сеянцы были высажены в Татанаковском логу» [196].

Из рапорта опорного пункта мы узнаем, что сделано было за 1934 год в Татанаковском логу. Сад осенью

1934 года увеличен, посажено 2000 яблонь и слив, 1000 кустов смородины и малины, выращено для озеленения города 15 000 корней декоративных растений. Кроме этого, высажена первая плантация земляники.

И все это силами нескольких человек — заведующего опорным пунктом Лисавенко и первых сотрудников.

Работоспособность Лисавенко поражает. Он успевает заниматься опорным пунктом и общественными делами, налаживает связи с учеными. Так, уже в мае 1935 года он опять в Москве. Там проходит сессия Совета по изучению природных ресурсов Ойротской автономной области. Значительную часть докладов сделали томские ученые, вместе с ними выступил и Лисавенко. В отчетах об итогах сессии мы находим такие строчки:

«Многие доклады на Ойротской сессии дали для академических работников весьма ценный материал, а для части присутствующих явились даже поразительной новостью. Доклад М. А. Лисавенко о работах Мичуринского опорного пункта в Ойрот-Тура показал возможность использования прекрасных видов диких ягодников (малина, смородина, крыжовник), растущих в Ойротии, с одной стороны, и полную возможность развития в Ойротии садового и овощного хозяйства».

В Москве Лисавенко времени зря не терял. Именно тогда он навестил в Ботаническом саду Марию Павловну Нагибину, взял у нее для опорного пункта усы земляники. Ходил и в разные государственные инстанции, чтобы выбить финансирование для опорного пункта. Забавную историю, демонстрирующую и характер Лисавенко, и саму эпоху 30-х годов XX века, мы нашли в советском очерке «В последний месяц». Михаил Афанасьевич долго не мог попасть на прием к одному начальнику, секретарь все отвечала: «Приходите завтра». Лисавенко не выдержал и сел под дверями кабинета, ждал почти целый день, но подловил важную персону. А тот сразу устроил допрос: «У вас же не институт, а всего лишь опорный пункт, на что вам такие деньги?!». И тут наш Лисавенко отстоял свою позицию, убедил — и дело почти было решено, оставалось

только, чтобы начальник подписал телеграмму в Ойротию, чтобы на месте понимали: наверху дали добро, и тут...

В здании объявили учебную химическую тревогу. Все сотрудники срочно надели противогазы. Важный начальник сразу смекнул: «Видите, тревога, вы приходите завтра», что означало бы: не дождался Лисавенко ни обещанной телеграммы, ни денег... И Михаил Афанасьевич без робости ответил: «Нет! Мне нужна сегодня!». Уговорил машинистку, и та (представьте себе эту картину!) в противогазе печатала с его слов телеграмму, потом в противогазе шла к начальнику, который тоже в противогазе подписал этот документ.

Сказать, что первые два года на должности заведующего опорным пунктом Лисавенко испытывал сложности — это ничего не сказать. Бесконечно ему приходилось бороться за свое детище опорный пункт садоводства.

КАК ПОЧТА МЕШАЛА САДОВОДСТВУ

В 1935 году на опорном пункте кипит работа. Из отчетов станции мы узнаем, что Михаил Афанасьевич почти каждый день ходит... на почту.

Только представьте, в начале 1935 года Лисавенко отправляет в 80 (!) населенных пунктов (как сам он пишет в отчете «От Камчатки и Мурманска до Азово-Черноморья») луковицы и семена диких алтайских луков. Всего разослано около 500 кг! Алтайским луком Лисавенко увлечен и хочет его испытать в разных климатических условиях.

Кроме этого, по договору с трестом Госзеленстрой в феврале-марте 1935 года пунктом заготовлено и отправлено почтой в Москву 118 (!) кг семян алтайской рябины для целей озеленения промышленных центров.

Ольга Александровна Баранова встречала также среди документов договоры опорного пункта с трестом «Дубитель». В Ойротии рос бадан, корни этого растения использовали для дубления кожи, а Лисавенко налаживал его поставки тресту «Дубитель». В поисках и добыче бадана участвовал один из первых сотрудников опорного пункта Кухарский, об этом тоже сохранились упоминания.

Много посылок приходило и в Ойротию к Лисавенко. В отчете за май 1935 года Лисавенко пишет о том, что почтой получены саженцы лучших сортов смородины из Ленинграда и малины из Мичуринска, черенки северо-американских слив, яблонь и других растений.

Но отношения с ойротской почтой у Лисавенко неладились. В 1935 году в «Крестьянскую газету» он напишет статью о своих почтовых мучениях. Вот этот интересный документ:

«Работа нашего ойротского опорного плодоягодного пункта во многом зависит от связи. Нам как воздух нужна хорошая связь и с опытниками, и с научными учреждениями. Пункт наш расположен в 110 км от ближайшей ж/д станции (г. Бийск). Семенной и посадочный материал нам присылают по почте. И вот скверная почтовая связь просто срывает нашу работу. Вот факты. Я долго добивался получения настоящей карликовой дикой сибирской горной яблони. Она в наших условиях должна найти широкое распространение как подвой для нежных сортов яблонь. Зимой снега совсем покрывают эту яблоню, что помогает ей переносить жестокие сибирские морозы. По моему поручению товарищ Ерыхалов из города Читы ездил в Забайкальские горы и оттуда в сентябре 1934 года отправил нам почтовыми посылками черенки этой яблони, а также особо ценные для нас забайкальские абрикосы и смородину Тараножку. Получив об этом извещение, я начал регулярно справляться в ойрот-туринском отделении связи.

— Не поступила еще, — слышал я каждый раз в ответ.

Наконец, получаю долгожданную повестку и спешу на почту.

— Уплатите за хранение, ваша посылка давно у нас лежит, — услышал я от работника посылочного отдела.

— Почему же вы ее хранили?

— Разыскать вас не могли!

— Я же сам приходил почти ежедневно!

Молчат. Адрес на посылке точный, ясный. Заплатил за хранение. Когда на станции посылки вскрыли, из них выпали сухие прутики. Мыши и крысы в отделе хранения посылок объели все корни! Так окончилась наша попытка распространить в Ойротии карликовую яблоню.

В апреле 1934 года Научно-исследовательский институт им. Мичурина нам отправил почтовой посылкой черенки

мичуринских сортов яблонь для весенней прививки. Только в июне дошла до нас эта посылка. В ней были уже высохшие в пути почерневшие прутья. На посылке была надпись: «Посевная». Так почта сорвала нам в 1934 году прививку мичуринских сортов.

Наркомзем РСФСР в апреле 1934 года из Москвы отправили посевную посылку с коллекцией селекционных семян овощных растений. И эта посылка шла к нам до июня, когда о посеве нечего было и думать. В апреле же нам отправил из Ленинграда посылку отдел новых культур Всесоюзного института растениеводства. В посылке были клубеньки чуфы — новой многообещающей для Ойротии культуры. И тоже она пришла с большим опозданием, сев был сорван.

Долго ждали мы из Боготола от садовода Ковалько ценные семена крыжовника. Он послал их особым порядком — в конвертах. Получили мы эти конверты в истерзанном виде, а семена высыпались в пути.

Скверная работа почты заставляет нас прибегнуть к пересылке черенков по железной дороге. 20 октября 1934 года нам отправили из Мичуринска черенки яблонь. Багажную квитанцию для получения груза мы отправили из Ойрот-Туры в Бийск спешным порядком, ценным письмом. Две недели шло письмо до Бийска, а тем временем наш груз, как неостребованный, был отправлен из Бийска в Барнаул для продажи.

И сейчас мы имеем ряд извещений о том, что нам давно высланы ценные черенки и луковицы. Ежедневно спрашиваемся о них в отделе связи.

— Пока вам ничего нет, — неизменно слышим в ответ.

По-черепашьи двигаются почтовые отправления и внутри Ойротии. Письмо из У. Мульты, Усть-Канского аймака, извещающее нас о высылке нам посылки с семенами алтайских ягодников, мы получили давно, а самой посылки нет до сих пор. Заведующий ойротским опорным пунктом Мих. Лисавенко» [21].

Кроме этого, через газету Лисавенко поднимает и другие вопросы. Он говорит, что необходимо культивировать семена сво-

их высокогорных трав, что позволит обеспечить отличную кормовую базу и развитие животноводства. Предлагает для разных аймаков использовать разные сорта пшеницы, чтобы увеличить урожайность. И даже выступает за организацию в Ойротии консервной фабрики для переработки плодов и овощей.

Мы видим, что директор молодого (еще даже нет двух лет с момента организации) опорного пункта — невероятно деятельный человек. Откуда только на все это берутся силы?!

ПЕРВЫЕ СОТРУДНИКИ

В 1934-1935 годах в штат Алтайского опорного пункта приняты первые сотрудники. Всего в штате за 1935 год, включая директора, шесть человек. Лисавенко сразу же начинает искать деньги и материалы, чтобы строить для работников станции домики прямо здесь, в Татанакском логу. Из отчетов и приказов по опорному пункту мы видим, что Лисавенко привлекает каменщиков и плотников, закупает камень, известь, пиломатериалы на сумму 37 000 рублей. Михаил Афанасьевич строит жилье для коллектива пункта.

Кто работал первые годы с Лисавенко? Вот эти люди, имена которых мы восстановили по отчетам, газетным публикациям, воспоминаниям ветеранов, иногда нам встречались только фамилии, иногда удавалось найти полные имена и отчества: Клавдия Сидоровна Ушакова, Сергей Павлович Зотов, Михаил Павлович Пушкин, Г. П. Прухин, А. Г. Дюков, Иннокентий Кухарский.

С декабря 1934 года Лисавенко принял на работу в опорный пункт Арефия Григорьевича Дюкова. К службе он приступил с января 1935.

Лисавенко всегда старался поддержать сотрудников, поэтому нередко зачислял в штат на месяц раньше, чем те приступали в работе, чтобы люди смогли получить, так сказать, подъемные — зарплату за лишний месяц.

С Дюковым Михаил Афанасьевич познакомился в свой первый год в Ойрот-Туре, когда его отправили копать кар-

тошку. Дело в том, что Дюков был овощеводом, работал при городском подсобном хозяйстве. Сохранились отчеты, где указано, что Дюков показывал хорошие результаты по урожаю фасоли: получал на опорном пункте 35 центнеров с га. А всего они посеяли 75 соток фасоли.

Михаил Афанасьевич понимал, что на одних яблоках и ягодах опорный пункт не удержится. Нужно развивать и овощеводство.

1 января 1935 года в газете «Красная Ойротия» он пишет:

«Ойротия должна иметь свои овощи! Нам нужен не только опыт по плодоводству, мы также еще не имеем хорошего развитого овощного хозяйства. Взять, например, Кош-Агач. Если у нас в Ойрот-Туре яблоко считают за фрукт, то в Кош-Агаче картошка имеет такую же ценность. Наши агрономы не уделяют этому вопросу достаточного внимания, ссылаются на стихию, заморозки и не проводят тех мероприятий, которые бы обеспечили действительно развитие овощеводства в горных аймаках.

По сути, Ойротия была довольно бедной областью со скудным продовольственным обеспечением, и Лисавенко очень хотел, чтобы у людей была возможность питаться свежими собственными овощами и фруктами.

Сергей Павлович Зотов жил недалеко от Лисавенко по улице Ленинской. Он работал в совхозе, но Михаил Афанасьевич предложил ему перейти на опорный пункт, и тот согласился.

Г. П. Пряхин и Михаил Павлович Пушкин приехали на опорный пункт из Бийска. Пушкин работал в Бийске пищиком, а на своем огороде проводил опыты по садоводству и весьма успешные. Лисавенко переманил его в Ойрот-Туру. А Г. П. Пряхин был одним из основателей бийской артели «Алтайская флора» [117].

Лисавенко с невероятным уважением относился к тем, кто стоял у истоков сибирского садоводства. Он не бросил в беде супругу и дочь известного минусинского садовода Ивана Прохоровича Бедро. В ноябре 1934 года Михаил Афанасьевич поехал в Минусинск на совещание по садоводству. Бедро был уже арестован по доносу, а его семья — супруга Феодосия Константиновна Харина и младшая

дочь Галина Ивановна — остались без денег и защиты. И Лисавенко предлагает им приехать на работу в только что организованный опорный пункт. Забирает их с собой и даже селит у себя дома на Ленинской, 11.

Только, конечно, не афиширует, что приехавшие в Ойрот-Туру — родственники арестованного садовода. Спасает то, что у супруги другая фамилия — она по документам Харина.

В начале 1935 году на опорный пункт приезжает работать Иннокентий Арсентьевич Кухарский. С ним Лисавенко, скорее всего, познакомился в Новосибирске, так как Кухарский работал агрономом новосибирского плодового совхоза. Лисавенко переманил Иннокентия Арсентьевича переехать в Ойротию на должность старшего научного сотрудника опорного пункта.

Кухарскому 31 год, он родом из Иркутской области, в 1929 году окончил агрономический факультет Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства в городе Омске. Он очень талантливый и увлеченный садоводством человек. В Ойрот-Туру приехал с супругой и тремя сыновьями. Лисавенко писал о Кухарском так:

«Он прибыл к нам с солидным багажом, состоящим из живых растений и семян, собранных и на островах реки Оби, и в Горной Шории, и в Кузнецком Алатау. Работая на опорном пункте, Кухарский неустанно продолжал поиски интересных для селекционной работы растений. Научные работники, агрономы, лесники, опытники — его многочисленные корреспонденты — присылали ему со всех концов страны семена разнообразных форм яблони, груши, рябины, боярышника, различных ягодников, известных и неизвестных в культуре. Его интересовало все, но он не был дилетантом, разбрасывающимся на разные культуры. Нет, это был серьезный целеустремленный научный сотрудник, пытливый исследователь, человек неистощимой энергии и неукротимой страсти к растительному миру. Можно было только поражаться его неумимости. Если он не был где-нибудь на экскурсии, то его с раннего утра до ночи можно было встретить в саду. Я запомнил только один день, который Кухарский решил сделать в полном смысле днем отдыха от своей повседневной

И. А. Кухарский. 1930-е гг.

работы. А потом длительное время сожалел, что «зря потратил целый день». Это был настоящий охотник за растениями, энтузиаст. Идущий, не задумываясь, на любой риск ради своей цели.

Однажды поздней осенью мы обследовали с ним берег Катуня — бурной горной реки с ледяной водой даже в самый жаркий летний день. На противоположном берегу Кухарский заметил куст с окрасившейся уже листвой, он был похож на ягодный кустарник, но какой — рассмотреть за дальностью расстояния было невозможно. Мигом Кухарский сбросил одежду и бросился в ледяную воду. Спустя некоторое время он вернулся разочарованным: куст оказался сибирским барбарисом, который уже был в нашей коллекции.

Среди огромного разнообразия растений, интересовавших Кухарского, все же самой любимой у него была смородина. Достаточно сказать, что с его участием путем экспедиционных сборов и обширной переписки с опытниками и ботаническими учреждениями на опорном пункте было выращено около 100 тысяч сеянцев смородины из 400 географических точек. Но дожидаться результатов проведенной работы Иннокентию Арсентьевичу не удалось, он пал жертвой необоснованных репрессий...» [110].

Лисавенко вспоминает о Кухарском с невероятной теплотой и даже каким-то раскаяньем. Эта статья вышла только в 1964 году, а во всех других публикациях с 1937 года имя Кухарского стерто из истории опорного пункта.

Защитить талантливого самоотверженного ученого, как и многих других, Лисавенко не удалось. Сам Михаил Афанасьевич чудом избежит репрессий и гонений. Но пока всем

им кажется, что это сейчас, в 1935 году, тяжело, но вот год-два пройдет — и жизнь наладится. Настанут на опорном пункте радостные дни — зацветут яблони...

1936 ГОД. ПЕРВЫЙ ЗВОНОЧЕК

Летом 1936 года в Ойрот-Туре громкое событие — большая конференция, посвященная изучению Ойротской области. Главные гости: академик и геолог Владимир Обручев и академик и ботаник Николай Вавилов. Также среди выступающих — томские ученые, издавна изучающие Алтай: профессор И. А. Молчанов, геологи В. А. Кузнецов и К. С. Филатов. Они сообщили о результатах разведки и новых находках ртутных месторождений возле Акташа, Курая, Чаган-Узуна. Кроме того, были доклады, посвященные почвенным, ботаническим исследованиям, которые предлагали кардинальное решение вопросов сельскохозяйственного освоения региона, развития таких отраслей сельского хозяйства как животноводство, в том числе очень перспективное мараловодство, растениеводство, горное и высокогорное пчеловодство. Всего было заслушано 26 докладов. Выступал и Михаил Лисавенко. В материале об этой конференции в «Красной Ойротии» мы нашли такое упоминание:

«М. А. Лисавенко в своем докладе сообщил о блестящих итогах и широких перспективах работы Мичуринского плодово-ягодного пункта».

Сохранились сведения и фотодокументы, что после трехдневной конференции академик Вавилов отправился к Лисавенко на опорный пункт, провел там целый день — с утра до позднего вечера. Так увлекли его наработки по северному садоводству Михаила Афанасьевича.

Лисавенко было что показать академику. Из отчетов о работе опорного пункта за 1936 год мы видим удивительные темпы работы. Вот данные из отчета:

«Считаем необходимым отметить быстрые темпы, успешность развертывания работ, несмотря на недавность организации, недостаточность кадров (всего два научных

Слева направо: Н. И. Вавилов, М. А. Лисавенко, Н. И. Давидович. Вторая половина 1930-х гг.

работника, включая заведующего опорным пунктом) и слабое финансирование. Пунктом проделана серьезная работа по обследованию плодовых растений Алтая и стягиванию ценных форм. Пунктом собрано 776 образцов ягодных растений, в том числе 327 образцов смородины. Широко мобилизованы также ресурсы культурного сортоизучения. На пункте стянуто свыше 800 образцов плодово-ягодных растений, в том числе 140 сортов смородины, 397 сортов яблони, 31 сорт груши, 39 сортов сливы, 58 сортов крыжовника, 12 сортов винограда, 40 сортов малины и 43 сорта земляники. На основе первичного сортоизучения начата закладка участков сортоиспытания клубники, яблони, сливы. Развернуты заметные селекционные работы (высеяно 67 образцов яблонь, 7 образцов груш, 42 образца сливы, 44 образца вишни, 35 образцов крыжовника.

Пунктом организована работа по репродукции. В питомнике пункта имеется к отпуску 11 560 шт. яблонь, закультивировано в 1936 году 42 000 дичков яблони и 1125 шт. груши (в том числе 6 000 глазков мичуринскими сортами)» [194].

Даже в наше время, используя самую мощную технику и другие ресурсы, повторить то, что проделал Лисавенко всего за два года, вряд ли кому удастся.

Н. И. Вавилов тоже был приятно поражен успехами Лисавенко. Возможно, и его рекомендации повлияли на то, что опорный пункт был утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, которая была намечена на август 1937 года в Москве.

Вот мы и подошли к тому эпизоду, с которого началась наша книга. На календаре — 1936 год. Лисавенко только переехал с Ленинской, 11 в свой новый дом с черепичной красной крышей в Татанакновском логу. К нему из Бийска, наконец, перебралась и Евдокия Спиридовна с отцом Спиридоном Степановичем и сыном Сашей. Она — прекрасная хозяйка, и Лисавенко не нарадуется, что быт его, после стольких лет скитаний, наконец устроен.

В светлой комнате за широким письменным столом с резными ножками (подарок отца), в возрасте 39 лет Лисавенко пишет свою автобиографию, которая заканчивается планами на 1937 год. Вот те последние два листа, после которых он поставит точку и...

«В 1936 стахановском году наш пункт неизмеримо вырос по сравнению с предыдущими годами. Земельная площадь пункта доведена до 150 га, из них 25 га в этом году было занято саженцами и сеянцами, исчисляемых уже десятками и сотнями тысяч, количество сортов, стянутых нами для работы, достигло 800.

Удачно проведена гибридизация яблони и ягодников. Заокулировано в питомнике 42 000 яблонь, из них 15,5 тыс. мичуринскими сортами для сланцевой формы. Бюджет пункта превысил 130 000 рублей. Бригада Мичуринского института, обследовавшая пункт в 1936 году (Метлицкий и Пискарев), в своем заключении о нашей работе указала, что Алтайский пункт имеет республиканское значение.

Ряд ученых, в том числе академик Николай Вавилов, побывали на нашем пункте и также вынесли положительное заключение об его работе. Одобрив нашу работу и посетившие летом 1936 года руководящие сотрудники Западно-Сибирского края — председатель Крайисполкома товарищ Грядинский, второй секретарь Крайкома товарищ Сергеев, председатель комиссии Сов. контроля товарищ Розит.

Часто бывают на нашем пункте руководящие работники областей, которые оказывают нам неизменную поддержку. Пункт наш — место бесчисленных экскурсий города, коллективов, школьников, и это является лучшей агитацией

*Евдокия Спиридоновна, вторая
супруга М.А. Лисавенко.
Начало 1930-х гг.*

за сады в Ойротии. Особенно отрадно отметить то, что в 1936 году началась закладка коллективных садов — весной были посажены первые 12 га. В 1937 году мы надеемся обеспечить их своим посадочным материалом.

На краевой выставке по садоводству (в Новосибирске) Алтайский пункт награжден грамотой КрайЗу и выдвинут кандидатом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку 1937 года. Лично я за свою работу по садоводству был несколько раз премирован.

Несомненно, что в 1937 году работа на нашем пункте развернется более глубоко — плодотворно, чем когда-либо. Мы чувствуем себя настолько уверенными и сильными, что вызвали на социалистическое соревнование Красноярскую зональную плодово-ягодную станцию. Правда, научная вооруженность нашего пункта пока еще слаба. Мы не располагаем ни лабораторией, ни самым низким лабораторным оборудованием, но надеюсь, что в 1937 году этот пробел будет изжит.

Невольно, начав говорить о себе, я перешел к работе Алтайского опорного пункта. Это потому, что моя жизнь и работа тесно связана с его жизнью и ростом, который является и моим ростом, как опытника-мичуринца.

Оглядываясь назад, вплоть до воспоминаний далеко не радостного детства, я могу сказать, что садоводство для меня является своего рода творческим признанием. В детстве я никогда не видел плодового сада — коренной сибиряк (прадед — ссыльный крепостной из Воронежской губернии), я не имел понятия о плодовом дереве и тем не менее любимым моим чтением в детстве была неведомым образом откуда попавшая ко мне старинная книжка без-

ыменного автора «Плодовый сад», начинавшаяся пышным эпиграфом из библии. Эту книжку я читал и перечитывал бесконечное число раз, очевидно, она мне казалась какой-то упоительной сказкой. Эта книжка и сейчас занимает почетное место в моей библиотеке. Любимым моим занятием, в детстве было сеять и выращивать» [187].

ЖИВАЯ КАРТИНА: ВЕЩИЙ СОН

— Миша, ты все еще пишешь? — дверь в комнату осторожно приоткрылась. — Кухарский с Тоней пришли, пойдем ужинать.

— И что, сам Иннокентий Арсеньевич пожаловал? Как же это он оторвался от рассадинок с земляницей! Евдокия, не подменили ли нашего друга?! — усмехнулся Лисавенко и, отложив бумаги, встал из-за письменного стола.

— Я все слышу, Михаил Афанасьевич, — дверь резко, словно ветром, распахнуло, и в комнате появился худощавый высокий мужчина. Из-за массивных выпирающих бровей его лицо всегда казалось озадаченным. Впрочем, так и было. Иннокентий Кухарский не мог сидеть без дела. В работе по садоводству он был ненасытным. Мог до самой ночи что-то высаживать, копать, опрыскать или даже взять и пешком отправиться в экспедицию до Чемала — почти 300 км в одну сторону — и не бояться ни зверя, ни тайги, ни холодных горных ночей.

Лисавенко радовался, что нашел такого единомышленника: смелого, не робеющего перед начальством и высокими чинами. В декабре 1935 года Михаил Афанасьевич написал в «Красную Ойротию» жалобу на управление землеустройства Ойротии за то, что те еще летом собрали с людей деньги на дрова и сено, а сами пропали. Уже декабрь на дворе, топить печки нечем, а руководство ОблЗУ только обещает разобраться в ситуации. Таких недовольных, оставшихся без дров в зиму, было много, но письмо подписали только два человека: Лисавенко и Кухарский.

— Держи, Афанасьевич, — Кухарский протянул Лисавенко свернутые в трубочку бумаги. — Я же не без дела к тебе зашел — вот, держи на прочтение. Написал про смородину, малину, как ты просил, добавил про стратификацию семян.

— Хорошее дело, Иннокентий, без книги нам с тобой никуда.

В комнате вновь появилась Евдокия Спиридоновна.

— Останетесь без пирога!

Лисавенко положил сверток с бумагами на стол и, по-директорски махнув рукой в сторону кухни, громко сказал:

— Идемте к пирогу!

В комнате стоял чудесный аромат свежей выпечки. Евдокия Спиридоновна была прирожденной хозяйкой, любила встречать гостей. Только какие там гости, когда все на опорном пункте работали с утра до ночи. Она и сама теперь трудилась на питомнике.

— Прекрасно вы готовите, Евдокия Спиридоновна! Я такого вкусного пирога никогда не пробовал, — расхваливал хозяйку Иннокентий.

Его супруга, Антонина Николаевна, скромная женщина (хоть и имела, как и муж, диплом Омского сельскохозяйственного института), тоже добавила:

— И начинка, и тесто... Да что говорить, золотые руки!

Евдокия застеснялась, вновь засуетилась с чайником. А за столом созрел разговор о садоводстве.

Лисавенко сообщает новость:

— Получил письмо от Тихонова, ему утвердили степень кандидата сельскохозяйственных наук. Обещает, что уже будущим летом с супругой переберутся к нам на опорный пункт. Добавится у нас научных сотрудников. Пишет, что у них там, на Дальнем Востоке, вовсю «пахнет войной».

— Пусть возьмет с собой свои гибриды уссурийской сливы, да и груши, нам бы пригодились, — замечает Иннокентий.

— Да уж, сливу он мне уже года три как обещает, — усмехнулся Лисавенко

Иннокентий тоже улыбается:

— Я же перед тем как прийти к тебе, Афанасьевич, заходил к деду Акишинскому, сибирскую ягодную яблоню его проводывал. Говорю ему: «Опылили мы твою яблоню пыльцой из самого Мичуринска, как вызреют яблочки, соберем семена, посадим и будем звать дерево «Акишинская яблоня». А он — в штыки: «Еще чего навывдумывал! То тряпки повесил на ветки, то фамилию мою приписываешь. А дерево-то не в ограде растет, а у забора, считай, не моя яблоня, а общественная». Боится, что кто-то пожалуется на него за присвоение.

Женщины за столом переглянулись. Евдокия не вытерпела:

— А, может, и правильно, что боится. Вон в Бийске что было.

Лисавенко мягко улыбнулся:

— Было и прошло.

Иннокентий вопросительно посмотрел на начальника:

— Что там, в «Алтайской флоре» чего случилось?

Лисавенко махнул рукой:

— А... Ездил я в Бийск недавно, выступал на курсах председателей сельсоветов. И вот начал было рассказ о яблоне Полькина. Ну как это крестьянин Полькин из Быстро-Истока выращивал у себя плодовые деревья. В пример его привел как народного селекционера. И тут один из участников как вскочит из-за стола, да как заорет: «Мы твоего Полькина раскулачивали, а ты его пропагандируешь! Кто ты такой? Откуда взялся?». Кое-как его успокоили. Неприятный случай, но было и прошло. Что ты, Евдокия Спиридоновна, загрустила-то? Лучше подливай нам чаю.

Гости не засиделись. Утром нужно было всем рано вставать. Но Лисавенко долго не ложился спать. Прочитал записки, что принес Кухарский по смородине и малине. Рукопись ему понравилась. Потом еще раз прочитал автобиографию, понял, что погорячился. Зачем написал в конце про библию? Кто же такое напечатает! Но как-то это само вырвалось на бумагу. Видимо, соскучился по матери, по ее постоянным молитвам. Как они там, в Бийске? Надо утром им написать. Может, устройюся

получше и их сюда перевезу. Вот Евдокия же с отцом переехали. Купим им избу. А как тогда без родителей останется сестра? Кто ей будет помогать с дочерьми? Как хорошо, когда есть дети.... Перепишу о себе начистовую и подсокращу. Отправляю без библии.

В комнату зашла Евдокия:

— Ты, Миша, сначала разучился отдыхать, а теперь уже разучился и спать.

Он, как всегда мягко, улыбнулся:

— Зимой отосплюсь, сад уснет — и я.

Супруга покачала головой и пошла спать.

Лисавенко уже давно мучила бессонница. Привязалась же эта «бодрая зараза» и все не могла от него отлепиться. Вроде и хорошо, что ночами может писать, да только все равно это мучение какое-то. Хотя разве ему привыкать? Вся жизнь — мучения.

Лисавенко вышел на улицу, сел на порог и закурил. Небо здесь, в предгорьях, было удивительно щедрым на звезды. Он долго сидел на улице пока окончательно не продрог. Решил было пойти вновь взяться за тексты, но в теплой комнате его, наконец, потянуло ко сну, и он с облегчением побрел в кровать.

Во сне он увидел застолье. Словно непутевая машинистка перепечатала минувший ужин и навставляла в него отсебятины. Вот тот же стол, Кухарский, а потом вдруг стол стал больше и за ним — толпа народу, словно какое-то совещание, и вроде как с трибуны вещает сам Роберт Индрикович Эйхе. Получается не застолье, а собрание по садоводству. Действительно, вот сидят братья Крутовские. Сколько лет он их не видел. Нужно подойти поздороваться, но его отвлекают незнакомые люди. Потом начинаются какие-то песни. И вдруг за столом художник Чорос-Гуркин. Лисавенко пытается подойти поблагодарить его за картину «Цветущие яблоны» для Мичуринского института. Но к художнику не пробраться, рядом с ним какие-то важные шишки из полتبюро. Людей становится еще больше, и стол напоми-

нает ему уже то ли свадьбу, то ли поминки. В зале нет почему-то женщин. За столом сидят только мужчины, но никто почему-то не пьет. И вот он снова видит знакомые лица. Кухарский что-то рассказывает агроному из Чема-ла Адама Лейтану, сто лет не видел этого Адама, и тут он вдруг за столом. Неужели опять Кухарский собрался в экспедицию на Чемал? И Дюков рядом с ними. И вдруг за столом — его отец. Он пытается его окликнуть, но шумно и отец его не слышит. Когда же он успел приехать в Ойрот-Туру? Народу все прибавляется, и в комнате становится душно, как в бане.

И тут Лисавенко проснулся...

СТРАШНЫЕ ГОДЫ

Все, кого мы упомянули во сне: отец Лисавенко, Кухарский, Дюков, Крутовские, Чорос-Гуркин, Эйхе и многие-многие другие — в те мрачные 1937-1938 годы пали жертвами репрессий. Показательные чистки в Ойротии проходили, наверное, и раньше, но для опорного пункта черной датой стал август 1937 года, когда забрали первого человека с пункта — заместителя Лисавенко 33-летнего Иннокентия Кухарского. Приехали за ним ночью к дому на машине. В чем обвинили молодого научного сотрудника, спустя много лет рассказал на Ученом совете уже Алтайской зональной опытной станции в Барнауле сам Лисавенко. Забрали Кухарского по доносу студента-практиканта Омского сельскохозяйственного института. С этим студентом Иннокентий Арсеньевич пошел к Телецкому озеру собирать ягоды дикой облепихи. Они дошли до заповедника по Чельшману. Возможно, в дороге он сказал что-то лишнее, острое, а студент углядел в этом контрреволюционный настрой и поспешил сообщить куда нужно. Газеты того времени постоянно призывали быть бдительными и не проглядеть врага, что притаился рядом. В доносе практикант написал, что якобы Кухарский переходил границу и фотографировал.

Кухарский был расстрелян в ноябре 1937 года, но семье сказали, что он осужден и отбывает срок. И супруга Иннокентия Арсеньевича десять лет ждала от него весточки и пыталась найти его след.

Под репрессии попал и знаменитый художник Чорос-Гуркин... Да многие попали...

Лисавенко чудом избежал ареста... После того как забрали Кухарского и многих других, Лисавенко потерял сон. Он постоянно ждал, что за ним ночью придут. Говорят, что предупредила Михаила Афанасьевича работница, сказала ему: «Придут ночью — одевайтесь теплее». Лисавенко ждать не стал, на станции была лошадь, и он со своим извозчиком рванул в Бийск. Но и в Бийске находиться было опасно, и он поехал в Барнаул. Жил несколько недель по постоянным дворам и съемным квартирам. Потом, в декабре 1938 года, вернулся на станцию всего на несколько дней. В Ойрот-Туре он, видимо, сумел собрать какие-то деньги на билет на поезд и уехал в Москву. В столице он пишет книгу «Сибирский сад», которую напечатало издательство Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. На деньги от книги он перебивается в Москве.

В феврале 1938 года в Бийске арестовали отца Михаила Афанасьевича, в марте приговорили к высшей мере наказания. Эта трагедия больно ударила по всей семье. Что пережил Лисавенко, мы никогда не узнаем. Но какой это был ужас, говорит даже то, что после того как увели из дома отца, отнялись ноги у мужа Марии. И он до самой смерти был неходячим.

Лисавенко вернулся в Ойрот-Туру в мае 1939 года, после того как Николай Тихонов, который теперь занял должность исполняющего обязанности заведующего опорного пункта, аккуратно написал ему: «Приезжай, здесь спокойно».

Из написанной в 1936 году автобиографии Лисавенко действительно убрал слова про библию, но черновик остался в его документах — сейчас эти 15 рукописных листов находятся в личном деле Михаила Афанасьевича Лисавенко в Государственном архиве Алтайского края.

ДЕПУТАТ БЕЗ ПАРТИИ

После репрессий 1937 и 1938 годов 1939-й и 1940-й казались годами относительного спокойствия. Опорный пункт добивается новых рекордов по саженцам и сортоизучению, коллектив увеличивается, появляется много молодых сотрудников — это специалисты, которые только окончили сельскохозяйственные институты или техникумы и, загоревшись идеями Мичурина, приехали на Алтай.

Активно включились в работу прибывшие на Алтай с Дальнего Востока супруги Николай Николаевич Тихонов и Зинаида Ивановна Лучник.

Николай Николаевич Тихонов родился в Орловской области, после окончания школы в 1921 году поступил в сельскохозяйственный институт в городе Курске, где проучился два года. А затем написал письмо Ивану Владимировичу Мичурину, в котором попросился к нему на практику. Мичурин ответил, что принять начинающего специалиста может, но только в качестве рабочего. Тихонов согласился; бросил институт и четыре года трудился у Мичурина сначала рабочим, а потом — младшим научным сотрудником. В 1927 году с хорошей характеристикой от Мичурина он поехал на Дальний Восток, где организовал Суйфуно-Уссурийскую плодово-ягодную опытную станцию. Тихонов занимался селекцией сливы, груши и винограда, принимал участие в многочисленных экспедициях от Владивостока до Благовещенска, где изучал местные плодово-ягодные растения и собирал уникальный материал для гибридизации. Когда в 1937 году по приглашению Лисавенко он перебрался на Алтай, здесь уже растут его лучшие растения, которые он посылал на опорный пункт Ойрот-Туры.

После черной полосы репрессий, в которую попал Иннокентий Арсеньевич Кухарский, Тихонов, имеющий степень кандидата наук, был назначен Лисавенко замом по науке опорного пункта.

Супруга Тихонова — Зинаида Ивановна Лучник — родилась в городе Спасске Приморского края в семье учителя. Когда ей было пять лет, в их доме несколько дней

гостила известный ботаник Евгения Николаевна Клобукова-Алисова (много лет работала в гербарии Ботанического сада в Санкт-Петербурге, затем отправилась в экспедицию на Дальний Восток). Маленькую Зину так увлекла работа с растениями, что она загорелась мечтой в дальнейшем тоже стать ботаником. Окончив среднюю школу, Зинаида Ивановна в 1927 году поступила на агрономический факультет Дальневосточного государственного университета во Владивостоке. После окончания университета она участвовала в землеустроительной экспедиции на Камчатке, затем в течение семи лет работала в качестве ботаника Горнотажной станции Академии наук в Приморском крае. На Алтае Зинаида Ивановна приступила к сортоизучению редких растений, занималась введением в культуру дикорастущих декоративных растений: от цветов до деревьев.

Также на опорном пункте в это время работала после окончания Омского сельскохозяйственного института Надежда Ивановна Кравцева, сохранились ее воспоминания, которые в этой главе мы часто будем цитировать. Первый раз она попала на опорный пункт еще в 1937 году: проходила производственную практику от вуза. После окончания института сразу переехала на Алтай. У Надежды Ивановны сложилась непростая судьба. Ее отец был выходцем из крестьян, но выучился и стал известным горным инженером и предпринимателем. В 1903 году он получил разрешение на строительство в Омске первой городской телефонной линии общественного пользования. В начале 1912 года отец умер от аппендицита. Надя родилась в октябре того же года и стала двенадцатым ребенком в семье. Городской телефонной сетью стала заведовать мать Надежды Ивановны — Софья Филипповна Кравцева. Но когда пришла советская власть, телефонную сеть национализировали. Семья боялась гонений и репрессий, дети разъехались кто куда. Большую семью Кравцевых выгнали на улицу, отобрав двухэтажный дом, а мать с двумя старшими сыновьями 15-ти и 17-ти лет посадили в тюрьму. В мае 1920 года по амнистии их выпустили, а Софью Филипповну взяли на работу паспортисткой. Дети ютились по углам. Старшая сестра 23-х лет умерла от туберкулеза, потери продолжались и дальше. Надежда Ивановна хорошо училась,

работала лаборантом. После окончания Омского вуза Надежда Ивановна устроилась на опорный пункт к Лисавенко и вскоре перевезла на Алтай мать.

Вместе с Кравцевой после окончания Омского сельхозинститута на опорный пункт приехала ее сокурсница — Мария Алексеевна Сизимова, ее все называли Мурой.

Также из молодежи на станции работали В. А. Сироткина и А. С. Толмачева — они были выпускницами Мичуринского института.

В 1939 и 1940 годах Алтайский опорный пункт плодоводства становится участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Попасть на выставку было непросто: комиссия отбирала лучших — тех, кто добивался самых высоких показателей в сельском хозяйстве и плодоводстве за последние три года. Нужно сказать, что еще в 1938 году, когда Михаил Афанасьевич пересаживал в Москве смутный период репрессий и работал над книгой «Сибирский сад», он общался в столице с Петром Генриховичем Шиттом — заведующим кафедрой плодоводства Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Шитт (с 1935 по 1939 годы) был назначен главным консультантом отдела плодоводства на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке и ответственным руководителем по организации и агротехнике модельного плодового сада выставки, где должны были быть представлены все основные породы и сорта плодовых и ягодных культур страны. Сохранилось письмо Лисавенко к Петру Генриховичу, где Михаил Афанасьевич советует ему, как лучше украсить выставку, и предлагает попросить для открытой экспозиции у Иссилькульского питомника Омской области сибирскую яблоню. Также специально для выставки Лисавенко написал подробные рекомендации для экскурсоводов, чтобы они смогли как можно больше рассказать интересной информации о плодовых деревьях и ягодниках посетителям выставки (известно, что на ВСХВ было более 2000 экскурсоводов, большинство их них — это студенты Тимирязевской академии). То есть Михаил Афанасьевич еще до выставки был в курсе связанных с ней событий и даже помогал оргкомитету.

В 1939 году Лисавенко вместе со своим замом Тихоновым и его супругой Лучник отправились в Москву представлять результаты своих трудов. Интересно, что работы Алтайского опорного пункта разместили на одном стенде с работами известного красноярского садовода Алексея Ивановича Олониченко, который был наставником Михаила Афанасьевича на пути к садоводству. Теперь же они стояли в одном ряду. Даже в книге «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка» 1939 года есть такое упоминание:

«На этом же стенде показаны работы сибирских мичуринцев М. А. Лисавенко, А. И. Олониченко и Н. Н. Тихонова. Центральная часть павильона отведена для показа натуральных экспонатов — свежих плодов, ягод и продуктов переработки. Здесь посетитель видит все вновь выведенные сорта, а также ценные сорта плодов и ягод».

Выставка стала масштабным событием для всей страны. Она развернулась на территории более 130 гектаров. На этой площади разместились свыше 230 строений и павильонов. Причем рядом с павильонами был настоящий живой сад, чтобы показать не просто урожай в корзинках, но и сами деревья и кустарники. В день открытия выставки, говоря современным языком, состоялось невиданное ранее шоу: в небо запустили тысячи воздушных шаров в форме яблок, арбузов, помидоров, а также белые шары с золотыми колосьями пшеницы — все это, по задумке режиссеров, должно было символизировать, что не только советская земля, но и советское небо может быть плодородным и богатым на урожай. Выставка работала 86 дней (с 1 августа по 25 октября). За это время ее посетили более 5 миллионов человек, в среднем по 60 тысяч в день.

Интересен репортаж из советской газеты об этой выставке, который приводит О. Никологорская в книге, посвященной В. Олтаржевскому (Вячеслав Олтаржевский в 1935–1938 годах был главным архитектором Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. — Прим. автора):

«Посетители подходят к дереву, на котором одновременно растут яблоко и груша. Поодаль зреют, наливаются соками невиданные плоды: помесь персика с миндалем,

абрикоса со сливой, черемухи с вишней, крыжовника со смородиной. Перед экскурсантами помидоры, такие большие, что их и шапкой не накроешь, и огурец, который не съешь в один присест. Больше тридцати килограммов весит арбуз под названием «Чугунный король» (Никологорская, О. А. Олтаржевский [Текст] / Никологорская О. А. — Москва : Молодая гвардия : Благотворительный фонд поддержки чеченской лит., 2013. — 221 с.).

В гуще этих сельскохозяйственных чудес был Лисавенко. Зная его увлеченную натуру и страсть к садоводству, можно представить, сколько интересных встреч он провел с такими же энтузиастами плодоводства. Ольга Александровна Баранова вспоминает любопытный факт: Михаил Афанасьевич отправился на выставку не с пустыми руками, он приготовил с сотрудниками опорного пункта 10 000 пакетиков с семенами сибирских ягодников (смородины, крыжовника) и раздавал их посетителям.

Нужно понимать, что Всесоюзная сельскохозяйственная выставка сразу планировалась как ежегодное мероприятие, поэтому и предполагала такие большие постройки и посадки. Уже осенью 1939 года опорный пункт направил поездом в Москву деревья, кустарники, цветы — их высадили, чтобы к лету 1940 года алтайские садоводы вновь приняли участие в показе. Михаил Афанасьевич в газете «Красная Ойротия» 7 ноября 1940 года пишет:

«Алтайский опорный пункт плодоводства в 1940 году вновь стал одним из многочисленных участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Наши достижения демонстрировались широким показом в павильоне «Садоводство» и на открытых участках выставки. В мичуринском саду выставки обильно плодоносили живые экспонаты опорного пункта — яблони и ягодные кустарники. Пять работников нашего пункта являлись персональными участниками выставки.

В этом году в Москву вновь направлено 32 экземпляра ягодников для посадки в мичуринском саду и 3 000 многолетних флоксов, которые будут украшать аллеи выставки в будущем 1941 году» [58].

Михаил Афанасьевич, правда, скромно умолчал, что со Всесоюзной выставки 1940 года он приехал с наградой: ему вручили Большую серебряную медаль ВСХВ.

Но в газете он рассказывает не о себе, а об успехах опорного пункта за 1940 год:

«Обильный урожай плодов и ягод собран в этом году в саду опорного пункта. Рекордные сборы дали такие сорта яблонь-ранеток как Багрянка Кащенко — 54 центнера с гектара, Таежное Мичурина — 67 центнеров, Ранет пурпурный — 127 центнеров. Всего в этом году собрано плодов с яблонь 225 центнеров, вишни — 3 центнера и ягод — 184,5 центнера. Также за лето и осень мы реализовали свыше 300 000 саженцев, из них более 16 000 привитых яблонь, 2 254 груши, 2 668 слив и сливо-вишневых гибридов, свыше 100 000 корней малины, 445 корней винограда» [72].

Фамилия Лисавенко, который еще два года назад был вынужден прятаться в Москве, вновь не сходит со страниц местных газет. О нем пишут как о передовике, последователе Мичурина. Напомним, что с 1934 года Михаил Афанасьевич избирается депутатом городского Совета Ойрот-Туры, а в декабре 1940 года он становится членом участковой комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР. В одной из публикаций 1940 года Михаил Афанасьевич говорит:

«Для меня стало ясным — депутат должен быть передовиком на своем производстве. Депутат должен быть примером для массы. Тем более ответственна роль депутата, если он является руководителем учреждения или предприятия. Оправдал ли я в этом отношении доверие моих избирателей? Этот вопрос я задавал себе не раз в течение года и склонен был ответить на него утвердительно» [58].

Да, Лисавенко стал депутатом ойротского горсовета, но при этом оставался беспартийным. Наверняка в те годы это казалось чем-то невероятным, ведь почти все руководители должны были представлять правящую партию. Но в этом был парадокс того времени: с одной стороны, Лисавенко считался для правящей партии лидером, передовиком, с другой стороны, оставался сыном «врага народа». Харак-

теристика (причем, очень положительная, с перечислением многочисленных заслуг) на Лисавенко, составленная председателем Ойротского областного исполнительного комитета в 1943 году, начинается с таких строк:

«Товарищ Лисавенко Михаил Афанасьевич 1897 года рождения, беспартийный. Происходит из семьи крупного кулака-торговца. Отец в 1938 году арестован органами НКВД». В партию Лисавенко вступит только в 1959 году, после того как пришел документ о том, что 24 июня 1958 года его отца реабилитировали «за отсутствием состава преступления»...

Остаться беспартийным и занимать руководящую должность Лисавенко сумел только благодаря своим грандиозным успехам в плодоводстве. Опорный пункт с каждым годом увеличивал показатели. Вот данные из отчета 1940 года:

«Урожай плодов и ягод в саду опорного пункта в этом году был собран в количестве 408 центнеров — это больше чем в любом саду Алтайского края. Эта цифра почти в два раза больше, чем мы собрали в 1939 году, и в четыре раза больше, чем в 1938 году».

В 1940 году на торжественном собрании коллектива опорного пункта Михаилу Афанасьевичу Лисавенко вручили медаль Передовика социалистического сельского хозяйства.

ЖИВАЯ КАРТИНА: КРАСНОАРМЕЕЦ

Из Москвы со Всесоюзной сельскохозяйственной выставки Михаил Афанасьевич и его заместитель Николай Николаевич приехали поездом. Из Бийска их подбросили на машине. Лисавенко, подшучивая над собой и товарищем, приговаривал: «Да, нагрузились, Николай, мы с тобой как два осла». Привезли из Москвы они, и правда, много всего: в тюках были, как всегда, сеянцы, семена и среди этого добра — только небольшая сумка с гостинцами. Евдокия сразу наказала мужу: «Миша, ничего мне не вези. Разве что книжку какую-нибудь хорошую, а Шуре ботинки». С новыми ботинками для пасынка Миха-

ил припозднился, выставка шла как раз в дни выпускных в ойротских школах. Так что на последний звонок десяти того класса Шура — высоченный бравый паренек с 44-м размером ноги — пошел в старых башмаках.

— Дядя Миша! Наконец приехали! Дай я тебе помогу. Шура как раз встретился им на подходе к опорному пункту.

Обнялись. По дороге к дому обменялись новостями.

— Как там Москва?

— Хороша Москва! Столько народу на выставке было, такой душевный подъем! Дома как? Дед? Мать?

— Тоже хорошо, только мама...

Шура, копируя манеру Михаила Афанасьевича, деликатно замялся и многозначительно выдохнул.

Лисавенко остановился.

— Что случилось?

— В том и дело, что еще ничего не случилось, а она уже слезы льет. А надо радоваться. Может, сын будет героем.

— Какой сын?

Шура скромно отвел глаза.

— Ну, я, получается... В школе нам сказали, что все, кто родился в первой половине 1922 года, в списках призывников в Рабоче-крестьянскую Красную армию. Призыв начнется осенью, будет праздник и концерт.

Лисавенко посмотрел на Тихонова. Тот тоже растерялся и суматошно принялся поздравлять Шуру, словно они стоят на каком-то партийном собрании:

— Священный долг! На тебя смотрит весь наш народ! Ты крепок морально, физически и политически, и тебе будет доверено важное дело...

Так они дошли до дома Лисавенко. попрощались с Тихоновым и молчком зашли в сени. В доме вкусно пахло горячим хлебом. Евдокия Спиридоновна, не подавая виду, принялась накрывать на стол. Михаил Афанасьевич достал из тюка бумажный сверток с новыми ботинками:

— Шура, примерь!

— Дядя Миша! Ух, какие!

Дед Спиридон по-отечески заворчал:

— Такие сапожищи на сыновью ножонку. Не велики?

— Дед, да в самый раз мне. Еще подрасту — и даже малы будут. Ну, спасибо, дядя Миша, я такие башмаки у летчиков видел. Даже носить жалко... Но кто знает, может, меня тоже в летчики возьмут?

Евдокия спокойным голосом одернула сына:

— Тут в другой город страшно тебя провожать, а в небо и подавно...

ШУРА

Про Шуру — пасынка Михаила Афанасьевича — сохранилось совсем немного информации. Известны только очевидные факты: Евдокия Спиридоновна любила единственного сына очень сильно, к мальчику с огромной теплотой и любовью относился и Лисавенко. Он звал его Шурой, а тот его — дядей Мишей. Шура был высокий, стройный и, по рассказам его одноклассницы Зои Зотовой, отличался крепким здоровьем и хорошей физической формой, отлично учился в школе, умел играть на музыкальных инструментах. Зотovy были соседями Лисавенко. Отец Зои, Сергей Зотов, работал у Лисавенко на опорном пункте. Окончив школу, Зоя поступила на геологический факультет Томского университета, а потом перевелась в Плодоовощной институт им. И. В. Мичурина. Окончив вуз, она тоже много лет проработала при опытной станции у Михаила Афанасьевича Лисавенко, стала ведущим научным сотрудником, автором более 30 сортов черной смородины. Именно через ее воспоминания, которыми она делилась с Зинаидой Лучник, сохранились хоть какие-то детали. Например, известно, что Шура стал воздушным стрелком.

Скорее всего, когда в ноябре 1936 года Евдокия Спиридоновна с сыном Шурой и своим отцом Спиридоном Степановичем перебрались из Бийска к Михаилу Афанасьевичу

Александр Усанов, сын Евдокии Спиридоновны. 1940 г.

в Ойротию, пасынок Лисавенко и увлекся самолетами. Дело в том, что еще в 1935 году в маленькой Ойрот-Туре появился аэродром и были организованы постоянные рейсы «Ойрот-Тура-Новосибирск» на небольшом самолете АИР-6. Затем в 1937-м построили крошечный аэропорт — это была уже не только взлетно-посадочная полоса, но и небольшой ангар. В Ойрот-Туре самолеты и летчики вызывали бурю восхищения у всех мальчишек, которые то и дело паслись возле аэропорта, чтобы посмотреть на чудеса советской авиации и послушать рев мотора.

Словно легенду из уст в уста школьники рассказывали историю о том, как студенты ойротского сельхозтехникума в 1936 году героически спасли самолет от крушения. Это был реальный случай, который произошел 7 сентября 1936 года, что подтверждают воспоминания старожил. Самолет «СССР-295», вылетевший в очередной рейс по трассе «Новосибирск — Ойрот-Тура», в 15 километрах от Бийска попал в полосу урагана. Скорость ветра достигала 25 метров в секунду. Посадка грозила неминуемой аварией. Круживший над аэродромом самолет заметили планеристы — студенты сельхозтехникума. Быстро сообразив, как оказать помощь, они выложили посадочный знак. Самолет снизился и стал планировать на высоте полтора-два метра. По команде начальника летно-планерной станции, комсомольца Чекурова, планеристы схватились за дужки стойки крыльев самолета. Подхваченный ураганом вместе с людьми, висевшими на его крыльях, самолет укатился с аэродрома больше чем на 300 метров. В небольшом, защищенном от ветра овраге самолет задержали. Благодаря проявленному пилотом в этот момент самообладанию и самоотверженности планеристов авария была предотвращена. Самолет отделался лишь легким повреждением хвостовой части.

После этого происшествия каждому школьнику хотелось тоже спасти самолет, поэтому в ветреную погоду наблюдать за посадкой самолета было даже больше желающих, чем в тихие дни.

Неудивительно, что и Александр Усанов, сын Евдокии Спиридоновны, тоже стал грезить небом и самолетами.

*Александр Усанов, сын
Евдокии Спиридоновны. 1940 г.*

Благодаря архивным документам, нам удалось установить точную дату призыва Шуры в армию — 18 ноября 1940 года. Как из Ойрот-Туры он попал в летную школу и в какую именно, остается загадкой. Чаще всего из Ойротии отправляли в сухопутные войска. Но так как он окончил 10 классов, что в то время было уже хорошим образованием, парня могли отправить на военную учебу. А возможно, он сам попросился в летчики.

Как проходил призыв в Ойротии осенью 1940 года, описывает местная газета «Красная Ойротия» (номер от 24 сентября 1940 года):

«К столу призывной комиссии подошел призывник Михаил Зяблицкий. В его руках находится заранее написанное заявление. Прежде чем пройти призывную комиссию, товарищ Зяблицкий подал это заявление военкому... «Прошу призывную комиссию зачислить меня в ряды Красной армии, — пишет Зяблицкий, — почетное звание воина социализма буду хранить в чистоте...».

Видимо, примерно такое же заявление написал и сын Евдокии Спиридоновны. Служба в армии была делом чести. Прослужил Шура всего полгода — и началась война. И уже теперь воздушного стрелка-радиста Александра Усанова направили в 35-й бомбардировочный авиационный полк. Летал он на военных самолетах ПЕ-2.

ВОЙНА

Надежда Ивановна Кравцева в книге про Лисавенко «Человек большого сердца» вспоминает, как опорный пункт узнал о начале Великой Отечественной войны:

«В то памятное воскресенье многие из нас были на загородной прогулке близ озера Ая — купались, катались на лодке, загорали. Было радостно и хорошо. А вернулись — страшное... Война...

Утром перед работой послушали по радио сообщение об военных действиях. Враг продвигался. Как жить и работать дальше? Выращивать цветочки и ягодки? А не маловато ли? Высказали свои сомнения Михаилу Афанасьевичу. Тот рассердился.

— Будем работать так, как работали. Нет, не так, а лучше — каждому за двоих. А как помочь фронту, подумаем вместе. Мы разошлись по бригадам.

Война сразу дала о себе знать и в нашем небольшом коллективе. Ушел на фронт фотограф Женя Петров, «вакантный жених», как звали его девчата. Сдал чемодан на склад и ушел. Не явился однажды на работу Саша Кропачев, молодой застенчивый плотник. Ушла Шура Карпова — звеньевая по землянике и наш комсомольский секретарь. Стала Шура медсестрой. Убывал народ и постарше. Простился с коллективом скромный работающий Федор Тарасович Шеин...

Михаил Афанасьевич вместе со своим заместителем Николаем Николаевичем Тихоновым часто бывал в городе. Там созывались совещания, экстренные заседания. Нужно было срочно решать массу неотложных вопросов, вызванных войной» [38].

После объявления о войне на опорном пункте прошло большое собрание коллектива, о чем Лисавенко написал заметку в газету «Красная Ойротия» под заголовком «Будем самоотверженно работать каждый на своем посту». Михаил Афанасьевич пишет:

«Коллектив Алтайского опорного пункта клянется работать не покладая рук, работать как никогда на оборону нашей

страны. Будем всеми силами помогать фронту, будем самоотверженно работать каждый на своем посту, чтобы дать как можно больше продуктов на благо нашей Родины» [151].

В период Великой Отечественной войны Алтайский опорный пункт пошел на смелый шаг: полностью отказался от государственных ассигнований, то есть от финансирования. Такое решение принял Михаил Афанасьевич Лисавенко. Всю свою работу с 1941 по 1946 годы опорный пункт вел за счет собственных доходов от продажи саженцев и выращенного урожая. Причем ежегодно сдавал в банк сотни тысяч рублей. Лисавенко был не просто талантливым садоводом, хорошим организатором, но и очень толковым экономистом.

Ольга Александровна Баранова в статье «Первое десятилетие деятельности М. А. Лисавенко на Алтае» рассказывает, что еще в 1941 году по согласованию с Наркомземом, Наркомфином РСФСР и местными властями Лисавенко организовал при своем опорном пункте экспериментальную базу. Грубо говоря, опорный пункт отвечал за науку — выведение новых сортов, а экспериментальная база — за производство, то есть выращивание продукции на продажу. Это дало возможность опорному пункту расширить свою хозяйственную деятельность. Подобные экспериментальные базы при научных учреждениях были в то время не редкость. Правда, чаще всего они превращались в отдельные хозяйства со своим руководителем, балансом и т. д. Но Лисавенко оказался директором очень дальновидным: создавая экспериментальную базу, он поставил в 1941 году управляющим своего заместителя по науке Николая Николаевича Тихонова, который был очень заинтересован в выполнении научной программы, а не только в ведении хозяйства. Юридически база была самостоятельным учреждением, по существу трудно было разграничить, где кончается опорный пункт и начинается экспериментальная база. То есть наука и практика здесь действовали в одной связке.

Ольга Александровна Баранова пишет: «Все насаждения, включая опытные посадки, а также посевы зерновых, овощных культур, сенокосы, входили в состав базы. Она имела 12 отделений по числу научных сотрудников: яблоневый сад,

М. А. Лисавенко выступает на собрании коллектива опорного пункта. Июль 1941 г.

ягодники, питомники, овощеводство и картофель, отделение косточковых, винограда и груши, декоративных и лекарственных растений, зерновых культур, семеноводство, цех переработки плодов и ягод. Была также хозяйственная часть, свой транспорт, молочная ферма и даже строительная бригада. Постоянный штат экспериментальной базы составлял 110 человек, летом он увеличивался до 360 человек. Это были сезонные работники и школьники. Да, нагрузка на научных сотрудников возросла, но опорный пункт не перерос в совхоз, где мало места остается для научной работы. Напротив, в тяжелые военные годы Лисавенко со своими сотрудниками совершил настоящий подвиг: он не только не свернул, а с каждым годом только расширял селекционную работу. В результате продуманной организации экспериментальной базы, ее валовый доход достиг в 1942 году 1 млн 900 тыс. руб., государству было сдано 213 тыс. рублей» [41].

История с экспериментальной базой — это яркий пример того, каким грамотным руководителем был Михаил Афанасьевич. По сути, при опорном пункте он сумел создать такое крепкое хозяйство, которое даже в тяжелейшие военные годы кормило почти всю Ойрот-Туру, позволяло заниматься наукой, развивать сибирское садоводство и еще помогать государству.

В мае 1941 года, за месяц до войны, Лисавенко в газете «Красная Ойротия» сообщает:

«В Алтайский опорный пункт Ойротии поступило большое количество заявок на саженцы со стороны колхозов, организаций и любителей-мичуринцев. В течение весны было отпущено и отправлено свыше 9 тыс. яблонь, 2 тыс. груш, слив и сливо-вишневых гибридов. Свыше 3 тыс. саженцев смородины, 172 тыс. саженцев малины, 40 тыс. крупноплодной земляники. Было также распространено большое количество саженцев дикорастущих деревьев и кустарников: тополя, сирени. Саженцы отправлялись в колхозы Эликманарского, Онгудайского, Усть-Канского аймаков. Ряд колхозов Ойрот-Турского аймака приобрел саженцы для озеленения колхозных усадеб. Горпищепром приобрел саженцев для закладки 3 гектаров яблоневого сада и на

6 гектаров малины. Много саженцев взяли школы и любители-садоводы Ойрот-Туры. Значительная часть саженцев была направлена за пределы нашей области — в колхозы Алтайского, Чарышского, Барнаульского, Завьяловского, Тогульского и других районов. На саженцы был запрос со стороны райпищепромкомбинатов. Большое количество посылок саженцев в другие области — Новосибирскую, Кировскую, Свердловскую, Московскую, Амурскую, Бурято-Монгольскую АССР» [56].

Но нужно понимать, что реализовывать посадочный материал из Ойрот-Туры было настоящей мукой. Почта работала плохо. Главная проблема — это отсутствие железной дороги. Тюки с саженцами — редко на машине, а чаще на повозках — везли в Бийск. Оттуда поездом отправляли по всей стране.

В военные годы не всегда хватало и лошадей. В книге-сборнике воспоминаний детей войны — ветеранов Горно-Алтайского государственного университета «Минувших лет святая память» есть история Юрия Васильевича Табакаева, который говорит:

«Для полного понимания того, как жили во время войны и после нее, следует сказать о том, каким транспортом обладало население нашего городка. Вполне понятно, что транспорт с двигателем внутреннего сгорания в основе своей был на фронте. Но и гужевой транспорт (лошади) тоже был мобилизован на фронт, и практически в руках жителей лошадей не было. А грузов для перемещения у населения было более чем достаточно. Нужно было подвозить дрова, возить семена на поле и затем урожай домой, да мало ли что нужно было перемещать. Корова, у кого она была, умудрялась давать молочко, кроме этого выступать в качестве тяглового скота. Ее запрягали в телеги, в сани, и она безропотно тащила этот груз вместе со своим хозяином» [31].

Сохранились фотографии, как на телеге, в которую запряжена корова, саженцы везут с полей по склонам опорного пункта. Конечно, благодаря тому что Лисавенко сумел при опорном пункте организовать экспериментальную базу, у него были лошади, но, видимо, их все же не хватало. Объемы грузоперевозок были огромные.

КНИГА «ПЛОДОВОДСТВО В СИБИРИ»

В 1941 году в новосибирской типографии выходит новая книга Михаила Афанасьевича Лисавенко «Плодоводство в Сибири», которую он написал вместе со своим замом по науке Николаем Николаевичем Тихоновым. Издание примечательно тем, что авторы очень подробно описывают сорта плодово-ягодных культур, которые подойдут для разных районов Сибири. В приложении имеются таблицы, где даны рекомендации под конкретную климатическую зону. А еще в книге очень много примеров удачных опытов сибирских садоводов из самых разных городов и сел. И это характеризует еще одну важную особенность Лисавенко: он всегда стремился объединять возле опорного пункта энтузиастов садоводства. Михаил Афанасьевич постоянно вел переписку с опытниками со всей Сибири. На почтовый адрес опорного пункта (г. Ойрот-Тура, почтовый ящик №8) в год приходило до 3 000 писем! Лисавенко отвечал на них сам и просил сотрудников вести переписку. В письмах он делился опытом и расспрашивал про успехи садоводов со всей Сибири. Именно поэтому в книге «Плодоводство Сибири» опубликованы не общие факты, а конкретные примеры. Лисавенко рассказывает о садоводах как о своих хороших знакомых:

«В Новосибирске садовод товарищ Ф. Я. Левчук, в саду которого растет до 60 различных сортов плодовых деревьев, ведет работу по сортоизучению, выявляя сорта, наиболее пригодные в условиях Новосибирска. Им выведены представляющие большой интерес для приусадебного садоводства новые сорта яблонь, как, например, Антоновка-зерновка, плоды которой отличаются хорошим вкусом, превышая по размеру обычные сорта ранеток в 2-3 раза.

В Томске товарищ Н. В. Перов в своем опытно-показательном саду в течение 30 лет ведет большую упорную работу по культуре яблонь в свободной и стелющейся форме. В суровых условиях Томска Перов в течение многих лет успешно культивирует такие южные сорта яблонь, как Апорт и Сары-синап, получая урожай до 60 кг плодов с дерева. Он вывел 6 новых сортов яблонь, 2 гибридных сорта вишни, 1 сорт малины и 1 сорт крупноплодной земляники Томичка.

В Барнауле опытник-мичуринец тов. Н. С. Маркин вывел несколько сортов яблонь, крупноплодный сорт вишни Гигант и очень урожайную красную смородину Комовую».

Переписка с садоводами не прекращалась и в тяжелое военное время. А количество корреспонденции на опорный пункт только увеличилось.

КАК ОПОРНЫЙ ПУНКТ КОРМИЛ ОЙРОТИЮ

В военные годы в Ойротии остро встал вопрос дефицита продуктов. Уже в 1941 году в Ойрот-Туру стали прибывать эвакуированные, людей становилось все больше, и всем нужно было что-то есть.

Валерий Митюшев в своих мемуарах «Записки обыкновенного человека» рассказывает, какие длинные очереди стояли в Ойротии за хлебом:

«Почти с самых первых дней войны в городе была введена карточная система снабжения продуктами и промтоварами. Карточки, а соответственно и нормы снабжения, были четырех основных категорий: рабочие, служащие, иждивенческие и детские. Все карточки выдавались сроком на один месяц. Нормы отпуска продуктов были очень невысокими, они не позволяли нормально питаться. Но получить карточки — это еще далеко не все. Надо было суметь их отоварить. В Ойрот-Туре хлеб по карточкам выдавали нерегулярно, но все-таки достаточно часто. Остальные же продукты появлялись вообще от случая к случаю. Обычно становилось заранее известно, что завтра в магазин должны привезти хлеб. Затемно шли занимать очередь. Очередь оживала, завидев лошадку, запряженную в хлебную повозку. Наиболее проворные разгружали хлеб. Дополнительного хлеба они за это не получали, но их отоваривали вне очереди. Это было неписанным законом. Когда хлеб был принят, продавщица, вооружившись ножницами, приступала к священнодействию. На карточке была отпечатана сетка талонов. Размер каждого талона примерно сантиметр на сантиметр. На талоне была дата и норма хлеба в граммах. Я уже не помню, какие тогда в Ойрот-Туре были нормы, но

примерно по трем карточкам нам полагался килограмм хлеба в день. Обычно хлеб выдавали сразу за три дня — вчера, сегодня, завтра. Причем, за вчерашний день хлеб давали в том случае, если накануне продажи не было. Привезенного хлеба на всех обычно не хватало, и не успевшие вовремя занять очередь шли домой ни с чем. Когда отовариться хлебом не удавалось, мама пекла картофельные лепешки. Сырая картошка натиралась на терке, добавлялось небольшое количество муки. Из этой массы делались лепешки, которые на сковородке обжаривались и употреблялись как хлеб. Основное наше горячее блюдо мы называли мокрой картошкой. Варилась мелко нарезанная картошка, вода не сливалась. По возможности добавлялось небольшое количество пассерованного лука. И вот это блюдо — такой полусуп, полувторое, его ели ложками, — было основным нашим продуктом питания» [189].

Картошка и хлеб помогли жителям Ойрот-Туры прокормиться в военные годы. Но мало кто знал, что именно благодаря Лисавенко в Ойротии появился сортовой картофель, на пашнях, в колхозах стали сажать намного больше овощей. Ольга Александровна Баранова вспоминает:

«Михаил Афанасьевич рассказывал нам, что он первый начал в Ойротии, да и, пожалуй, в Алтайском крае, разводить сортовой картофель. Местный картофель в Ойротии был очень плохой — гнил осенью до того, как его успевали выкопать. Еще до войны, в 1935 году Лисавенко посадил на опорном пункте клубни нескольких сортов, затем увеличил посадки, и во время войны площади под картофель достигли 22 га. Из сорта Берлихинген в 1938 году он выделил клон, который замечательно хранился всю зиму. Этот клон имел очень правильную овальную форму с желтовато-белой сетчатой кожицей и неглубокими розовыми глазками. Новый сорт получил название Алтайский. Урожай картофеля у Лисавенко достигал 350 центнеров с гектара, а несортовой, местный давал всего лишь 80 центнеров с гектара».

А вот данные из статьи Лисавенко в газете «Алтайская правда» за 24 октября 1941 года:

«Пункт усиливает свою работу по выращиванию овощей и картофеля. Овощи ранее не входили в план опор-

ного пункта, тем не менее, мы провели большую работу по сортоиспытанию и размножению картофеля. В этом году мы вырастили 185 тонн лучших, выявленных нами сортов картофеля. Сейчас засыпаны семена, с расчетом удвоить выпуск картофеля в следующем сезоне. В тематику научной работы на 1942 год включено выведение нового сорта картофеля» [100].

Михаил Лисавенко понимал, что опорному пункту нужно срочно включаться в решение продовольственных вопросов. На экспериментальной базе он внедряет новые для Ойротии культуры: скороспелую кукурузу, фасоль, патиссон, капусту (которую раньше привозили из Бийска) — то, чем можно прокормиться. Эти овощи становятся популярными и у местных жителей.

Случайно мы наткнулись в Интернете на трогательные воспоминания жительницы села Майма Александры Александровны Берсеновой. Она рассказывает, что в военные годы с едой было очень сложно, и весной в их школу зашел мужчина в высоких кирзовых сапогах и фуражке. Учительница представила гостя, это был садовод Лисавенко из Ойрот-Туры. Он приехал по делам в Майму и решил зайти в школу. Детворе он сразу принялся объяснять, какие травы и ягоды можно собирать и сушить на зиму, а затем каждому ребенку дал по пять зернышек кукурузы: рассказал, что это за растение, как его правильно посадить и как за ним ухаживать. «Помню, мы все сжимали эти драгоценные зернышки в ладошках и с трепетом ждали, когда уже можно побежать домой и скорее посадить это чудесное растение», — говорит Александра Александровна Берсенева.

Кстати, к 1944 году опорный пункт для колхозов выделил 5 тонн семян наиболее урожайных в местных условиях сортов кукурузы.

В отчете о работе станции в военные годы Михаил Афанасьевич пишет:

«Не снижая темпов научно-исследовательской работы по плодоводству, станция в период Отечественной войны развила на своей экспериментальной базе подсобные отрасли хозяйства, сыграв важную роль в снабжении плодоовощной

продукцией и картофелем население города Ойрот-Тура. За годы войны на станции было организовано испытание и выращивание лекарственных растений, налажено производство овощных семян и сортового семенного картофеля. Мы дали в 1942 году 6 458,5 центнера картофеля и овощей (капусты, лука, моркови), что послужило серьезной поддержкой для местного населения. Работали мы и над внедрением новых в условиях Ойротии культур, таких как кукуруза и фасоль — они нашли широкое распространение на приусадебных участках и индивидуальных огородах. В период военного времени нами особое внимание было обращено на использование для переработки сахарной свеклы, а также на консервирование ягод методом сухой сульфитации» [196].

И сам Лисавенко, и сотрудники опорного пункта постоянно выступали в местной газете «Красная Ойротия» с рекомендациями, что можно посадить, чтобы в зиму запастись овощами, или как правильно хранить или даже готовить то, что уродилось в огороде. Вот лишь маленький, но яркий пример: технолог опорного пункта Антонина Николаевна Каменева (супруга попавшего под репрессии бывшего зама Лисавенко Иннокентия Арсентьевича Кухарского) дает подробную инструкцию, как приготовить сироп из сахарной свеклы. Учитывая, что сахар был невероятным дефицитом, такие советы были на вес золота. После описания самой технологии сотрудника опорного пункта еще и заботливо замечает:

«Сироп употребляется в пищу как мед, он годится для варки повидла, компотов, киселей. Выжимки после первого прессования содержат около 15 процентов сахара и могут быть добавлены в каши, тесто, начинки для пирогов».

Осенью 1941 года опорный пункт собрал богатый урожай; это позволило реализовать для общественного питания 116 тонн овощей, в том числе 41 тонну раннего картофеля и 39 тонн ранней капусты. Было собрано свыше 60 тонн ягод, из них 19 тонн крупноплодной земляники, 27 тонн смородины, 7 тонн малины, 5 тонн крыжовника. В конце года Лисавенко взял на себя обязательство: в 1942 году вырастить в 2,5 раза больше овощей и в 1,5 раза больше ягод. Этот план был даже перевыполнен. Так, из отчета

1942 года мы узнаем, что овощей и картофеля на опорном пункте собрали 580 тонн. Высокий урожай дали ранняя и средняя капуста — с 3,5 га собрано 125 тонн. Особо большой урожай собран огурцов: с 1,83 га получено 64 тонны. Высокий урожай дала и морковь: 232 центнера с гектара, помидоров получено 130 центнеров с гектара. Общий сбор плодов и ягод составил 112 тонн.

Часть урожая опорный пункт продал населению, что осталось — пошло на переработку. Благодаря экспериментальной базе уже в 1941 году было налажено производство варенья, соков, вина и плодового теста (что-то вроде пастилы). Лисавенко пишет в отчете:

«По инициативе научного сотрудника Н. Н. Тихонова проведено консервирование таких скоропортящихся ягод, как земляника, малина и смородина, без применения дефицитных материалов и без сложного оборудования, путем окуривания ягод парами горючей серы в самодельной деревянной камере. Способ этот позволяет хранить ягоды в течение нескольких месяцев».

В прессе Михаил Афанасьевич даже поднимает тему строительства в Ойрот-Туре стеклоделательного завода, что позволило бы запустить массовое производство консервов. В газете «Красная Ойротия» в 1941 году он выступает с заявлением:

«Задача состоит в том, чтобы обеспечить круглогодичное потребление населением как города, так и аймаков высококачественной витаминизированной продукции, каковой являются овощи, фрукты и ягоды. Разрешить эту задачу можно и нужно путем организации в Ойрот-Туре консервного завода. Сейчас консервы из кабачков, которые раскупаются на ура, ввезены к нам из Сталинграда. Производство консервных овощей фруктов и ягод — дело не сложное. Основное, что потребует разрешения, это тара — стеклянные банки и крышки к ним. Следовательно, наряду с организацией консервного производства надо построить в Ойротии стеклоделательный завод. Очень возможно, что сырьевые запасы для выделки стекла можно найти в непосредственной близости от Ойрот-Туры» [196].

Когда вникаешь в цифры отчетов, то даже сложно поверить в то, какой огромный урожай собирает опорный пункт, причем вручную. Но эти рекорды кажутся еще невероятнее, когда узнаешь, что в военные годы большая часть работников опорного пункта — это женщины, молодежь и дети. Потому как крепких мужиков, как правило, сразу забирали на фронт.

Есть воспоминания старожилов Горно-Алтайска, которые помнят, как летом ученики старших классов всех городских школ работали в питомнике. Для детей это была «сладкая участь» — ведь разрешалось есть ягод сколько хочешь. Хотя, конечно, уставали сильно и дети, и взрослые. Легкой такую работу назвать было сложно.

В книге Валерия Митюшева мы находим описание, как трудились школьники:

«После выпускных экзаменов (седьмым классом тогда заканчивалось неполное среднее образование), формально начинались каникулы. Но фактически каникул не было, так как школьникам надлежало работать либо в промышленности, либо в сельском хозяйстве. Наша школа была прикреплена к плодово-ягодному мичуринскому питомнику. И теперь утром я бежал в питомник. Продолжительность рабочего дня для школьников была установлена шесть часов. Я был в бригаде, которая занималась обработкой смородины. Квадраты, засаженные кустами смородины, располагались огромным амфитеатром. Приходить лучше было пораньше, чтобы выбрать хорошую тяпку. С плохой тяпкой намучаешься. К девяти часам бригады разводились по квадратам и работа начиналась. В 12 часов удары по подвешенной рельсе оглашали долину, означая обеденный перерыв. Мы спускались вниз, чтобы получить миску супа. После небольшого отдыха работа возобновлялась. В четыре часа бригада, выполнившая норму, могла идти домой.

Потом пришла пора сбора урожая. Теперь вместо тяпок мы получали корзины. Норма была 12 килограммов в день, но выполнить ее мне ни разу так и не удалось. А вот местные девчонки шутя делали по полторы нормы. Собранные ягоды, как нам объясняли, увозят в Бийск, в госпиталь для раненых фронтовиков. Самим нам разрешалось есть ягоды

без ограничений, но очень скоро они уже в рот не лезли. Однако выход был найден. Когда в обед мы спускались вниз, то несли с собой миски смородины. Ее с удовольствием съедали ребята, которые работали на малине или на клубнике. А они, в свою очередь, угощали нас своей ягодой. Возвращался я домой из питомника ещё засветло, но сил почти не было» [189].

Если у школьников норма по сбору ягод была 12 кг в день, то у взрослых — в несколько раз больше. Работницы не только собирали ягоду, но и копали картошку.

Сохранились воспоминания Надежды Ивановна Кравцевой, где она рассказывает о военных годах на опорном пункте:

«Работали без выходных и отпусков. Когда устраивали воскресники, например, по копке картофеля, Михаил Афанасьевич шел вместе с нами. Так и запомнила его в ватнике и сапогах, с ведром и лопаточкой-копарулькой. Выкапывал картофеля он не меньше других и сердился, когда молодежь приходила ему на помощь, зная, что у него пошаливает сердце» [38].

Любопытную историю про копку картофеля с участием Лисавенко помнит Ольга Александровна Баранова:

«Когда на одном из воскресников копали картошку, Лисавенко обратил внимание (у него всегда было невероятное чутье селекционера, любой другой бы просто не заметил), что в одной из лунок клубень совсем другого цвета: все розоватые, а этот — белый. Он его выкопал, сохранил и даже написал письмо селекционеру по картофелю Льву Викторовичу Катину-Ярцеву, который в те годы работал в Омске. В документах станции можно найти ответ Катина-Ярцева, где тот поясняет, в чем же причина появления такого необычного картофеля. Оказалось, что это — мутация сорта. Лисавенко эту белую картошку размножил и много лет выращивал возле своего дома. Ему всегда были интересны загадки природы». Кстати, этот картофель он отправил на Ярцевский опорный пункт Красноярского края, сорт назвали Алтайская».

ЭВАКУИРОВАННЫЕ

15 октября 1941 года был издан приказ об эвакуации плодовоощного института им. И. В. Мичурина из города Мичуринск (Тамбовской области) в город Ойрот-Тура. Напомним, именно с визита Лисавенко (по рекомендации «Крестьянской газеты») в 1932 году в Мичуринск и началась история переезда Михаила Афанасьевича в Ойротию. Скорее всего, наличие в Ойрот-Туре такого крепкого опорного пункта и повлияло на решение эвакуировать плодовоощной институт именно сюда. Лисавенко постоянно поддерживал переписку с мичуринским вузом. Безусловно, для Ойротии эвакуация института имела большое значение, потому что подготовка сельскохозяйственных кадров высшей квалификации на территории Алтайского края тогда не велась. В Ойрот-Туре был только сельхозтехникум. Даже у самого Михаила Афанасьевича ученой степени не имелось. Кандидатом наук был только заместитель Лисавенко Николай Николаевич Тихонов.

Переезд института состоялся уже в ноябре 1941 года. Учебному заведению был передан главный корпус Ойротского сельскохозяйственного техникума, часть преподавательского состава разместили в домиках на плодоягодном опорном пункте. Михаил Афанасьевич вкладывал много сил, чтобы опорный пункт стал не просто садом, а большим хозяйством. Он строил дома для сотрудников, временные бараки для студентов и практикантов. Теперь всем пришлось потесниться, чтобы разместить хотя бы часть эвакуированных.

В статье Татьяны Захаровой «Из истории эвакуации плодовоощного института им. И. И. Мичурина в Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны» приведены такие данные:

«Согласно документам, в Ойрот-Туру прибыли 129 человек профессорско-преподавательского и вспомогательно-го состава института, включая членов их семей, а также около 100 студентов». В Ойротии был жуткий жилищный кризис. В сборнике материалов республиканской научно-исторической конференции «Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны» есть доклад «Некоторые ито-

ги исследований эвакуации гражданского населения, детских, лечебных, высших учебных и научных учреждений в Ойротскую автономную область в 1941–1942 годах», в котором приводятся следующие данные:

«В целях размещения вновь прибывшего эвакуированного населения Ойрот-Туринский горисполком решил понизить норму жилищной площади горожан до 3 квадратных метров на одного человека. Остальная жилплощадь подлежала изъятию, за нарушение данного решения предусматривался штраф до

100 рублей или принудительные работы до 1 месяца. На второй Ойрот-Туринской районной партийной конференции, которая состоялась 23–25 июня 1942 года, были подведены первые итоги по эвакуационным мероприятиям. Секретарь Ойрот-Туринского ГК ВКП(б) Владимир Гаврилович Лексин доложил, что всего в городе принято 2 686 человек, из них 503 человека студентов. В коммунальные квартиры расселено 200 семей, остальные живут в домах частного сектора» [4].

Среди эвакуированных научных работников были сын и дочь Ивана Владимировича Мичурина – Николай Иванович и Мария Ивановна, а также внуки и правнуки известного селекционера. Упоминания о них можно найти в мемуарах Валерия Митюшева «Записки обыкновенного человека»:

«Мичуринский институт разместили частично в зданиях сельскохозяйственного техникума, а частично на территории плодово-ягодного пункта, который собственно и был филиалом этого института. В составе мичуринских эвакуированных были потомки Ивана Владимировича Мичурина. Сын Мичурина, Николай Иванович, работал в этом институте

Н. И. Кравцева в студенческие годы. Фото из зачетной книжки. Первая половина 1940-х гг.

плотником. Старшая дочь Мария Ивановна приехала со своей взрослой дочкой, научным сотрудником института, и с ее детьми, правнуками Ивана Владимировича. У правнуков Мичурина фамилия была Курсаковы» [189].

Лисавенко помогал очень многим научным сотрудникам. Так, весной 1942 года на опорный пункт приехала из Свердловска ученый-селекционер и писательница Нина Михайловна Павлова. Правда, в военные годы ей было не до написания новых книг. Михаил Афанасьевич принял ее на работу в опорный пункт (поручил ей заниматься отбором лучших гибридов черной смородины и крыжовника, дикорастущими сибирскими ягодниками) и помог с жильем.

Нина Михайловна Павлова хорошо знала английский, немецкий и французский языки, была в курсе публикаций по растениеводству в мировой литературе. Еще в 1928 году по ходатайству Н. И. Вавилова она была командирована в Польшу, где в Краковском ботаническом саду изучила ценную коллекцию смородины и крыжовника. Нина Михайловна оказала опорному пункту помощь в отборе и описании элитных сеянцев смородины, апробации сортовых насаждений, изучении диких видов.

Надежда Ивановна Кравцева в книге «Человек большого сердца» рассказывает такой эпизод военного времени:

«Трудно было с одеждой. Девчата щеголяли в юбках цвета хаки и в стареньких лыжных курточках. Наш уважаемый кандидат биологических наук Нина Михайловна Павлова мужественно надела огромные ботинки из брезента «на деревянном ходу», которые доставали по особому списку для сотрудников станции. Взглянув на ее модельную обувь, Михаил Афанасьевич даже присвистнул:

— Голубчик вы мой, этикие бахилы... — А потом добавил: — Все же лучше, чем босиком».

Сохранились воспоминания и самой Н. М. Павловой об Ойрот-Туре:

«Возле дома взберешься на гору (часть опорного пункта находилась на вершине Татанаковского лога. — Прим. автора) и смотришь, где дымок. Туда и бежать за угольками, что-

бы растопить плиту — спичек выдавали слишком мало. Зимой было еще труднее. С работы — в лес по дрова. Нарубленные осинки тащили волоком по снегу. На сырых осиновых полянках ужин поспевал к полуночи. Для специалистов выделяли по пол-литра керосина в месяц. Его жгли в выдолбленных картофелинах, соревнуясь в изобретении конструкций светильников, наиболее экономно расходующих керосин».

Тяжело было и научным сотрудникам, и студентам. По соседству с эвакуированным Мичуринским институтом размещался техникум (директором которого в 1942 году был назначен 33-летний доцент института им. Мичурина Валентин Иванович Будаговский). В книге «История становления и развития животноводческого техникума в Ойротии» мы находим описание жизни студентов техникума; в таких же условиях находились студенты и преподаватели эвакуированного института:

«Учебный корпус не отапливался. На стенах и потолке были гирлянды из снега (куржак). Сидели в пальто. Писали на книгах. Книги старались выбирать с бледным шрифтом. В столовой варили рассольник (вода и несколько кусочков огурцов) и суп из колбы» [38].

Чтобы прокормиться в Ойрот-Туре, известный биолог и писательница Нина Михайловна Павлова завела кур и продавала на местном рынке яйца. Впрочем, в военные годы в Ойротии на рынке можно было встретить много выдающихся личностей.

В эти годы в Ойротию эвакуировали еще и Московский педагогический институт имени Либкнехта, а из блокадного Ленинграда перевели авиационную спецшколу. Так что на ойротских улочках можно было встретить, например, переводчика и литературоведа Бориса Александровича Грифцова (он перевел на русский почти все произведения Бальзака, Флобера, Пруста), а в очереди за хлебом — известного географа Рафаила Михайловича Кабо. И еще многих-многих других.

Так, например, из блокадного Ленинграда приехала библиотекарка Зинаида Епифановна Корякина, она была близкой подругой знаменитой поэтессы Ольги Федоровны Берггольц, первый год блокады они даже спасались от голода и бомбежек

в одной квартире. Не без помощи Лисавенко ее устроили в библиотеку при эвакуированном Мичуринском институте. В Ойротии она читала студентам пронзительные стихи Берггольц про войну и вообще много рассказывала про Ленинград.

Столичная интеллигенция, наполнившая тесный городок до краев, даже в условиях бедноты и дефицита диктовала новые культурные и просветительские порядки. Стали популярны творческие вечера, собрания, лектории.

Так, с 1942 года третьего и двадцать четвертого числа каждого месяца при институте начали проводить просветительские встречи. В газете «Красная Ойротия» можно найти объявление о том, что Семен Федорович Черненко, селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, читал открытую лекцию «Великий преобразователь природы И. В. Мичурин», а Михаил Афанасьевич Лисавенко — о работе Алтайской опытной станции за 1933–1943 годы.

СЕМЬЯ ЛИСАВЕНКО В ВОЕННЫЕ ГОДЫ

В военные годы работы было очень много, но, когда выдалась возможность, Михаил Афанасьевич ездил в Бийск навестить мать и сестру. После ареста и смерти отца в 1938 году мать очень ослабла, часто болела, ее спасала только вера в Бога, она постоянно молилась. Дома у нее всегда были иконы. Перед самой войной в 1940 году в семье случилась еще одна трагедия: на племянницу Лисавенко, младшую дочку сестры Марии — Ирину, напали и зверски убили, тело бросили в колодец. Ирина только-только окончила 10 классов. Муж Марии, Сергей Дмитриевич Крыга, после ареста и смерти тестя Афанасия Михайловича Лисавенко, а затем потери дочери, окончательно слёг — у него отнялись ноги. Михаил Афанасьевич помогал матери и сестре чем мог. Он дал денег, чтобы старшую племянницу Людмилу отправили учиться в Томский медицинский университет. А в декабре 1942 года, после того как Людмила окончила вуз, помог ей устроиться педиатром в больницу Ойрот-Туры. Михаил Афанасьевич был очень дружен с ойротским

врачом Анатолием Александровичем Суворцевым. В книге «Плодоводство в Сибири» Лисавенко описывает, что в приусадебном садике доктора Суворцева растут более 50 сортов мичуринских яблонь.

Видимо, племянница Люда жила в доме Михаила Афанасьевича при опорном пункте, так что у нее была всегда еда и теплая постель. 23 февраля 1943 года в Бийске муж сестры умирает. Михаил Афанасьевич помогал с похоронами. Не прошло месяца, и 18 марта 1943 года племянницу-врача Люду мобилизовали и прямо из Ойрот-Туры отправили на курсы хирургов в Саратов, а затем — на фронт. С 1943 по 1945 годы Людмила была полевым хирургом. В одном из писем она писала дяде о своем первом дне на фронте:

«Наша воинская часть находилась в местечке Субботино, Белгородской области. Разыскивая ее, я оказалась рядом с передовой и, когда противник начал обстрел позиций, то я сразу же попала под пулеметный огонь. Вот так и начался мой первый день пребывания на фронте: словом, из тыла я сразу попала в пекло войны. Когда все стихло, я добралась-таки с какой-то отступающей частью до штаба дивизии».

Письма с фронта были для Михаила Афанасьевича очень дороги. Он переписывался с приемным сыном, племянницей, ушедшими на фронт работниками опорного пункта, красноармейцами из соседних колхозов и даже с теми людьми, с кем, казалось, был знаком шапочно.

ФРОНТОВАЯ ПЕРЕПИСКА

Надежда Ивановна Кравцева хорошо помнит такой эпизод: «Однажды утром еще до начала работы сказали, что меня приглашает директор. Я решила, что ему понадобились какие-нибудь цифры, и взяла тетрадь по взвешиванию урожая. Михаил Афанасьевич сидел за письменным столом спиной к окну и, нагнувшись, быстро писал.

— Письма-то от солдатиков получаете? Что пишут?

Я смутилась.

— От каких? Я никому не пишу.

Он хлопнул маленькой ладонью по столу.

— А вот это зря! — И притворно ворчливо заметил: — Безобразие. Вы же председатель рабочкома, комсомолка. Вы же должны пример молодежи подавать. Вот я здесь записал по радио несколько номеров полевой почты и фамилий фронтовиков. Ребята потеряли родных. Им некому писать. Ваши весточки будут для них дорожке хлеба насущного.

Я взяла список адресов. Часто потом Михаил Афанасьевич интересовался судьбой нашей переписки, мягко подшучивал, что после войны я «отхвачу» себе генерала. Чуть не всю войну переписывались мы с лейтенантом-артиллеристом Георгием Волоховым, но потом писем от него не стало. Возможно, погиб».

О фронтовых письмах, которые приходили Лисавенко, очень трогательно написал известный в 1960-1970-е годы журналист и публицист Анатолий Аграновский. 16 октября 1942 года он был эвакуирован в Ойрот-Туру с Московским педагогическим институтом имени Либкнехта. Анатолий Аграновский тогда был студентом этого института и именно в Ойротии попробовал себя в журналистике, стал писать заметки для газеты «Красная Ойротия». Летом 1942 года он с другими студентами был на экскурсии в саду опорного пункта, где и познакомился с Лисавенко. Об этом он написал в 1946 году в газете «Социалистическое земледелие»:

«В саду на прогулке нас сопровождала группа московских студентов, эвакуированных войной в Ойрот-Туру. Я до сих пор помню песни, которые они распевали под сенью алтайских яблонь и слив:

«...Майма шумит и с гор стекает.

Вся в розах алых спит Ойрот-Тура...»

Эта песня была, по существу, посвящена Михаилу Афанасьевичу, ибо это он усыпал весь Алтай алыми розами. Он размножил на Алтае невиданные и неслыханные здесь розы, георгины, тюльпаны, флоксы... Я до сих пор помню и никогда не забуду эти розы: чайные, бенгальские, перницианские, полиантовые — 120 сортов роз. Я до сих пор помню и никогда не забуду алтайские георгины: Солнце в небе, Девушка с гор, Греза цветов. А тюльпан Волшебный, а флокс

Ликующий, а гладиолус Пурпурный, а 250 сортов лилий! Михаил Афанасьевич — один из лучших художников земли.

Когда мы, возвращаясь из сада, подходили к канцелярии питомника, нас встретила на пороге бабуся. Имя ее я уже забыл. Но помню, что она приехала на паре волов за 80 верст из колхоза «Коммунист». Ее послали за саженцами яблонь и груш. В записке к Михаилу Афанасьевичу колхозники просили не отказать, потому что необходимо расширить сад самое малое хотя бы еще на 2 гектара. Михаил Афанасьевич сам отобрал саженцы. Сам наблюдал за их укладкой на огромный воз, а в знак уважения бабушке он преподнес лучшую розу и горсть недавно выделенных семян физариса и кольраби...

Михаил Афанасьевич стоял перед раскрытым старинным шкафом и доставал оттуда какие-то бумаги. Он говорил, что самые лучшие плоды не в саду, а здесь, в канцелярии питомника. Михаил Афанасьевич нашел нужную папку, и на стол посыпалась груда писем... «Лучшие плоды» его волшебного питомника — письма с фронта. От колхозников, рабочих, аспирантов — солдат и офицеров. Они писали из дзотов и блиндажей, им каждую секунду грозила смерть, но улучив минутку, они спешили черкнуть несколько слов Лисавенко. «Как перезимовала в алтайском питомнике слива? Не подопрели ли корневые шейки? У меня этот вопрос с ума не сходит никак», — писал воин Алифанцев, вчерашний колхозник из соседнего села Аюм. Солдат Ходыко спрашивал, если цветут уже фиалки, нельзя ли выслать ему в конверте на фронт несколько лепестков. «Быть может, смешным покажется кому-нибудь, что я думаю сейчас о цветах. Но если бы вы знали, как тянет к ним...» Война и фиалки... Какое изумительное сплетение чистой лирики и страшной войны» [77].

Конечно, это просто фантастика: тяжелое военное время, голод, кругом беднота, а Ойротия — цветет. В маленьком сибирском городке появляются невиданные раньше деревья, ягодники, плантации роз, поляны гладиолусов, тюльпанов, георгинов...

Цветами на опорном пункте заведовала Зинаида Ивановна Лучник. Но она занималась не только цветами, во время

войны она выращивала очень многие лекарственные растения, которые сушили и отправляли в военные госпитали. Так на опорном пункте появились плантации беладонны, валерианы, наперстянки, ромашки персидской. Сотрудники опорного пункта старались всеми силами помочь фронту.

В газете «Красная Ойротия» за 1942 год есть заметка Лисавенко про опорный пункт:

«С большим воодушевлением откликнулся коллектив Алтайского опорного пункта плодоводства на призыв дать как можно больше теплых вещей героическим фронтовикам. Особенно ярко проявила на этом конкретном деле помощи родным бойцам чувство горячей любви к доблести Красной армии молодая работница Агафья Егоровна Пересекина.

Зимними вечерами товарищ Пересекина связала и сдала 42 пары шерстяных носок и варежек. Прочно, добротнo, красиво сработала их Агафья Егоровна. В то же время она обучила вязанию шерсти многих работниц пункта» [146].

ЖИВАЯ КАРТИНА: «ТОВАРИЩ ДИРЕКТОР, А ВЫ НОСКИ НЕ БРАЛИ?»

Как обычно, директор засиделся на работе до позднего вечера. Одевшись, он не спеша шел по темному коридору, как вдруг ему послышался тоненький девичий плач. Директор замер, и плач тоже прекратился. «Неужто я так заработался, что уже мерещится», — подумал он, но, сделав пару уверенных шагов к выходу, вновь отчетливо услышал странные жалобные звуки. Он на цыпочках подошел к кабинету на первом этаже, и тут уже сомнения рассеялись: за дверью кто-то рыдал. К горлу подкатил холодный колючий ком: «Неужели опять похоронка...». В 1942 году извещения на серо-желтой бумаге со словами «проявив героизм и мужество, был убит...» стали приходить все чаще. У одной сотрудницы погиб на фронте муж, у другой брат, у третьей... Лисавенко осторожно открыл дверь и робко спросил: «Кто здесь?».

— Ой... Никого...

Голос директора напугал плачущую девушку, она даже что-то уронила из рук, и это «что-то» покатилося по деревянному полу.

— Ну раз никого, то с кем же я разговариваю? — ласково усмехнулся Лисавенко.

— С Фросей, — робко ответила девушка.

— Да узнал я тебя, Фрося! Ты что, плачешь тут в темноте?

— Плачу.

— А что случилось-то?

— Случилось...

Фрося закрыла лицо руками и зарыдала пуще прежнего.

— Я все делала, как мне говорили: лицевая, изнанка, накид, лицевая, изнанка...

Лисавенко был в полном замешательстве:

— Какие такие изнанки? Фрося, что случилось-то?

Фрося работала на опорном пункте уже третий год, приехала сюда по распределению после окончания Омского сельскохозяйственного института, всегда отличалась исполнительностью, трудилась в питомнике на ягодниках.

Директор сделал шаг, чтобы подойти поближе и... Тут ноги вдруг запутались в чем-то мягком, и Лисавенко чудом удержался, чтоб не грохнуться на пол.

— Да кто это тут по полу раскидал-то! — уже нервным голосом завопил директор.

Фрося забыла про слезы и подскочила со стула.

— Не ушиблись? Ой, я же вас чуть не убила!

Лисавенко посмотрел себе под ноги. В полумраке он разглядел какие-то длинные нитки. Фрося кинулась собирать с пола спицы и ловить распустившийся серый клубок.

Лисавенко усмехнулся:

— Это что у тебя за капканы на медведя?

Фрося вновь чуть не заревела, но сдержалась, только шмыгнула носом:

— Не капканы это, а вязанье! Вы же сами, Михаил Афанасьевич, нам поручили к 25-й годовщине Великой Ок-

тябрьской социалистической революции подготовить подарки для бойцов. Мы взяли обязательство, что каждая свяжет нашим защитникам по паре носков и варежек. А у меня не получается, ну никак... Только путаю и распускаю, путаю и распускаю...

Лисавенко сел на стул.

— И по этому поводу слезы?

Фрося виновато кивнула.

— Ага.

У директора сразу polegало на душе.

— Может, Фрося, не нужно в темноте вязать, при свете-то оно, пожалуй, лучше должно получиться?

Фрося возразила:

— Так керосина-то дефицит. Да я вам честно признаюсь, Михаил Афанасьевич, и при свете у меня не лучше получается...

Лисавенко усмехнулся:

— Самокритика — это, конечно, хорошо. Покажи, Фрося, что ты здесь навязала.

Фрося протянула недовязанную серую варежку с кривоватым пальцем. Лисавенко примерил варежку на свою небольшую ладонь, но даже на нее почему-то палец был словно не к месту.

— Слушай, а может, тебе носки попробовать связать? Там пальцев-то нет.

Фрося закачала головой.

— Там еще хуже — пятка. Петли считать замуцаешься.

И слезы вновь покатались по ее лицу.

— Ну хватит рыдать! Было бы из-за чего. Я уж подумал, что умер кто-то. А ты из-за рукоделия. Я тебе по секрету скажу, только никому не говори, я же тоже вязать не умею. Копать умею, садить умею, а вот вязать — ну совсем не умею. Вон об спицы твои чуть не убился. Как ты с ними вообще справляешься, да еще в такой темноте. Я бы даже как ты не смог.

Фрося засмузилась:

— Да я только учусь. Главное — приноровиться: лицевая, изнанка, накид, лицевая, изнанка... так-то вроде все несложно, вот только палец...

На следующее утро Лисавенко подозвал к себе работницу пункта Агафью.

— Говорят, Агафья, у тебя золотые руки, лучше всех вязать умеешь. Обучи ты наших девушек, их в институтах и техникумах не научили рукоделю.

Агафья от волнения даже покраснела. На опорном пункте она трудилась всего год, приехала из дальнего аймака, училась всему понемногу, а тут ей доверили шефство в коллективе.

Лисавенко продолжал:

— Назначаю тебя, Агафья, руководителем нашего кружка вязальщиц. Справишься?

Агафья робко пожала плечами:

— Навязать-то не сложно, нам бы кусок мыла еще, чтобы потом постирать, тогда варежки и носки распушатся, будут хорошими.

Директор подбодрил.

— Найдем мыло. Шерсть нашли — и мыло найдем.

Агафья, и правда, вязала очень быстро, многих женщин научила. Вязали вечерами при тусклом свете, садились около окна в рядок. Когда уже становилось совсем темно, то зажигали коптилку.

За пару дней выросла целая стопка носков и варежек. Работница опорного пункта Антонина Николаевна Каменова, ответственная за хозяйство, приняла носки «на баланс». Дело в том, что пряжа была тоже в дефиците, поэтому носки и варежки внимательно пересчитали и выделили кусочек мыла для стирки. Сушить носки повесили в цехе переработки плодов. Антонина Николаевна была настолько ответственной, что все боялась, как бы носки не пропали.

— Кто здесь? — строгим командирским голосом окрикнула она входившего в цех переработки человека.

— Начальство, — усмехнулся Лисавенко.

— Ой, Михаил Афанасьевич, а я носки стерегу! А то мало ли кто зайдет, носки-то для фронта. За ними глаз до глаз!

— Это, конечно, правильно, Антонина Николаевна. Только рабочий день-то в самом разгаре, вас-то, поди, уже потеряли. Интересно, сколько рабочего времени сохнут носки? Час или два?

— Ой, Михаил Афанасьевич, бегу-бегу. Пусть висят, кому они нужны.

Вечером Антонина Николаевна принялась также ответственно, как развешивала, собирать носки. И... — о ужас! — она не досчиталась одной пары. Побежала сразу к начальству: «Караул, носки пропали!»

Михаил Афанасьевич сидел за столом и что-то писал.

— Да вы присядьте, Антонина Николаевна. Куда же они могли пропасть. Носки без ног не уйдут.

А та во все стороны махала руками: «Висела двадцать одна пара, а сейчас — двадцать! Я на три раза пересчитала: двадцать!».

Лисавенко продолжал:

— Успокойтесь, сейчас разберемся. Кто-то, может, заходил?

Антонина Николаевна вдруг, словно ошпаренная, выпучила глаза:

— Ой... матушки!

Лисавенко не выдержал:

— Да что вы причитаете!

Антонина Николаевна схватилась руками за голову:

— Да, кажется, я догадываюсь, кто взял носки.

Лисавенко выдохнул:

— Ну вот и славно, нашлись, значит! А вы шум поднимаете! Идите к тому, кто взял, и заберите. Проблем-то.

Директор встал из-за стола, словно намекая на то, что провожает Антонину Николаевну, которая мешала ему сосредоточиться над бумагами.

Та намек поняла, быстро вышла из кабинета. Но только Лисавенко сел за стол, в кабинет кто-то вновь постучал.

— Входите!

— Это я, Михаил Афанасьевич.

На пороге вновь стояла взволнованная Антонина Николаевна.

— Ну что еще?

— Вы уж простите, но я за носками!

Лисавенко непонимающе посмотрел на сотрудницу.

Та продолжала:

— Вы же только и были в цеху. А потом носки пропали. Лисавенко хотел было хлопнуть кулаком по столу, но сдержанно встал и внимательно посмотрел на Антонину Николаевну:

— Действительно, был. И носки-то как раз моего размера висели.

Антонина Николаевна схватилась за сердце.

— И правда, вашего!

Лисавенко снял с вешалки фуфайку и спокойным голосом сказал:

— Ну что, пойдете на место преступления. Будете брать меня с поличным.

Всю дорогу Антонина Николаевна охала, а уже в цеху судорожно принялась бегать под веревками и считать носки: «Одиннадцать, двенадцать, двенадцать, ой, двенадцать уже было... Так вот же они, двадцать первые».

После Михаил Афанасьевич от души хохотал и копировал рачительную Антонину Николаевну. Сделав испуганное лицо, он поднимал руки и быстро перебирал ими воображаемые носки на веревке, при этом высоким голосом кричал:

— Двадцать, а тут висело двадцать одна пара. Нет пары! Караул!

А уже потом своим голосом добавлял:

— Ох, эти бабенки! На воровстве поймали! Стыд и срам! И опять хохотал как мальчишка.

В конце 1942 года в газете «Красная Ойротия» вышла заметка «Фронту — от трудящихся Ойротии», в ней говорилось:

«Колхозники, рабочие и служащие нашей области проявляют большую заботу о воинах Красной армии, принимают все меры, чтобы теплее одеть их в зиму. Только за последние три месяца по области собрано: полушубков 150, пимов — 1127 пар, овчин — 1000 штук. Шерсти — 4 380 кг, шапок — 144, носков шерстяных — 760 пар».

СТАНЦИЯ

В сложные военные годы, 1 июля 1943 года, произошло знаменательное событие, совпавшее с датой организации опорного пункта: распоряжением Совнаркома РСФСР пункт был реорганизован в Алтайскую зональную плодово-ягодную станцию.

Такие перемены позволяли еще больше расширить работу.

Ольга Александровна Баранова рассказывает:

«Лисавенко шел к этому, добивался всеми силами, чтобы пункт стал краевой станцией и мог работать уже на весь Алтайский край. Сохранились записки, что, несмотря на тяжелое военное время, коллектив отметил этот день праздником, даже была выпущена памятная стенгазета. О том, как появилась станция, есть предыстория. В феврале 1943 года Михаила Афанасьевича вызвали в Москву, он должен был отчитаться о работе опорного пункта за 10 лет на совещании наркомзема РСФСР (Народный комиссариат земледелия СССР). Лисавенко подготовил большой доклад: все подробно расписал, какие культуры на опорном пункте были, что с чем скрещивали, сколько саженцев получили и т. д. Председателем комиссии был товарищ Жильцов, и, конечно, вся комиссия аплодировала работе Лисавенко, потому что он столько всего делал и при этом не просил денег, полностью отказался от финансирования.

После отчета Михаилу Афанасьевичу выдали грамоту, причем уникальную — она была не напечатанная, а нарисованная. Видимо, в военное время было не до грамот, но наркомзему так захотелось поощрить Лисавенко, что они специально для него нашли художника и грамоту нарисовали. Сейчас этот документ хранится в музее Института НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко. Скорее всего, именно после такого теплого приема Михаил Афанасьевич и обсудил с Жильцовым возможность перевести опорный пункт в станцию. Документы с распоряжением Жильцова пришли как раз в июне 1943».

Михаил Афанасьевич, как только был получен статус станции, сразу же пошел к властям Ойротии просить дополнительный участок земли. В 1943 году станции прирезают

еще 681 га, в том числе отдают заросшую пашню от соседнего колхоза. Теперь у Лисавенко на балансе 852 га земли. К концу 1943 года экспериментальная база теперь уже Алтайской зональной станции имела: двухэтажное здание лаборатории, 13 жилых домов для сотрудников, 2 барака, 3 теплицы и оранжерею, 3 склада, упаковочный сарай, мастерскую, здание для переработки плодов и ягод, 3 подвала для зимнего хранения овощей, конюшню, столовую, магазин, баню.

В 1943 году станция впервые приобрела старый гусеничный трактор, нефтяной двигатель, два бензиновых мотора. Это позволило вспашку и молотьбу делать с помощью механической силы. Конское поголовье в 1943 году состояло из 32 лошадей. Была и своя молочная ферма из 9 коров и бычка. Помимо молочных продуктов, которые использовали сотрудники, активно шел в дело навоз для парников и удобрений почвы. Имелась также у станции своя пасека в 50 пчелосемей для опыления садов. Можно сказать, что за 9 лет на голом пустыре Лисавенко создал целый поселок.

В честь реорганизации пункта в станцию вышла статья в газете «Красная Ойротия», где Лисавенко сообщает:

«Старожилы не узнают теперь когда-то пустынного Татанакского лога, примкнувшего сейчас к городу в виде красивого зеленого оазиса. Здесь на склонах пологих гор раскинулся большой и богатый сад, насчитывающий 85 гектаров плодово-ягодных и декоративных насаждений. Это поистине живая лаборатория алтайского садоводства и его научно-производственная база. Достаточно сказать, что в нашем саду насчитывается более 800 сортов плодово-ягодных растений, что питомник опорного пункта выпустил свыше 100 тысяч саженцев плодовых деревьев и около полумиллиона саженцев ягодных кустарников» (Беседа с директором Алтайской зональной плодово-ягодной станции) // Красная Ойротия. — 1943. — 4 июля (№41).

С этого времени расширяется ареал деятельности опытной станции. Организованы опорные пункты в среднегорье Алтая (в Чемале), в степной зоне (в Шипуновском районе в колхозе имени Молотова), в лесостепной зоне (Барнауле), созданы питомники в с. Соузге и г. Новоалтайске.

*Опорный пункт. Саженьцы везут на телеге, запряженной коровой.
Ойротская автономная область. 1941-1945 гг.*

Ольга Александровна Баранова добавляет:

«В Чемал была перенесена работа по селекции косточковых культур, в Барнауле развернулась работа по сортоиспытанию гибридной смородины, малины и других культур на площади 10 га».

Директором Чемальского опорного пункта был назначен Олег Николаевич Мятковский, выпускник плодоовощного института им. И. В. Мичурина (1941 год). В своих воспоминаниях он так описывает Михаила Афанасьевича:

«Лисавенко окружал себя коллективом дружных тружеников, работой которых можно было гордиться. И он умел каждого вдохновить на долгие годы честного спокойного труда в коллективе. В сближении с людьми ему помогали общительность характера, огромная эрудиция, блестящая память на имена и фамилии и, конечно, неизменно оптимистическое настроение, тонкое чувство юмора в высказываниях. Михаил Афанасьевич всегда вел подвижный образ жизни. Он часто бывал в экспедициях и экскурсиях, где много ходил пешком, ездил верхом

или в повозке, в кузовах или кабинах грузовых автомашин. В поездках он был чужд комфорта, довольствовался скромным провиантом и любил спать по ночам не в помещении, а прямо на земле, будь то в тайге — под кедром, в горах — под нависшей скалой или в широкой степи под необъятным звездным небом. Лишь в ненастье он соглашался на ночлег под крышей, но и тут предпочитал крышу сеновала или обычного сарая. Лисавенко всегда окружали ищущие люди, люди-созидатели. Он симпатизировал им, видимо, потому, что сам был именно таким — всегда ищущим, всегда создающим» [196].

Нужно еще отметить, что в годы войны был острый недостаток семян овощных культур. Ойротия не имела своих семян — колхозы и частники пользовались завозными. Станция же уже в 1943 году из своих семенников вырастила 886 кг семян свеклы столовой и сахарной, 126 кг семян моркови.

Очень интенсивно шла в военные годы селекционная работа.

Ольга Александровна Баранова приводит такие данные:

«Из гибридов 1937–1938 годов скрещивания были выделены первые 18 сортов черной смородины Голубка, Алтайская десертная, Зоя, Кокса, Каракол, Бия, Катунь и другие. Были получены сорта яблони Горноалтайское, Пепинка алтайская, Алтайский голубок. И многие другие сорта и гибриды».

Много сил потратил Лисавенко на развитие сети колхозных садов на Алтае. Он переписывался со многими председателями колхозов, садоводами, готовил для них саженцы и семена. Мы нашли воспоминания садовода из Алейского района Василия Степановича Дубского:

«Шли тяжелые годы Великой Отечественной войны. Я, по приглашению Михаила Афанасьевича, приехал на опорный пункт. Как сейчас помню — зашел в контору и спросил, где можно увидеть Лисавенко. Он в это время с несколькими товарищами сидел за большим столом. Они что-то деловито обсуждали. Увидев меня, Лисавенко прикрыл беседу, встал и пошел мне навстречу и, не спрашивая, кто я, дружески пожал мне руку и сказал:

— Таким именно я вас и представлял, Василий Степанович.

Он взял меня под руку и сразу повел в сад. Мы шли с ним с участка на участок, от дерева к дереву, и он с до-

стоинством ученого объяснял мне, что уже удалось сделать по развитию садоводства на Алтае, что пункт собирается делать в ближайшие годы, рекомендовал и советовал, что нам надо делать в своем колхозе.

Весь день я пробыл с Михаилом Афанасьевичем. По его указанию мне были приготовлены два мешка с лучшими сортами саженцев яблонь, смородины, сливо-вишневых гибридов, клубни и семена различных цветов.

На следующий день рано утром он сам разбудил меня (я спал у него в кабинете на диване) и сказал, что пора ехать, мои саженцы уже погружены на машину.

Прощаясь, он советовал:

– Смело берись, Василий Степанович, за дело. Трудностей будет немало, но ты пропагандируй садоводство среди колхозников. Они поддержат. Мы тоже будем всячески помогать.

Окрыленный теплой встречей, деловыми советами и помощью Михаила Афанасьевича, я с энтузиазмом взялся за расширение сада в своем колхозе. К концу войны наш колхозный сад составлял уже 12 гектаров» [38].

ЗАЩИТА ЛИСАВЕНКО

В конце 1943 года Михаил Афанасьевич приступил к написанию диссертации. В советских книгах о Лисавенко есть упоминание о том, что получить ученую степень его подтолкнул ойротский секретарь обкома партии, он даже предоставил пустующий кабинет в обкоме, чтобы Михаил Афанасьевич мог закрыться и спокойно писать. Так это было или нет – уже не установить. Но в любом случае (в обкоме или у себя на станции писал Лисавенко диссертацию) Михаил Афанасьевич понимал важность образования и всегда выступал за то, чтобы сотрудники учились.

Организация опорного пункта отнимала у директора столько сил и времени, что до диссертации у него самого долго не доходили руки. Он говорил: «Какая диссертация?! Я на письма не успеваю отвечать...» В 1943 году экстренно взявшись за научную работу Лисавенко, скорее всего, подтолкнуло

еще и известие о том, что эвакуированный в Ойрот-Туру Мичуринский институт стали готовить к реэвакуации — то есть к возвращению в Мичуринск (уже в январе 1944 года ученые и студенты стали разъезжаться). Михаил Афанасьевич был очень умный, начитанный, близко общался с учеными из эвакуированного Мичуринского института. Естественно, пока вуз прямо у него под боком, в Ойрот-Туре, — это отличный момент для защиты диссертации. Кстати, за диссертацию взялся в 1943 году не только Лисавенко, но и сотрудник станции Зинаида Ивановна Лучник. С научной работой «Декоративные растения Горного Алтая» она тоже успела защититься, пока вуз был на Алтае.

Из воспоминаний Надежды Ивановны Кравцевой становится ясно, что диссертацию Лисавенко написал достаточно быстро — за несколько недель:

«Это была победа и радость для всех нас. Просто и ясно написанная всего на 50 страницах диссертация привела в порядок все вопросы, связанные с ягодниками, определила цели и задачи селекции по каждой культуре. Спустя многие годы эта работа являлась настольной книгой для селекционеров из разных регионов страны».

Тема диссертации Лисавенко звучала так: «Селекция ягодных культур на Алтае». Публичная защита состоялась 29 декабря в Ойрот-Туре на открытом заседании Ученого совета института им. И. В. Мичурина. Свое выступление Михаил Афанасьевич начал с благодарностей кандидату наук Нине Михайловне Павловой «за помощь, оказанную ею Алтайской плодово-ягодной опытной станции в работе по сортоиспытанию и селекции ягодных культур, а также Надежде Ивановне Кравцевой, научному сотруднику по ягодникам, которая с 1938 года по сей день ведет кропотливую, напряженную исследовательскую работу на селекционных и сортоиспытательных участках станции наряду с производственной на них деятельностью» [36].

Заметка в газете «Красная Ойротия» сообщает, что на заседании присутствовало большое количество слушателей из числа партийно-хозяйственного и советского актива города, студенты института. Оппонентами выступили доктор

Валентина, приемная дочь Лисавенко. Конец 1940-х гг.

сельскохозяйственных наук профессор Н.Г. Жучков и директор института, кандидат сельскохозяйственных наук И.Н. Симонов. Защита диссертации Лисавенко прошла успешно.

Интересная деталь: профессор Николай Григорьевич Жучков по приглашению самого Мичурина возглавлял кафедру плодоводства института и получил в 1936 году звание кандидата наук без защиты диссертации (поскольку его труды по плодоводству имели признание во всем научном мире). А вот свою докторскую Жучков пытался защитить много лет, и несколько раз ему отклоняли работу из-за плохой политической характеристики. Но он не сдавался и, наконец, защитился в самый разгар войны в марте 1942 года. Из Ойрот-Туры он поехал, в прямом смысле рискуя жизнью, через Москву и Ростов, где шли кровопролитные бои, в Тбилиси. Здесь на заседании ученого совета Сельскохозяйственного института им. Л.П. Берии ему была присуждена давно заслуженная степень доктора сельскохозяйственных наук. Возвращался он тоже через фронт, где чуть не погиб под бомбежками. Говорят, вернувшись в Ойротию, он шутил со студентами, что защита — это не страшно, а вот дорога до защиты — поседеть можно.

Лисавенко получил много поздравлений с защитой диссертации. В газете «Красная Ойротия» есть даже заметка, как Михаила Афанасьевича поздравляют облисполком и обком ВКП(б). Рядом с этими поздравлениями — статья самого Лисавенко, где он пишет:

«Дать фронту и тылу как можно больше высококачественной витаминной продукции — составляет нашу неустанную работу. Сейчас на нашей экспериментальной базе идет строительство двух новых теплиц. Они позволят нам выпустить в этом году ранние овощи, в которых город обычно ощущает острую нужду. К весне мы сможем удовлетворить значительную часть потребности ойротских колхозов и других хозяйств в овощных семенах. Работу по овощному семеноводству мы расширили, обратив внимание на выращивание таких дефицитных семян, как морковь и капуста. Вместе с тем мы будем продолжать работу по внедрению в Ойротии сортового картофеля и новых культур, в первую очередь кукурузы. Значительно в этом году возрастет научно-исследовательская работа станции с открытием

ее филиалов в других районах Алтайского края. На самой станции ожидается массовое плодоношение гибридов плодовых и ягодных растений, из которых будут отобраны новые ценные сорта для продвижения их в производство» [109].

1944 ГОД

Защита диссертации Лисавенко состоялась накануне Нового года. 1944 год Лисавенко отметил особенно радостно, даже поставил дома небольшую елочку. А все потому, что в семье появилась дочка Валя. Приемная дочь Валентина Лисавенко рассказывает:

«В 1943 году меня удочерила семья Лисавенко. Мои родители погибли, и родная тетя Лиза, подруга Евдокии Спиридоновны, написала в Ойрот-Туру письмо, что если у них есть возможность, то забрали бы они меня, иначе отдадут в детдом. У Михаила Афанасьевича и Евдокии Спиридоновны своих детей не было, но они очень хотели. За мной приехала Евдокия Спиридоновна в Новосибирск и с первого взгляда, с первого объятия стала мне мамой... Мне было пять лет, но я хорошо помню этот момент. Я была худющей, как маленький скелетик, она меня обняла нежно-нежно. И так я до самого дома с ее рук не слезила...

Помню как зашла в дом. Внутреннее убранство комнат было очень простое. Единственная роскошь — старый ковер на стене. Но под Новый год, видимо, специально для меня, появлялась пушистая елка, украшенная красивыми игрушками. А еще помню, что в декабре расцветала большая японская камелия в глиняном горшке. На подоконниках в нашем доме в Ойрот-Туре стояли горшочки с цикламенами и розами всевозможных цветов и оттенков».

В начале 1944 года пришло Лисавенко и очень теплое письмо от пасынка Шуры — воздушного стрелка-радиста авиационного полка. Это письмо обнаружила в документах Лисавенко Ольга Александровна Баранова, она говорит:

— Это единственное письмо от Шуры, которое мне встречалось. Он пишет Лисавенко: «Дорогой дядя Миша, по-

здравляю вас с успешной защитой диссертации и званием кандидата наук! Я стою на посту и обнимаюсь с винтовкой, а хотелось бы обниматься с девушкой. Сегодня вечером мы полком пойдем в театр, там будет опера. Говорят, что хорошая». Полк стоял в Казане, и между боями летчики могли отдохнуть и даже сходить в театр.

В марте 1944 года станция получает радостное известие: приказом Народного комиссара земледелия РСФСР за лучшие показатели в научной работе, внедрение достижений науки в производство и помощь колхозам Алтайская плодово-ягодная опытная станция (директор товарищ Лисавенко) награждена почетной грамотой и ей выдана премия в размере 10 000 рублей. В своем приказе Народный комиссар земледелия отмечает огромную работу, проведенную станцией:

«В течение 1943 года станция передала в производства два новых сорта яблонь и вывела 27 перспективных элит плодово-ягодных культур, имеющих большое хозяйственное значение для развития плодоводства в Сибири».

Но хорошие новости омрачились болезнью. Весной 1944 года Михаил Афанасьевич попал в больницу. Из Ойрот-Туры его направили в хирургию в Бийск и чуть не отрезали палец. Говорят, что у него довольно часто вскакивали на теле фурункулы и гнойники, а тут он, видимо, поранил палец, тот сильно воспалился и начал гноить. Чудом директор станции избежал ампутацию. После этого случая врачи рекомендовали ему следить за обменом веществ и даже дали направление на лечение в санаторий в Белокурихе, где он находился в июле 1944 года. Из санатория Лисавенко постоянно писал письма на станцию в Ойрот-Туру, переживал за урожай, волновался: как идет работа? Эти письма очень хорошо показывают характер Михаила Афанасьевича — то, как он всегда старался думать о людях. Вот он пишет 13 июля Надежде Кравцевой, которая на станции была председателем рабочего комитета, — почему до сих пор на полях станции не установили летние души. Такая жара стоит, люди в поту с утра до ночи работают, необходим душ, чтобы после работы человек мог помыться и чистым идти домой. Тем более что сколотить душ не сложно, найти бак для воды — тоже...

Александр Усанов, пасынок М. А. Лисавенко. 8 сентября 1942 г.

Часто писал Лисавенко и домой, поддерживал Евдокию Спиридоновну, ведь летом 1944-го вдруг прекратились письма от Шуры. Валентина Михайловна Лисавенко вспоминает:

«Я была ребенком, но помню, как горько плакала мама, как ждали хоть какую-то весточку от Шуры. Похоронка долго не приходила, а потом родители узнали, что Шура погиб. Но никаких подробностей, ничего не было известно. Это был огромный удар и для мамы, и для отца...»

Сегодня, когда оцифрованы многие архивы, мы можем найти то, о чем молчали фронтовые похоронки, — сведения, при каких обстоятельствах погиб Шура. Но ни Михаил Афанасьевич, ни Евдокия Спиридоновна, увы, не узнали об этом...

Благодаря воспоминаниям Валентины Лисавенко мы выяснили, что у пасынка Шуры была фамилия Усанов. Через базу данных пересмотрели всех Усановых и нашли именно Александра Усанова, 1922 года рождения, призванного из Ойрот-Туры...

В письме Шура робко называл Лисавенко «дядя Миша», но во фронтовой анкете в графе «отец» он написал своей рукой «Лисавенко Михаил Афанасьевич». Он действительно считал его родным человеком. Погиб Шура 13 июля 1944 года. В документах, которые мы нашли, указано, что «Усанов Александр Владимирович, сержант, воздушный стрелок-радист 35-го бомбардировочного авиационного полка 219 Бомбардировочной авиационной дивизии, погиб при выполнении боевого задания по уничтожению позиций противника в районе северо-западных и юго-западных окраин Хлебычин, Лесны. От прямого попадания снаряда загорелся правый мотор, самолет ПЕ-2 развернулся на свою территорию и горящим приземлился в районе Пипаровцы. По наблюдению других экипажей, из самолета выбросился один человек на парашюте, место приземления которого не наблюдали. Судьба экипажа неизвестна».

В журнале боевых действий частей 219-й бомбардировочной авиационной дивизии мы нашли описание 13 июля 1944 года и упоминание про Александра Усанова:

«В течение дня 13.07.1944 дивизия произвела боевой вылет на бомбардирование узлов сопротивления и огневых

средств противника на окраинах и в пункте Хлебычин-Лесны и Торговица. Удар нанесен в период 12:45–12:54 двумя группами 9-и и 18-ти ПЕ-2 с горизонтального полета под прикрытием 6 Ла-5 на девятку с высот 900-1200 метров, одним заходом, колонной девяток, девятки в клину звеньев. Первые две девятки 35-го бомбардировочного авиационного полка, ввиду низкой облачности, к цели подходили на высоте 900 метров, в результате чего группа была обстреляна интенсивным огнем зенитной артиллерии противника и сбито два самолета ПЕ-2».

В одном из этих самолетов и был Александр Усанов. В отчете указано:

«Из этой группы прямым попаданием снаряда зенитной артиллерии сбит самолет ПЕ-2 (летчик младший лейтенант Шестаков, штурман младший лейтенант Богатский, стрелок-радист сержант Усанов). Кроме того, было подбито еще два самолета ПЕ-2, которые возвратились на свой аэродром и произвели нормальную посадку».

Вот так погиб Александр Усанов. Военные архивы были рассекречены только в 2009 году, поэтому ни Евдокия Спиридоновна, ни Михаил Афанасьевич никогда не узнали подробностей того страшного дня 1944 года. Также они не узнали, где могила их сына. О Шуре всю жизнь они хранили самые теплые воспоминания...

ПОБЕДА

Как отметила станция известие о Победе в 1945 году, написала Надежда Ивановна Кравцева в книге «Человек большого сердца»:

«9 мая, когда узнали, что конец войне, которого ждали так мучительно долго, никто не скрывал ликования и слез. А когда из города сообщили, что будет митинг, Михаил Афанасьевич разрешил обрезать для оформления колонны цветущий миндаль-бобовник, хотя до этого берег каждый кустик. Миндаль словно специально расцвел ко Дню Победы. Мы шли гордые и счастливые, неся в руках ветки, уни-

занные ароматными цветами, похожими на крупные снежинки, порозовевшие на ярком солнце. А впереди колонны с розовой веткой в руке шагал и наш директор. Рядом с ним шел знаменосец и красное полотнище то опадало, то опять развивалось от порывов весеннего ветра» [38].

Лисавенко часто выступал в газетах; вдохновленный Победой, он подготовил в «Красную Ойротию» праздничную статью «Зацветут сады лучше прежнего»:

«Окончились суровые дни Великой Отечественной войны. Советский народ, окрыленный победой, вступает в период мирного труда. И эту жизнь мы должны украсить радостными цветущими садами. Задача нашей научно-исследовательской работы, которую мы перед собой ставили раньше и с особой силой и энергией будем проводить сейчас, — это выведение новых улучшенных сортов плодовых и ягодных растений для колхозных и приусадебных садов.

Уже сейчас, пересматривая стандартный сортимент плодово-ягодных культур, который был установлен в 1940 году, мы изъяли из него ряд малоценных сортов и те сорта, которые плохо выдержали зиму 1944–1945 годов, отличившуюся чрезвычайно длительными низкими температурами» [81].

О том, чем жила станция в 1945 году, хорошо видно из статьи О. Н. Мятковского, директора Чемальского опорного пункта пловодства. В газете «Алтайская правда» за 1945 год он сообщает:

«Сегодня на Алтайской опытной станции растут и плодоносят 431 сорт яблони, 37 сортов груши, 22 сорта сливы, 49 сортов винограда, 104 сорта смородины, 94 сорта крыжовника, 47 сортов земляники, 60 сортов малины и ежевики. Здесь же собрана богатейшая коллекция диких видов и форм плодовых и ягодных растений — одна только дикая смородина взята более чем из 400 точек земного шара. На станции собрано 800 сортов и видов дикорастущих растений, среди которых 208 видов культурных многолетников, 120 сортов роз, 60 сортов гладиолусов, 203 вида европейских, дальневосточных и северо-американских деревьев и кустарников и 74 вида диких алтайских многолетних цветочных растений.

Опытной станцией уже выведено восемь новых сортов яблоны, груши, смородины, земляники и пять сортов многолетних цветов. Гибридный фонд на одной только яблоне составляет 27 000 растений. На станции прошли испытания свыше 100 сортов овощных культур и ведётся их семеноводство, дающее ежегодно 1000 кг семян».

Летом 1945 года Михаил Афанасьевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Этим же летом на станцию приезжает известный публицист Мариэтта Шагинян (с 1922 по 1948 годы она работала специальным корреспондентом газеты «Правда»). Шагинян поражена чудесным садом, который организовал Лисавенко, она очень красочно описывает свои впечатления:

«Словно где-нибудь в Кисловодске, на горном склоне фантастическое великолепие цветников. От них шла теплая волна густого аромата. Были тысячи роз всех оттенков, от пурпурных до бледно-розовых с подпалиной. Стеной стояли белые табаки, огненные пионы, синие георгины, оранжевые лилии. Тут не было клумб и скамеек, тут просто сияло, как в поле, несметное богатство красок. А дальше, за цветниками, шли ягодники, ещё дальше — фруктовый и ботанический сад.

Перед нами была гордость Алтая, — показательный «Плодово-ягодный питомник» Зональной алтайской станции.

Наверху, в конторе, мы познакомились с невысоким мечтательным человеком в очках, совсем не похожим с виду на практика, — Михаилом Афанасьевичем Лисавенко. Быстрым молодым движением подхватив кепку, хозяин ведёт нас для начала в несчётные, густо обсаженные аллеи ягодника. Бережно, по-хозяйски он время от времени указывает нам на ветку, на куст, на ягоду — не угощает, а даёт пробовать. И мы пробуем не спеша. Лёгкие и мохнатые, как пчёлы, нагретые солнцем ягоды малины; россыпи красной смородины, крыжовника, густые кисти крупной чёрной смородины, лучшей и самой витаминной в мире.

Лисавенко собрал дички смородины из четырёхсот мест Сибири, вырастил около сотни тысяч кустов, создал много

гибридов и, не глядя, говорит: «Эту не рвите, грубый сорт, попробуйте вон ту», — и мы кладём её в рот, понимая тайну вкуса этой единственной ягоды на языке, в промежуток меж разговором, глубоким дыханием и медленным движением.

В яблоневом саду вы в первую минуту разочарованы: так малы красные, сморщенные, как старушки, яблочки, знаменитые «сибирские ранетки». Но садовод глядит на них любовно, ведь они — прародители сибирского яблока. Он никогда не наступит на упавший плод, никогда не позволит себе откусить и бросить его, и вы тоже этого при нём не сделаете. Огромный труд человеческий, почти материнский уход, месяцы и годы терпения вложены в сибирские плодовые сорта».

Шагинян несколько дней гостила дома у Лисавенко и сдружилась с супругой Михаила Афанасьевича Евдокией Спиридоновой. Видимо, в личных беседах они обсуждали самую горькую для Евдокии Спиридоновны тему — смерть на фронте сына Шуры. Сохранились письма, где Шагинян пыгается поддержать Евдокию Спиридоновну и говорит ей о том, что теперь у нее есть дочка Валя, нужно всю заботу подарить ей.

Так и происходит. Евдокия Спиридоновна и Михаил Афанасьевич обожают свою приемную дочку. Есть очень теплые фотографии, где Михаил Афанасьевич держит Валю на коленках, а она радостно смеется.

Валентина Михайловна Лисавенко нам рассказывает:

— Отец очень меня любил. Из детства часто вспоминаю, как он приходил домой утомленный, ужинал и вновь садился за свой письменный стол. Но при этом и со мной, и с мамой был ласковым. Любил приговаривать: «Мое дорогое семейство... Ну как вы тут, мое дорогое семейство...». Как мама сдружилась с Шагинян? Да Евдокия Спиридоновна всех очаровывала, кто приходил в наш дом: мама была изумительной хозяйкой. Она держала в Ойрот-Туревскую корову, на парном молоке заводила тесто, и из домашних сливок делала такой крем для торта «Наполеон» — ну это просто сказка. И все заезжие высокие персоны, когда у нас обедали, пели восхищенные дифирамбы маминому кулинарному и пекарскому таланту. Когда я повзрослела, все

не могла понять: ну откуда у нее такое умение? Ведь бабушка, мать Евдокии Спиридоновны, умерла, когда маме было всего 13 лет. Откуда она научилась так готовить — загадка. Михаил Афанасьевич очень любил мамины пироги.

В 1945 году Лисавенко часто бывает в Барнаул и даже печатает в газете «Алтайская правда» свои материалы. Он написал несколько очерков про барнаульских садоводов-опытников. Из этих материалов понятно, что Михаил Афанасьевич давно и хорошо знаком со своими героями. Один из очерков назывался «Золотой старик». В нем говорится о садовом с улицы Молодежной (бывшая 9-я Алтайская), 70-летнем Григории Наумовиче Тарала. Лисавенко очень трогательно описывает, что на следующее утро к нему в гостиницу пришел Тарала и попросил саженцы для садика, который он хотел обустроить для детского дома. Другой очерк «Учитель-опытник» рассказывает о барнаульском учителе Николае Сергеевиче Маркине, который на участке возле своего дома выводит отличные сорта красной смородины.

Частые визиты к опытным Алтая не случайны. В августе 1945 года по решению Совнаркома СССР началась Всесоюзная перепись плодово-ягодных насаждений, Лисавенко принял в ней самое активное участие. К переписи садов в Ойротии Михаил Афанасьевич привлек студентов, проходящих практику на станции. Среди них была и Ида Павловна Калинина — студентка Ойротского сельскохозяйственного техникума, которая станет его ученицей, а затем и директором Алтайской опытной станции садоводства.

В своих воспоминаниях Ида Павловна напишет:

«В том далеком 1945 г. мне посчастливилось впервые общаться с Михаилом Афанасьевичем, когда мы с Мариной Кондратьевой, студентки Горно-Алтайского сельскохозяйственного техникума, пришли на производственную практику на опытную станцию. Он принял нас доброжелательно, по-отечески, определив мне в руководители своего заместителя по науке, известного ученого Николая Николаевича Тихонова. Под их руководством я и овладевала навыками селекционной работы.

После окончания техникума М. А. Лисавенко пригласил меня на работу техником по селекции и сортоизучению яблоки, а осенью того же 1946 года направил на учебу в Москву в сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева. Первые два года учебы опытная станция поддерживала меня материально. Никогда не забуду, как помогал мне Михаил Афанасьевич перебраться с агрономического факультета на плодоовощной. В техникуме я получила специальность агронома-полевода, и, несмотря на мое заявление, характеристику, подписанную М. А. Лисавенко, меня зачислили на агрономический факультет ТСХА, а не на плодфак. Михаил Афанасьевич писал письма профессорам П. Г. Шитту, В. И. Эдельштейну, прося о содействии в моем переводе на плодфак. Удалось это сделать лишь на 3 курсе.

Каждое лето я приезжала домой на каникулы, и Михаил Афанасьевич всегда находил время для бесед со мной, давал возможность заработать на обратный проезд до Москвы» [43].

Студенты, видя самого Лисавенко в саду, робели. Вот трогательные воспоминания тех лет:

«Сквозь негустую прядь ветвей и листвы молодых деревьев мы увидели человека небольшого роста, но коренастого, плотно сложенного. Он медленно шел, слегка покачиваясь, и о чем-то сосредоточенно думал. Руки сцеплены за спиной, голова чуть наклонена вперед, глаза зорко осматривают попадающиеся на пути случайные предметы. Увидит, подойдет, покачает находку ногой, рассматривая со всех сторон, и отшвырнет за ненадобностью к краю аллеи, чтобы не мешала ходить. А если увидит бумажку, кем-то оброненную, непременно вытащит спички и эту бумажку сожжет. Идет внимательный и рачительный хозяин большого хозяйства и коллектива, которые зовут опытной станцией. Практика шла своим чередом. Каждый день был наполнен работой и отличался разнообразием. Нам находили возможность показать все, что касалось садоводства и питомниководства: посадка и обрезка деревьев, разбивка сада. Кроме того, выделялся день в неделю для работы с научной литературой. Так было заведено Михаилом Афанасьевичем.

Будущий садовод, ученый или практик, считал он, по своей специальности должен уметь делать практически все. Побывав на практике на опытной станции, студенты уже никогда не помышляли о смене профессии, были верны садоводству всю жизнь» [46].

Конечно, уже не сохранились рабочие журналы студенческих практик 40-х годов XX века. Но благодаря старым газетам мы точно знаем, как летом 1945 года в Ойротии началась Всесоюзная перепись садов. По факту этот подсчет садов наглядно показывал, чего удалось достичь благодаря усилиям опорного пункта. Ведь когда Лисавенко только приехал на Алтай, сады во всем крае можно было пересчитать на пальцах, а теперь число их увеличивалось с каждым годом в геометрической прогрессии.

В своих выступлениях в газетах Лисавенко отмечает:

«По городу Ойрот-Тура перепись начнется 15 августа, одновременно она пройдет по аймакам области. Перепись проводят органы статистического учета, но активное и непосредственное участие в ней примут научные работники по садоводству, студенты техникума и вузов, проходящие сейчас практику на Алтайской плодово-ягодной станции. Результаты переписи будут крайне интересны в том отношении, что Ойротия является новым для плодового района. Двенадцать лет тому назад мы с трудом могли насчитать в Ойрот-Туре десяток приусадебных садиков. Теперь уже наш город не завозит посадочный материал, а сам является источником его распространения. Участники переписи проверят поведение различных пород и сортов плодовых и ягодных растений, вступивших теперь в плодоношение. Породы и сорта, которые зарекомендовали себя положительно в отношении выносливости и урожайности, сорта, которые больше всего нравятся нашим садоводам, нужно будет усиленно размножить в дальнейшем. Перепись, в числе других задач, поможет детально уяснить этот вопрос, достаточно сложный в своеобразных климатических условиях Ойротии» [64].

Перепись показала, что в 1945 году в Ойрот-Туре уже насчитывается свыше 1800 приусадебных садов. Михаил Афанасьевич, конечно, был доволен такими результатами,

но считал, что и этого мало, нужно активнее развивать колхозное садоводство.

2 сентября 1945 года директор Алтайской плодово-ягодной станции вновь выступает в газете «Алтайская правда» с большой серьезной статьей «Насущные вопросы алтайского плодоводства»:

«Теперь нечего доказывать, что плодоводство на Алтае возможно. Оно давно вышло из пеленок любительства. Речь может идти о развитии товарного и промышленного садоводства в Алтайском крае. Колхозные сады, из года в год приносящие обильные урожаи фруктов и ягод, от реализации которых резко повышается доходность колхозов, — наглядное доказательство возможности и рентабельности самого широкого развития алтайского садоводства. Задача состоит в том, чтобы быстрее двигать это дело вперед. Несомненно, важнейшим вопросом являются кадры. Пожалуй, ни в одной другой отрасли сельского хозяйства не требуется такой любви и преданности к делу, как в садоводстве. Задача состоит в том, чтобы заботливо и внимательно относиться к немногочисленным пока кадрам колхозного садоводства, помогать им преодолевать возникшие на их пути препятствия. Нужно отыскать в каждом районе людей, стремящихся к работе по садоводству. Проблема обучения молодых кадров облегчена тем, что в нашем крае, в Ойрот-Тура, создана школа садоводства с годичным сроком обучения. Но школа, рассчитанная всего на 120 человек. А должна бы быть укомплектована учащимися из всех районов Алтайского края. Садоводство края нуждается в садоводах высшей и средней квалификации. Нам необходимы организаторы колхозного и приусадебного садоводства, квалифицированные техники-садоводы. Эти кадры должен готовить в первую очередь Барнаульский сельскохозяйственный техникум. В этом техникуме необходимо создать плодое отделение с учебным садом» [96].

Также Лисавенко поднимает проблему закладки питомников по всему Алтайскому краю:

«В каждом районе должен быть свой колхозный питомник. И, наконец, в крае должен быть создан мощный

государственный плодовой питомник. Нельзя принимать в расчет питомник при нашей станции в Ойрот-Тура, так как, в силу оторванности от железной дороги, он может иметь только местное значение. Крупный государственный плодовой питомник должен быть создан на пересечении водных и железнодорожных путей, и место этому питомнику — в непосредственной близости к Барнаулу» [96].

Постепенно Михаил Афанасьевич все чаще говорит о Барнауле, начинает обдумывать идею переезда станции ближе к железной дороге. Но случится это только в 1949 году. А пока еще много задач в Ойрот-Туре.

1946 ГОД

1 января 1946 года Лисавенко публикует в газете «Красная Ойротия» статью «Наука и производство», где обозначает планы станции на предстоящий год:

«В 1946 году Алтайская плодово-ягодная опытная станция будет продолжать свою работу по переделке природы — по выведению новых зимостойких и урожайных сортов плодово-ягодных культур. Так, например, для нас теперь совершенно ясно, что наиболее перспективными родительскими парами при скрещивании с целью выведения новых сортов яблонь являются: с материнской стороны сибирская мелкоплодная Ранетка пурпуровая и с отцовской — крупноплодные мичуринские сорта Бельфлер-китайка и Пепин шафранный. Мы наметили по нашему плану весной 1946 года опылить пылью Бельфлер-китайки и Пепин шафранного 4 тысячи цветов Ранетки пурпуровой. Тем самым будет создан новый ценный гибридный фонд по яблоне. Обстановка мирного времени выдвигает перед нами определенную задачу — всемерное усиление выпуска из питомника нашей станции плодово-ягодных саженцев для закладки колхозных и приусадебных садов. Если в годы войны спрос на саженцы рос неуклонно, то теперь можно полагать с уверенностью, что спрос этот еще более усилится. Для коренного разрешения задачи по снабжению Ойротии и при-

легающих районов посадочным материалом наша станция планирует организацию в 1946 году в селе Майма-Чергачак филиала своего питомника. В силу своего местоположения вблизи основного тракта этот питомник будет очень удобен для реализации саженцев» [75].

Весной 1946 года станция бросает все силы на новые опыты по гибридизации плодовых деревьев. С целью получения местных зимостойких сортов яблони проводится искусственное опыление цветков. Из отчетов мы узнали, что более 6 000 цветков опылено пылью лучших мичуринских сортов яблони Пепин шафранный, Бельфлер-китайка. И это было целое искусство.

Как проводилось в те годы опыление, нам рассказала Надежда Владимировна Ермакова, ветеран НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко, всю жизнь проработавшая на опытной станции в Горном Алтае:

«За пылью в Мичуринск специально отправляли сотрудника. Он ехал туда в период цветения яблонь, обрывал цветы и выбирал из них пыльники. Потом эти пыльники сушили, толкли в специальной ступе, чтобы аккуратно разрушить оболочку и освободить пыльцу. Кисточек тогда не было, для нанесения пыльцы мастерили самодельные приспособления: искали мягонькую стирательную резинку, нарезали из нее крошечные кусочки в форме трапеции, сажали их на иголочку, макали в пыльцу и наносили на рыльце. Причем, сделать это нужно было однократно, легким движением».

ЕЩЕ ОДНА БОЛЬШАЯ НАГРАДА

26 января 1946 года Постановлением Совета народных комиссаров СССР Михаилу Афанасьевичу Лисавенко была присуждена Сталинская премия (второй степени) «за выведение новых ценных плодово-ягодных культур и широкое внедрение их в практику плодоводства на Алтае». Документ был подписан председателем Совета Министров СССР И. Сталиным и управляющим делами Совета Министров СССР Я. Чадаевым.

Лауреату Сталинской премии второй степени полагалась денежная выплата 50 000 рублей. Деньги Лисавенко положил в банк, они ему оченьгодились через четыре года: при переезде в 1950 году в Барнаул на них он смог купить дом на улице Пролетарской, 104.

С высокой наградой Михаила Афанасьевича поздравил академик Трофим Денисович Лысенко. Он написал письмо, цитату из которого опубликовала газета «Красная Ойротия»:

«От души поздравляю Вас, Михаил Афанасьевич, с высшей научной наградой — Сталинской премией».

Лысенко в то время был президентом ВАСХНИЛ⁴, «монопольным советской биологии» — его считали непоколебимым авторитетом. С работой и успехами Алтайского опорного пункта плодводства Трофим Денисович был знаком и, конечно, без его заключения Лисавенко получить премию не мог. Ольга Александровна Баранова вспоминает, что уже в 1960-е годы, когда Лысенко, который жестко выступал против генетики, стали открыто критиковать, она беседовала об этом с Михаилом Афанасьевичем:

— Михаил Афанасьевич с досадой мне сказал: «Да я ему говорил...». То есть они общались, были лично знакомы, возможно, познакомились в Москве еще до войны на каком-нибудь сельскохозяйственном совещании. И, конечно, Лысенко мог поспособствовать тому, чтобы Лисавенко был номинирован на Сталинскую премию.

Также теплые поздравления в адрес Лисавенко прислала писательница Мариэтта Сергеевна Шагинян, очень многие ученые и садоводы со всего СССР.

ДНЕВНИК ЛИСАВЕНКО ЗА 1946 ГОД

Михаил Афанасьевич скрупулезно относился к письмам и телеграммам, старался быстро отвечать, всю корреспонденцию хранил и систематизировал по годам, в дневниках он писал только самое главное для садовода: сведения о температуре, потому что от этого зависит что будет с по-

⁴ Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина

садками. В архиве встречаются блокноты Лисавенко, где он начинает вести дневник, но через пару недель бросает. Но даже из таких «коротких дневников» мы видим, как он переживает за свое дело.

5 мая, воскресенье

Третий день не тает выпавший снег. Смородина в бутонах, яблони тоже... Высадил на «приусадебном» участке деревце ранетки Лисавенко (сорт ранетки Лисавенко, Михаил Афанасьевич назвал в честь своего отца, эту ранетку он привез на Алтай из Ачинска, известно, что ранетка сорта Лисавенко росла в бийской усадьбе Афанасия Михайловича Лисавенко. — Прим. автора) и около 30 отпрысков вишни от Ивичева из Бийска. Ездил туда 1 2 мая.

6 мая

Закончил обрезку последних 15 16 рядов ранетки Пурпуровой. Утром было -10 градусов. В прошлом году в этот день цвели яблони. После обеда потеплело, снег стаял.

7 мая

Просматривал гибриды яблони 1937 года. Ожидается хорошее цветение, если с погодой будет все благополучно. Посадил около дома по 10 клубеньков сеянцев своего картофеля.

10 мая

В связи с потеплением пошел дождь, продолжался всю ночь и утро. Зацвела *Hispidulum*.

11 мая

Утром иней. Оживает тля на яблонях, обнаружил сегодня уже жучков-листогрызов... [188]

ПАНТЮХОВ

В 1947 году в Ойрот-Туру к Лисавенко на Алтайскую плодово-ягодную опытную станцию приехал Михаил Осипович Пантюхов. Тот самый Пантюхов, который в начале 30-х годов XX века был одним из редакторов «Крестьянской газеты» и направил молодого ачинского садовода Михаила Лисавенко в Ойротию — организовывать мичуринский опорный пункт. Линия судьбы сделала невероятный круг: в 1932 году Пантюхов поверил в Лисавенко и ходатайствовал за него перед Мичуриным, а теперь Лисавенко протянул руку помощи Пантюхову. Дело в том, что в 1937 году Михаил Осипович попал под каток жестких репрессий: его исключили из членов партии «за политическую неустойчивость», а в 1939 году посадили в тюрьму. В октябре 1943 года он был досрочно освобожден (провел в лагерях три года и два месяца). Писатель Алексей Кобелев в книге «Пантюховы» пишет:

«В войну семья Пантюхова находилась в Казахстане, в городе Алма-Ата. Освободившись, он едет в Казахстан, где в декабре 1943 года экстерном сдает экзамены в республиканскую фельдшерско-акушерскую школу Народного комиссариата здравоохранения Казахской ССР и получает диплом фельдшера. С декабря 1943 по апрель 1946 он работает заведующим врачебной амбулаторией совхоза Каучук Илийского района Алма-Атинской области» [8].

Летом 1945 года Михаил Осипович случайно в газете «Правда» увидел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Лисавенко орденом Трудового Красного Знамени. Он тут же сел писать письмо:

«Надеюсь, что Вы поймете основательность моей радости, если припомните наши встречи в Топках, Москве, наши беседы, наши мечты и надежды на будущее сибирского садоводства. Я часто вспоминал Вас и только теперь узнал, что Вы прочно вросли в алтайскую почву и двигаете вперед большое дело. Жаль, что я не могу обнять Вас, пожать руку и по примеру прошлых лет выпить с Вами «малую толику».

За эти годы я пробежал большую, трудную жизнь, изведаль полынную горечь, но, по-видимому, мало изменился, и если о чем скорбит душа, то о газете, о запахе свежееоттиснутого газетного листа. Как журналиста, Вы меня знаете, знали мой рабочий темперамент. Теперь я вернулся к своей старой, надолго заброшенной специальности и врачую в меру сил и способностей человеческие недуги... Сейчас я работаю в совхозе «Каучук». Когда-то я качал колыбель каучуковой проблемы. «Все хорошо в этом лучшем из возможных миров», — говорил Декарт, если бы не было малярии, с которой мне приходится бороться и которая часто укладывает меня на обе лопатки. Очень хочу унести отсюда свои кости на милый Кавказ, но это сейчас так сложно».

Лисавенко получил это письмо 4 августа 1945 года и тут же отправил открытку, а затем написал большое письмо:

«Вы не можете себе представить как я удивился и еще больше обрадовался. Сколько лет я старался напасть на Ваш след и никак не мог (Пантюхов сидел в тюрьме без права переписки. — Прим. автора). О Вас мы, садоводы-опытники, поднимали вопрос на межкраевом съезде в Новосибирске, но ничего не могли толкового добиться. Говорили, что вы где-то на Кавказе... Нет такого человека, который бы так сделал много для меня и к которому я чувствовал бы такую сердечную симпатию, как к Михаилу Осиповичу. Сколько людей его вспоминают с глубокой благодарностью! А он, вместо того, чтобы врачевать душевные раны и воодушевлять людей, врачует телеса. Никогда не думал, Михаил Осипович, что Вы — врач! Неужели Вы, Михаил Осипович, покончили с журналистикой? Вы же божьей милостью журналист, своей природой призванный для этой работы!

Много изменилось с тех пор, как мы встречались. Из опытника я превратился в ученого, на 80 га имею сад на былом пустыре. Многие мне даже завидуют, но нет покоя «страждущей душе», не всегда бывает удовлетворение, воюю с дежачными работниками, как и прежде, всю жизнь... Трудно все... А на Алтай, по-дружески, двигать я не советую. Вам надо жить и работать в Москве. Еду туда

на днях, буду ратовать за восстановление садовых журналов, и не примете ли Вы в издании их участие? Крепко жму руки, Ваш М. Лисавенко».

Но в Москву Пантюхов поехать не смог. Его реабилитируют только в 1956 году. А пока на работу в печатные органы его никто не берет. Переписка Лисавенко с Пантюховым тянулась два года. В одном из писем Михаил Афанасьевич пишет:

«Мечтаю, что будем работать вместе. С Вашим талантом, Вашей любовью к людям, опытникам, Вы оказали бы огромную помощь сибирскому плодоводству. Вы донесли бы мысли в виде печатного слова до тех, кто этого слова жаждет».

Михаил Осипович тут же шлет ответ:

«Ваше письмо меня прямо ошеломило. Скачком из царства необходимости в царство свободы? Я положительно растерян. Я загораюсь, и тогда появляется тот «пунктик», который мешает сосредоточиться на чем-либо другом, кроме захватившего дела. Это очень мучительное свойство, особенно тогда, когда нет живого, конкретного, настоящего дела. Я сейчас нахожусь в том положении, в котором находились Вы когда-то в Ачинске, ухлопывая силы и время на развитие ненужных Вам кроликов, но Вы все же имели «для души» маленький садик, который как-то сублимировал Вашу энергию, занимал мысли. Я же буквально голый человек на голой земле.

Проходят дни, месяцы, годы, надвигается время подведения итогов, а у меня неотступная мысль: не то, не то, не то. Жить — это творить, создавать новое, нужное, переживающее короткую человеческую жизнь. Что создавать — не важно, это зависит от индивидуальности: поэму, роман, симфонию, картину, новую машину, новый сорт, нового человека и, наконец, новую маленькую человеческую радость. Если нет этого — жизнь пресна, скучна и бесплодна (как моя сейчас). Я не живу, а добросовестно существую, ведя пустую истощающую борьбу с нуждой, с повседневной мелочью во имя семьи. То, что Вы предлагаете или предполагаете, очень, очень меня интересует. Но меня интересует другое — этот институт с Вами (непосредственно) или без Вас? С Вами я согласен хоть на Чу-

котку. Без Вас для меня это предложение теряет интерес. Если дело с институтом пойдет, то я надеюсь быть полезным Вам и в этой области, о которой Вы говорите и в редакционно-издательской части. Итак, я согласен. Большое человеческое Вам спасибо за чуткость». [8]

В 1947 году Пантюхов переезжает на Алтай и получает должность ученого секретаря Алтайской плодово-ягодной опытной станции. Талантливый журналист сразу развел бурную деятельность по пропаганде садоводства в местных газетах «Красная Ойротия», «Алтайская правда», часто выступал на радио.

ЮБИЛЕЙ

Одни из первых публикаций Пантюхова на Алтайской земле — это статьи к юбилею Михаила Афанасьевича Лисавенко. В 1947 году директору Алтайской плодово-ягодной станции исполняется 50 лет.

Так совпало, что свой юбилей Михаил Афанасьевич отметил в Барнауле, с 1 по 3 октября как раз проходило первое краевое совещание садоводов Алтая, в котором приняли участие более 120 садоводов из 64 районов Алтайского края и Ойротии. Репортаж с этого совещания опубликовала газета «Алтайская правда», и начинается он с большого портрета Михаила Афанасьевича:

«На краевом совещании садоводов с интересным, насыщенным фактами докладом выступил директор Алтайской зональной плодово-ягодной станции, лауреат Сталинской премии М. А. Лисавенко. Основной темой доклада были организационные вопросы, от правильного и быстрого решения которых зависит дальнейший рост садоводства в Алтайском крае. Увеличение выпуска посадочного материала, правильный подбор сортов для различных природных зон, организация промышленных специализированных плодово-ягодных совхозов и другие насущные вопросы нашли отражение в докладе. Лисавенко особенно подчеркнул

важность усиления агрономического обслуживания садов, подготовки массовых кадров садоводов, организации учебы и обмена накопленным опытом».

Вечером участникам совещания был показан кинофильм «Цветущий сад». А второй день совещания начался с поздравления юбиляра. Сохранилось открытое письмо, которое зачитали Лисавенко садоводы — участники совещания:

«Трудно переоценить сделанное вами, Михаил Афанасьевич, для алтайского и сибирского садоводства. Многие из нас могут сказать, что стали садоводами благодаря Вам. Всем нам памятны Ваши письма, согретые дружеским теплом, Ваши простые, сердечные слова бодрости, которыми Вы поддерживали нас в дни неудач, жестоких сюрпризов суровой алтайской природы, в те тяжелые минуты, когда невольно опускались руки. Ваши письма говорят о том, с какой чуткостью Вы относитесь к людям. Ваша чуткость и отзывчивость к нуждам садоводов создали Вам, Михаил Афанасьевич, много искренне преданных, любящих Вас друзей. В день Вашего славного пятидесятилетия желаем мы Вам здоровья, бодрости, сил на долгие и долгие годы, на благо любимого всеми нами дела — алтайского садоводства!».

На этом совещании Михаила Афанасьевича наградили почетной грамотой крайисполкома и крайкома ВКП(б) и премировали золотыми часами.

Председатель крайисполкома А. М. Батамиров в своей речи отметил:

«За 27 лет научной и общественной деятельности товарищ Лисавенко внес большой вклад в дело развития новой отрасли сельского хозяйства — садоводства! За сравнительно короткое время своего существования станцией изучено свыше 1600 сортов плодово-ягодных растений. В 1946 году количество гибридов яблони достигло уже свыше 70 тысяч штук».

Лисавенко вернулся с барнаульского совещания окрыленным. В краевой столице все громче поднимался вопрос о необходимости переноса именно в Барнаул Алтайской плодово-ягодной станции. И кому как не Лисавенко приступить к решению этой задачи. Постепенно он начинает все чаще бывать в Барнауле, и уже совсем скоро, в 1949 го-

ду, Алтайскую плодово-ягодную опытную станцию перебазировали в столицу Алтайского края. Новость о том, что Михаил Афанасьевич переезжает в Барнаул, показалась его коллегам невероятной. Трудно было представить Горно-Алтайск без Лисавенко.

«Нелегко оставлять. А надо переезжать. Для дела надо. От Горного Алтая мы, можно сказать, взяли все, что можно было ввести в культуру. В Барнауле нам будет больше простора», — говорил Михаил Афанасьевич. Именно после переезда в Барнаул садоводство на Алтае начало развиваться еще активнее [196].

Электронная библиотека АГУНБ, ebookslib.ru

ПЛОДЫ

Глава третья

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

БАРНАУЛ

Афанасий Коптелов в очерке «Алтайский кудесник» пишет: «Лисавенко переезжает в Барнаул.

Меня ошеломила эта новость, показалась невероятной.

Как же так? Бросает Горный Алтай?! Словно Адам из рая, уходит на голое место!

Трудно было представить себе Горно-Алтайск без Лисавенко.

— В Барнауле ему обещают кафедру в сельскохозяйственном институте, — объяснил знакомый.

Не верилось, что ради профессорского звания Михаил Афанасьевич расстанется с горно-алтайским садом, делом его жизни. Тут что-то иное...».

В беседе с Коптеловым Михаил Афанасьевич объясняет причину переезда так: «В Барнауле нам будет больше простора. Идем не на голое место — получаем в свое распоряжение подсобное хозяйство крайисполкома. За Барнаулкой, по Змеиногорскому тракту. Высоко над Обью. От ветра прикрывает бор».

Лисавенко еще с середины 1940-х годов продумывал вопрос о переносе станции в Барнаул. Под «простором» он понимал не столько площадь (сначала на новом месте вблизи Барнаула станции выделили всего 45,7 га земли, но с дальнейшим расширением), а большой простор для научной работы и ее внедрения. Размещаясь в Ойрот-Туре, Алтайская плодово-ягодная станция была слишком отдалена от основных земледельческих районов края. Из-за отсутствия железной дороги станция оказалась буквально отрезана от садоводов степной и лесостепной зон. А именно в этих природно-климатических зонах, по мнению Лисавенко, садоводство могло бы развиваться наиболее интенсивно. В одном из своих отчетов Михаил Афанасьевич пишет: «Нехарактерность природно-климатических условий, в которых работает станция, побудила нас поставить перед правительством вопрос о переводе станции в административный и экономический центр края — Барнаул, природная обстановка которого более типична для края, нежели Ойрот-Тура. Со своей стороны мы считаем, что это будет в интересах и нашего

научного учреждения, и в интересах садоводства края, хотя на первых порах это перебазирование нашей научно-исследовательской работы создаст некоторые трудности».

Ольга Александровна Баранова поясняет:

«Когда Лисавенко только приехал на Алтай, он, конечно, сразу понимал, что Ойротия — малозаселенная территория. Чудесная природа, горы, но людей мало. Население в Алтайском крае всегда было сконцентрировано в лесостепной зоне. А где больше народу, там и нужно развивать садоводство, чтобы оно стало массовым. Горный Алтай был хорош тем, что там можно было из природы очень много взять для гибридизации. Например, в дикой природе он нашел зимостойкую черную смородину, облепиху, крыжовник. В Ойротии Лисавенко мог создать гибриды. И он это сделал. Зачем ему захотелось перебраться в Барнаул, когда в Ойрот-Туре уже все обустроено и налажено? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понимать характер Лисавенко: его главная цель была развивать садоводство для всего края. А для этого необходимы не просто саженцы — нужны сорта. Для лесостепной зоны он планировал создать новые сорта. И эта работа требовала переезда в Барнаул».

Михаилу Афанасьевичу — 52 года, а судьба вновь толкает его все начинать сначала. Когда-то в Ачинске он закладывал свой первый сад, потом в Ойрот-Туре жил под навесом и покорял Татанаковский лог, а вот теперь — Барнаул. Может показаться, что этот переезд дастся ему чуть проще. Ведь сейчас Михаил Афанасьевич — лауреат Сталинской премии, заслуженный директор станции, доктор сельскохозяйственных наук (степень доктора он получил 19 марта 1949 года). Но сложностей на новом месте поджидало очень много...

Не все на станции были рады долгожданному для Михаила Афанасьевича распоряжению Совета Министров СССР №17015 от 26.10.49. Согласно этому документу Алтайская зональная плодово-ягодная станция официально переведена с прежней своей базы в Горно-Алтайске в Барнаул. Получалось, что в Горно-Алтайске теперь уже не станция, а лишь опорный пункт, который потом станет «экспериментальной базой станции». Пусть не прямо, а за глаза,

но некоторые сотрудники возмущались такому раскладу и даже писали жалобы в партийные органы на Лисавенко. Просили «принять к сведению», что Михаил Афанасьевич может перевезти в Барнаул много саженцев, что тогда останется осиротевшему опорному пункту в Горно-Алтайске?

Сам процесс передачи земли тоже оказался не быстрым. В 1949 году, начиная с июля, Михаил Афанасьевич много времени проводил в Барнауле. Сначала в столицу Алтайского края из Горно-Алтайска он направил Олега Николаевича Мятковского (в те годы замдиректора по научной части Алтайской плодово-ягодной станции), но Мятковский не мог уладить даже простые организационные вопросы, и Лисавенко приехал сам, о чем свидетельствует их переписка.

Нужно понимать, что землю в окрестностях Барнаула выделили станции не одним цельным участком, а несколькими разбросанными кусками (было их семь). Само место Михаилу Афанасьевичу, безусловно, очень нравилось. Как опытный садовод он сам его присмотрел. Все участки были вблизи Змеиногорского тракта, рядом с уникальным ленточным бором — а это лучшая защита молодого сада от ветра.

Ольга Александровна Баранова поясняет:

«Вдоль Змеиногорского тракта у станции было несколько участков. Первый — это земля подсобного хозяйства крайисполкома (сада здесь не было, для крайисполкома выращивали в основном овощи — капусту, помидоры), а другие шесть — это бывшие дачи, которыми в начале XX века владели увлеченные садоводством барнаульцы (Морозовская дача, Гуляевская дача, Пестеревская дача и другие). На дачных землях были ягодники и даже яблони в сланцевой форме. После революции эту землю национализировали, приняли на баланс Зеленхоза, но должного ухода за садами не было, и когда их передали Лисавенко, многие из них находились в полузаброшенном состоянии: часть старых посадок вымерзла, где-то сады заросли березами. Ухаживать за садом в то время было сложно, никакой техники не имелось — только тяжелый ручной труд. Сохранились воспоминания бригадира Баталова (он как работник Зеленхоза отвечал за эти дачи в начале

Председатель исполнительного комитета Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся К. Г. Пысин вручает орден «Знак Почета» М. А. Лисавенко. Барнаул. 1949 г.

40-х годов XX века). Баталов рассказывает, что к 1941 году они расчистили часть участков и посеяли огурцы. Но потом его забрали на фронт. Что там уродилось или нет, он не знает.

Теперь эта земля, где в начале века энтузиасты пытались разводить первые барнаульские сады, перешла Алтайской плодово-ягодной станции. И Лисавенко отнесся к ней со всем трепетом. Первым делом он вызвал в Барнаул из Горного Алтая своих научных сотрудников (Зинаиду Ивановну Лучник, Павла Николаевича Давыдова, Викентия Ивановича Харламова, Алексея Захаровича Былду), чтобы они внимательно изучили все сохранившиеся плодовые деревья, декоративные растения, собрали семена для новых посадок. Нужно сказать о том, что Михаил Афанасьевич знал барнаульских садоводов и болел за них душой. Примеров очень много: так, в 1936 году он приглашал к себе на опорный пункт в Ойрот-Туру ре-

прессированного и отбывшего трехлетний срок в Красноярске барнаульского садовода Николая Ивановича Давидовича. У Давидовича был один из первых в Барнауле садов: он семенами сеял яблоню, уссурийскую сливу и грушу, пробовал выращивать виноград. В 1940-е годы Николай Иванович вернулся в Барнаул, заведовал Барнаульским опорным пунктом плодоводства. Михаил Афанасьевич его очень ценил.

Лисавенко не просто был знаком с барнаульскими садами, понимал, что и где могло расти. В 1949 году он поручил старшему научному сотруднику по декоративным растениям Зинаиде Ивановне Лучник собрать желуди, чтобы размножить дубы. В газете «Алтайская правда» в номере от 19 октября 1949 года Лисавенко пишет:

«Сейчас на Алтае можно насчитать всего два-три десятка дубов. Каждый из них — подлинная сокровищница для будущего алтайского культурного лесоразведения. Эти дубы — золотой фонд, с которым надо обращаться, как с величайшей драгоценностью. К сожалению, до сего времени какого-либо внимания к ним не было. В Барнауле двенадцать дубов растут на новой экспериментальной базе нашей опытной станции (бывшее подсобное хозяйство крайисполкома). Примерный возраст деревьев 40-50 лет. В этом году здесь собраны желуди и высеяны. Маточным дубам будет обеспечен необходимый уход и должное внимание».

В 1949 году сотрудники станции появлялись в Барнауле наездами, все потому, что пока жить им было негде. 8 февраля 1950 года вышел приказ Министерства высшего образования СССР об организации кафедры плодоводства и овощеводства в Алтайском сельскохозяйственном институте и назначении заведующим этой кафедрой доктора сельскохозяйственных наук Михаила Афанасьевича Лисавенко. Нельзя сказать, что Лисавенко грезил преподавательской работой. Скорее, для него это была большая дополнительная нагрузка. Но именно сельхозинститут обеспечил на первое время Лисавенко жильем — ему выделили дом по улице Пролетарская, 104 (сейчас на этом месте находится клуб «Опера», а в те годы был частный сектор). Этот домик на Пролетарской, 104 называли «общежитием». Здесь

останавливались многие сотрудники станции, когда приезжали в Барнаул. Ноябрь-декабрь 1949 года и зиму 1950-го Михаил Афанасьевич живет в Горно-Алтайске, пишет статьи в газеты, основательно готовится к переезду. В январе 1950 года он выступает в Новосибирске на республиканском совещании по северному садоводству. В Барнаул выезжает раз в месяц, когда срочно требуется подписать документы.

ЖИВАЯ КАРТИНА: КОРОТКИЙ ФЕВРАЛЬ

— Утром поеду в Барнаул. В Институте просят подписать документы. И планы уже нужно им предоставить по кафедре. Ох, и морока с этим назначением, — Михаил Афанасьевич встал из-за письменного стола и медленно подошел к окну, аккуратно отодвинул накрахмаленную занавеску. — А снег все валит. Скорей бы, Дуся, закончился этот февраль. Какой-то он долгий в этом году.

Евдокия Спиридоновна тоже подошла к окну.

— А я, Миша, все думаю, как мы будем в Барнаул переезжать. Жалко здесь все оставлять. Мне знакомые писали, что в Барнауле на улицах песок, а тут горы, красота...

— И там будет красота. Обустроимся...

В 9 часов утра водитель помогал грузить Михаилу Афанасьевичу в машину сумки. Маршрут он знал хорошо. На переднем сиденье, завернувшись в лисью доху, Михаил Афанасьевич будет дремать до самого Бийска, а там они свернут с Чуйского тракта и, немножко проехав, остановятся у кирпичного одноэтажного дома с высоким фундаментом. Здесь живут мать и сестра Михаила Афанасьевича. По дороге в Барнаул он часто их навещает. Всегда передает полные сумки продуктов и каких-то гостинцев. В родительском доме директора они отобедают и вновь — в путь до Барнаула.

У ворот водитель остался покурить, а Михаил Афанасьевич сразу пошел в дом. Хоть и был директор заядлым курильщиком, к матери всегда старался заходить без дымка. Михаил Афанасьевич обмел маленьким венчиком у крыльца сапоги, остатки снега с подошвы еще раз старательно оббил в сенях и распахнул дверь в горницу.

В доме стояла сонная тишина. Михаил Афанасьевич тревожно замер на секунду, но тут услышал из спальни родной тихий голос матери: «Миша, это ты?». С этими словами в лицо пахнул жар от нагретой печки, в избе было очень натоплено. Михаил Афанасьевич поспешил снять свою лохматую лисью шубу, чтобы обнять мать. Анастасия Алексеевна медленно вышла ему навстречу. Она всегда узнавала сына по шагам, едва он начинал скрипеть дверями в сенях.

— А где же Маруся? — справился Лисавенко о сестре.

— Ждала вас, побежала за хлебом. Супу тебе наварили.

Тут двери в сенях вновь закрипели, в кухне появились Мария и водитель станции. Начались женские хлопоты с чашками, тарелками. Наконец мужчины уселись за столом.

— Я вам привез продуктов: масло, сыр, мясо, может, что-то нужно? Лекарства какие-то? — Лисавенко внимательно посмотрел на мать.

Та отмахнулась рукой:

— Еще чего! Это-то зря приволок. Пост Великий на дворе.

Мария незаметно повела бровями, показав брату, что эту тему лучше закрыть. И сразу добавила: «Все у нас есть, Миша, слава Богу».

После обеда водитель вновь пошел покурить. Сестра закутилась на кухне, а Михаил Афанасьевич зашел в комнату матери. На заправленной лоскутным покрывалом кровати стояли друг на друге взбитые подушки. Просыпаясь на рассвете, мать так аккуратно и красиво прибирала постель, что днем даже жалко было на нее присесть — помять такую красоту. Сама Анастасия Алексеевна днем лежать не любила, считала безделье грехом. Она всегда была работающей, даже в старости все хлопотала про огород.

— Миша, как думаешь, померзнут молодые яблоньки? Зима-то нынче суровая, вон какой февраль...

— Может, и померзнут, скорей бы кончился этот февраль. В апреле переберусь окончательно в Барнаул. Евдокию, деда Стиридона, Валю перевезу, место под дом уже есть.

— Главное, вы Валю покрестили. У меня все душа не унималась, что она некрещеная была.

Анастасия Алексеевна подошла к иконе в правом углу спальни, перекрестилась, повернулась к сыну:

— Ну, езжай с Богом!

Михаил Афанасьевич обнял мать. Она всегда была крупной, высокой, ему даже казалось, что ее натруженные ладони больше, чем его мужские руки. А тут вдруг он глянул — и словно мать стала ниже и меньше. Или это он так раздобрел и пора уж худеть...

В Барнаул Лисавенко съездил очень удачно. Ему всегда помогало благословение матери. Пробыли они с водителем в городе пару дней. Затем опять Лисавенко погрузился в заботы станции в Горно-Алтайске. Наконец, наступил долгожданный март.

— Миша! Миша! — в комнату вбежала Евдокия Спиридоновна.

— Дуся, что случилось?

Евдокия Спиридоновна словно окаменела и ничего не могла сказать. Она протянула телеграмму от сестры Марии. Она сообщала, что ночью мать умерла...

Всю дорогу в машине от Горно-Алтайска до Бийска Лисавенко ехал словно в бреду. За окнами мелькали утопающие в снегу поля, замершие березовые рощи, но еще быстрее пролетало перед его глазами детство, молодость, вся жизнь с мамой и этот короткий февраль 1950 года, когда он обнял ее последний раз.

«ТЕПЕРЬ Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ СТАРИКОМ»

В желтых листах старого блокнота 1950-х годов мы случайно обнаружили крошечную вырезку из газеты: «Коллектив научных работников, рабочих и служащих Алтайской зональной плодово-ягодной опытной станции выражает глубокое соболезнование директору станции Михаилу Афанасьевичу Лисавенко по поводу смерти его матери Анастасии Алексеевны Лисавенко».

Точная дата, когда умерла мама Михаила Афанасьевича, увы, неизвестна. Ветераны института садоводства говорили нам,

что это произошло в марте 1950 года. Но какого числа? Благодаря этой вырезке мы поняли, что некролог был в газете «Алтайская правда». Пересмотрев подшивку за март 1950 года, мы действительно нашли номер с известием о смерти матери Лисавенко. Газета вышла 7 марта 1950 года. Скорее всего Анастасия Алексеевна умерла 5 или 6 марта 1950 года. Ей было 79 лет.

Сохранилось письмо Михаила Афанасьевича писателю Афанасию Лазаревичу Коптелову. Лисавенко пишет:

«Есть такая поговорка, кажется английская: человек молод, пока живы его родители. Теперь я чувствую себя совсем стариком. На днях похоронил свою мать, единственным сыном которой являлся и которую, естественно, очень любил. От нее перенял страсть к растениям. Неграмотная женщина, она тонко понимала растение, вечно, как себя помню, возилась она в домашнем огороде, сеяла всегда все своими семенами. Когда-то в детстве я перетаскивал с ней из леса дикую смородину, малину, черемуху, сам сеял и выращивал всякую всячину. Ей было 79 лет, когда она скончалась. Мне, конечно, не дожить до этого времени. Поэтому начал торопиться со своими делами, сейчас занят сбором и перепечаткой своих статей, хочу часть издать в виде сборника, на что получил из Барнаула согласие. Через день с рукописью еду туда, благо призывают и другие дела. Мечтал отдохнуть, с 1-го было взял отпуск, но теперь опять все возвращается в старую колею, и я как заезженная кляча. Жму Вашу руку. Ваш М. Лисавенко» [38].

После похороны матери Михаил Афанасьевич действительно пересмотрел все свои статьи за многие годы и отобрал самые важные для книги-сборника. Рукопись он отдал в печать в июле 1950 года. Книга получила название «По Мичуринскому пути», ее напечатало издательство газеты «Алтайская правда» тиражом 11 тысяч экземпляров. И сегодня по этой книге мы можем проследить путь ученого-селекционера Лисавенко, оценить масштаб его научных трудов. Но, к сожалению, в этом издании совсем нет драгоценных фактов из личной жизни автора. «Деревья живут долго, потому что ... умеют молчать», афоризм, любимый многими садоводами.

САЖАТЬ, РАСТИТЬ И СТРОИТЬ

В апреле 1950 года Михаил Афанасьевич отправляется в Барнаул. Из письма Лисавенко Коптелову мы узнаем даже точную дату приезда:

«В Барнауле я предполагаю быть с 15 апреля. Буду или в гостинице (спросите, на всякий случай, на 4-м этаже, где, конечно, будете и Вы — в нашей единственной гостинице «Алтай») или на своей новой базе (Змеиногорский тракт, 25). Предварительно можно позвонить по телефону 20-60 и справиться о моем местонахождении» [38].

Змеиногорский тракт, 25 — это адрес одного из домов недалеко от территории бывшего подсобного хозяйства крайисполкома (теперь уже официально Алтайской зональной плодово-ягодной станции). В 1950 году у станции еще не было конторы, и этот дом стал временным пристанищем работников. Мы, конечно, помним, что у Лисавенко имелась жилплощадь на Пролетарской, 104, предоставленная Алтайским сельскохозяйственным институтом. Но каждый день с горы до центра Барнаула не находишься. Автомобиль станции, который Михаил Афанасьевич в шутку называл «Антилопа-Гну», хоть и перевезли в Барнаул, но он постоянно ломался. А обустройство плодово-ягодной станции с нуля на новом месте требовало находиться здесь сутками. Работы было очень много. В гостинице «Алтай», скорее всего, Лисавенко ночевал изредка, чтобы нормально помыться, привести себя в порядок перед важными встречами. Директору приходилось постоянно договариваться о выделении денег и материалов на строительство, ведь пока на барнаульской базе ничего не было. В государственном архиве Алтайского края хранится письмо Михаила Афанасьевича 1950 года заместителю председателя государственной штатной комиссии товарищу Горосову, где Лисавенко пишет:

«Алтайская плодово-ягодная опытная станция, входящая в систему научно-исследовательских учреждений Министерства сельского хозяйства РСФСР, в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР переведена с прежней своей базы в Горно-Алтайске в Барнаул. На но-

вой базе станции предстоит большое капитальное строительство. В текущем году Министерством сельского хозяйства РСФСР на строительство отпущено 280 тыс. рублей для возведения основного здания — лаборатории, и кроме того станция имеет средства на капитальный ремонт в размере 75 000 рублей. Таким образом строительство в этом году должно быть проведено на общую сумму 355 тысяч рублей. Весь материал для осуществления строительства в течение оставшегося полугодия полностью заготовлен» [196].

Ольга Александровна Баранова рассказывает:

«Когда в апреле 1950 года Лисавенко и несколько сотрудников станции приехали в Барнаул, они ютились на Змеиногорском тракте в небольшом домишке. Михаил Афанасьевич упоминает об этом в своем дневнике. Это был дом без сеней, дверь открывалась сразу на улицу. Зинаиде Ивановне Лучник предоставили единственную кровать, а мужчины (сам Лисавенко и агроном плодового сада Викентий Иванович Харламов) ночевали на полу. Михаил Афанасьевич вернулся от холода в свою лисью доху, но все равно промерз до костей. Вот так первые месяцы сотрудники станции, кто переехал из Горно-Алтайска в Барнаул, и жили. И при этом трудились от зари до зари, ведь приходилось расчищать территорию, делать посадки. В вечернее время и почти до ночи Лисавенко и Харламов занимались прививкой в крону яблонь. Черенки они привезли с собой из Горно-Алтайска. Когда Михаил Афанасьевич увидел, что на бывших дачах имеются посадки яблонь, он решил прививать на них.

Коллективу станции повезло, что Лисавенко был очень грамотным хозяйственником. В Ойротии на голом месте он сумел обустроить один из лучших опорных пунктов в Сибири, теперь работа закипела и в Барнауле.

Надо понимать, что это было за время — послевоенные годы! Чтобы достать стройматериалы: бревна, кирпич, железо — приходилось очень постараться. Лисавенко совершил настоящий подвиг. Причем ко всему он подходил грамотно: не так что построить абы как, а потом будь что будет. Думал сразу на многие годы вперед. Пригласил архитектора, который помог выбрать место и составить план

будущих построек. Так, например, было решено построить рядом с дорогой кирпичное здание, в котором разместилась контора (бухгалтерия и зал для собраний на 80 человек), там же были магазин и почта. Лисавенко понимал, что почтовое отделение под боком плодово-ягодной станции просто необходимо. Ведь это и рассылка саженцев, семян, и получение корреспонденции. Сегодня это здание сохранилось — здесь продают саженцы теперь уже Научно-исследовательского института садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко. А возвели его как раз в 1950-м году. Почти сразу Михаил Афанасьевич начал строить дома для сотрудников (это были избы на две семьи). Из Тальменки привозили уже готовые срубы и быстро собирали на месте сборные щитовые домики. Лисавенко решил ставить эти дома вдоль Змеиногорского тракта рядом со станцией. Между ними постепенно появился забор, который опоясывал земли Алтайской плодово-ягодной станции, защищал от хулиганов и воров. Как радовался Михаил Афанасьевич, когда удалось (в Москве!) раздобыть столбики для этой ограды и железную сетку. Позже, примерно в 1957 году, началось строительство неподалеку и двухэтажного кирпичного восьмиквартирного дома. Лисавенко писал: «Я строю общежитие». Постепенно он обеспечил сотрудников станции жильем. И те, кто переехал из Горно-Алтайска, получили крышу над головой».

Отдельно хочется рассказать, как Михаил Афанасьевич возводил в Барнауле двухэтажный лабораторный корпус станции (сейчас это объект культурного наследия регионального значения, Змеиногорский тракт, 49). Он спроектировал его по образу Горно-Алтайской станции и даже специально привез для строительства сосновый сруб из Соузги (село Соузга располагается в 30 км от Горно-Алтайска, здесь в 1946 году Лисавенко получил землю под питомник). Чтобы нарубить сосны, Михаил Афанасьевич взял наряд, нанял рабочих. Корпус сначала собрали из обработанных бревен, затем разобрали и доставили в Барнаул. Привезти сруб тоже было целой эпопеей, мост через Бию в 50-е годы XX века был разводной — деревянный понтонный. Сохра-

нились воспоминания, что бревна пришлось сплавливать по реке на плотках. В целом на строительство ушло два года. Открыли лабораторный корпус станции в 1952 году.

Ольга Александровна Баранова продолжает: «Корпус получился красивым: с парадной лестницей по центральной оси и со стилизованным портиком по главному фасаду, на втором этаже над центральным входом балкон, все здание обшито рейкой. Здесь были хорошие лабораторные условия: просторные кабинеты, водопровод, отопление. Рядом построили котельную, она отапливала и корпус, и теплицу, которую тоже возвели неподалеку. Так как здание было деревянным, Михаил Афанасьевич (особенно в последние годы своей жизни) боялся пожара, все время просил сотрудников станции следить за электроприборами (в то время плитками). Он переживал, что может сгореть его архив. Но еще при строительстве, недалеко от корпуса соорудили приличных размеров бассейн, чтобы если что, оттуда можно было быстро взять воду для тушения. Из таких вот деталей видно, насколько внимательно Лисавенко относился к любому делу, как он старался все продумать».

По дороге к корпусу Михаил Афанасьевич заложил аллею из маньчжурского ореха. Саженцы он привез из Горно-Алтайска. В первый год и Лисавенко, и сотрудники станции очень много перевезли посадочного материала, не только плодовых, но и декоративных растений. Им необходимо было засаживать новую территорию.

В очерке о Михаиле Афанасьевиче Коптелов описывает первый барнаульский год Алтайской плодово-ягодной станции:

«Старые малинники (те, что были на территории бывших дач. — Прим. автора) теперь ни на что не годились, и сотрудники опытной станции первым делом занялись раскорчевкой. От прежних насаждений оставили лишь несколько деревьев ранетки, небольшую полуодичавшую заросль кустов сирени да знакомые дубы, которые уже давали желуди».

Благодаря сохранившейся переписке Лисавенко с Коптеловым мы узнаем, что в сентябре-октябре 1950 г. Михаил Афанасьевич принимал участие в съемках двух фильмов. 23 октября 1950 года Лисавенко пишет:

«Просматривал ваш сценарий как раз между двумя киносеансами — по съемке фильма с моей персоной (новосибирская киностудия, товарищ Хмелев). Обещают к празднику сделать фильм, вчера с ними разделался. Если бы Вы знали, как мне это надоело, то не стали бы делать меня жертвой очередного фильма. Нынче снимали два (один Мосфильма, цветной, «Алтай», где я тоже фигурирую) и часто обе киногоруппы встречались на нашей станции в Горно-Алтайске и здесь, в Барнауле. Сценарий Ваш хорош, главное, сжат. Пока не пишу официальное заключение. Сниматься же мне никак не хочется. Очень много отнимает это времени не только у меня, но и у сотрудников. Жму Вашу руку. Ваш М. Лисавенко» [38].

Осенью 1950 года, после окончательного переезда станции из Горно-Алтайска, в Барнауле силами Лисавенко были открыты три точки продажи саженцев. Коллектив научных сотрудников думал, что за зимостойкими сортами будут выстраиваться очереди (как это было в Бийске и том же Горно-Алтайске). Но оказалось, что барнаульцы совсем не приучены к садоводству.

Ольга Александровна Баранова говорит: «Сохранились воспоминания Викентия Ивановича Харламова, где он рассказывал, что на продажу из Горно-Алтайска они привезли саженцы яблони. Но за всю осень продали всего 600 штук. Люди в Барнауле к садоводству были не приучены. Но постепенно Алтайская станция стала приобщать местное население. Лисавенко и многие другие работники выступали в газете «Алтайская правда», организовывали встречи с начинающими садоводами. И в 60-е годы станция уже стала реализовывать до двух миллионов саженцев в год».

ПРОФЕССОР И ДЕПУТАТ

С сентября 1950 года Михаил Афанасьевич разрывается между руководством станцией и заведованием кафедрой плодоводства и овощеводства в Алтайском сельскохозяйственном институте. Занятия проходили в корпусе института на площади Спартака.

Среди документов Лисавенко мы отыскивали конспекты его лекций. Несмотря на свой загруженный график, к занятиям он готовился тщательно. В его блокнотах выписки из образовательных программ МГУ, Тимирязевской академии. Видно, что свой курс он разрабатывал, опираясь на лучшие вузы страны (с 1951 года в институте он получает ученое звание профессора).

А к концу 1950 года на Лисавенко падает и дополнительная «общественная нагрузка». Беспартийного лауреата Сталинской премии выдвигают кандидатом в депутаты Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся. В агитационной листовке за М. А. Лисавенко читаем:

«Избиратели Нагорного избирательного округа №4 города Барнаула выдвинули неутомимого новатора, передового советского ученого Михаила Афанасьевича Лисавенко своим кандидатом в депутаты Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся» [196]. Выборы состоялись 17 декабря 1950 года.

В силу своего характера, огромной работоспособности Лисавенко сразу завоевал уважение среди местных жителей. Благодаря Алтайской плодово-ягодной станции далекий от центра города Змеиногорский тракт стал преобразовываться. Так, три года работники станции засаживали на горе сквер (возле тогда существовавшего кинотеатра «Алтай»). 29 декабря 1950 года в своем докладе на 1-й сессии Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся Лисавенко скажет:

«При встрече с избирателями Нагорного округа №4 города Барнаула трудящиеся давали мне основной наказ — улучшить состояние школьного обучения в нагорной части города и расширить там школьную сеть. Надо сказать, что сам крайне неряшливый вид школы наводит на свежего человека уныние. Одна эта обстановка, эта внешняя среда, имеющая столь важное значение в деле воспитания, может расшатать дисциплину. Администрация школы свыклась с разбитыми стеклами, с тем, что ребята шестого класса корчатся на партах, рассчитанных на первоклассников, смирилась с вопиющим хулиганством в классах. А со школьной сетью положение таково, что само оно толкает на отсев учащихся. Мальшам приходится шагать за 3-4-5 километров, чтобы попасть в ту

семилетнюю школу, о которой я сейчас говорил. Одним надо выходить из дому в 6 часов утра, а другим возвращаться в вечерней темноте домой, преодолевая длинный, утомительный по снежным дорогам и тропинкам путь, в морозы и метель. А более взрослым детям, учащимся 8-9-10 классов приходится за 5-7 километров путешествовать в центральную часть города, так как в нагорной части нет десятилетней школы. На горе нет ни автобусного, ни трамвайного сообщения» [68].

Как депутат Лисавенко выступал за строительство на Змеиногорском тракте начальной школы и школы-десятилетки, добивался, чтобы на Гору пустили общественный транспорт и, конечно, ратовал за то, чтобы в частных усадьбах появлялись плодовые деревья и ягодники.

КИНО И ЖИЗНЬ

Показ цветного фильма «По Алтаю» (в письме Коптелову Лисавенко называет его «Алтай». — Прим. автора) состоялся в барнаульском кинотеатре «Родина» перед самым Новым годом. Сеансы прошли 28, 29 и 30 декабря 1950 года. На один из них пришел и Михаил Афанасьевич с супругой Евдокией Спиридоновной и дочкой Валей.

С того момента прошло более 70 лет, а Валя — Валентина Михайловна помнит, как с восторгом на большом экране она смотрела на усыпанные яблоками деревья такого родного горно-алтайского сада... Отец сидит с ней рядом и ... вот он уже на экране. Мама тихо улыбается и поглядывает то на нее, то на смущенного, ссутулившегося в кресле отца.

Валентина Михайловна от этих воспоминаний не может сдерживать слез: «Мы с мамой и бабушкой не хотели уезжать из Горно-Алтайска... Там у нас была такая красота, такое чудо! Там мы были очень счастливы. Я с детства научилась там ездить верхом на лошади. У отца на станции был завхоз Григорий Иванович, его фамилию уже не помню, но он вроде был из дивизии Чапаева. И он меня обучил верховой езде. Скачу на лошади, а он говорит: «Да, есть в тебе наша жилка!». У отца был рыжий конь по кличке Жар.

В Барнаул мы переехали осенью 1950 года. На Пролетарской, 104, где институт выделил отцу дом, имелся хороший участок земли, папа купил сруб и поставил свой дом. Так появился наш новый адрес: Пролетарская, 104А. Дом был просторный, у каждого своя комната, у отца — рабочий кабинет. Мама рассказывала, что на этот сруб он потратил Сталинскую премию, которую ему дали в 1946 году. А фильм снимали летом 1950 года. Мы с мамой и бабушкой еще жили в Горно-Алтайске, пока здесь шло строительство, а отец мотался то в Барнаул, то приезжал к нам. Эти съемки в Горно-Алтайске нас всех измотали. Вместе с кинооператорами там были и фотографы, они ходили за нами и щелкали-щелкали».

Сюжет самого фильма уже не так важен, зато Валентина Михайловна достает те самые фотографии из старого пожелтевшего семейного альбома. Показывает нам:

«Отец был в белой вышитой рубашке и черном костюме, на груди знак лауреата Сталинской премии. Мама — Евдокия Спиридоновна никогда не красилась, но у нее был чудесный вкус, вы посмотрите, какой она надела красивый

Евдокия Спиридоновна в комнате дочери Вали. Барнаул. 1954 г.

плащ с поясом, как настоящая леди прибрала волосы невидимками. А меня нарядили как куколку: в цветное пестрое платье, в волосах алый бантик. Вот такие нарядные мы сидим на скамейке у нашего старого дома в Горно-Алтайске. А вот карточка — мы с папой качаемся на качелях и смеемся. А это мама — уже не для фильма и газеты. Простая... идет из леса с корзиной, полной грибов. Смеется, волосы подвязаны косынкой. Какая она высокая и стройная... А вот фотография ее отца, моего дедушки Спиридона. Когда мы переехали в Барнаул, и я стала учиться в барнаульской школе, то увлеклась музыкой, и именно дедушка купил мне пианино. А мама учила играть. Она прекрасно музицировала, видимо, имела навык еще с гимназии. В нашей барнаульской усадьбе постоянно находились то работники станции, то гости. Мама без конца готовила и накрывала на стол.

Возле дома отец разбил сад. Сохранились фотографии, как он сажает сливу, яблони в нашем дворе на Пролетарской, 104А.

С 50-х годов папа стал часто болеть. Его, бывало, на несколько недель клали в больницу».

В книге «Человек большого сердца» сохранились воспоминания научного сотрудника станции по селекции яблони Лилии Жебровской, где она говорит:

«Большой природный ум сочетался у Михаила Афанасьевича с редким трудолюбием. Он очень много работал. День был занят народом — своим, пришлым, приезжим. Писал же он и обдумывал самые трудные дела вечерами, в выходные дни. Но ему хотелось сделать еще больше, а времени не хватало, поэтому зачастую приходилось не пользоваться отпусками. Передышки иногда случались по неволе, когда врачи почти насильно помещали Лисавенко в больницу. Так было в 1952 году. Я проводила межрайонные курсы садоводов в Славгороде. Неожиданно получила вызов на междугородние переговоры в восемь часов вечера. Очень тревожилась: что, думаю, случилось? Наконец, наступил этот час. Сама себе не верю — веселым голосом спрашивает Михаил Афанасьевич:

— Как идут курсы?

*М. А. Лисавенко с супругой Евдокией Спиридоновной
и дочерью Валентиной. 1950-е гг.*

Объясняет, что тайком проник из палаты в кабинет с телефоном. Жалуется, что никак не может выбраться из больницы...».

Михаил Афанасьевич много бывал в командировках. В 1952 году как видного ученого, депутата и общественника его попросили возглавить Алтайский краевой комитет защиты мира. Он, кстати, был и членом Советского комитета защиты мира, выступал на съездах в Москве. Если посмотреть отчет директора Алтайской плодово-ягодной станции за 1950-е годы, то в научных командировках в Москву он проводил примерно по 50 дней за год. Это сказывалось на здоровье.

Ольга Александровна Баранова говорит:

«Однажды по приезду в Барнаул прямо с московского поезда Михаила Афанасьевича унесли на носилках и передали «скорой». В дороге его растрясло и пошли камни из почек. Здоровье у него было слабое. Но с его бесконечными заботами заняться собой не доходили руки...».

Валентина Михайловна Лисавенко. 1960-е гг.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ МИЧУРИНА

С 1 августа по 1 сентября 1952 года на Алтае состоялась Всесоюзная перепись плодово-ягодных насаждений. На крайнем совещании по садоводству Михаил Афанасьевич скажет:

«По данным переписи 1945 года, площадь садов на Алтае, в государственном и коллективном секторе, составляла 1740 гектаров, в 1952 году — 3 974 гектара, то есть за семь лет возросла более чем вдвое. Наряду с общественными садами растет и приусадебное садоводство. Улучшился за это время породно-сортовой состав. Если в 1945 году почти единственной плодовой породой у нас являлась яблоня, а среди ягодников основной породой была малина, то сейчас, при увеличении площади яблони более чем в два раза, площадь косточковых с 96 выросла до 400 гектаров, то есть более чем в четыре раза» [196].

Безусловно, именно Лисавенко сыграл решающую роль в развитии садоводства на Алтае. В ноябре 1952 года за выдающийся вклад в мичуринскую науку Михаилу Афанасьевичу была вручена Золотая медаль имени И. В. Мичурина.

Сохранился конспект речи для радиовыступления Лисавенко по поводу его награждения. Михаил Афанасьевич пишет:

«Весть о присуждении мне Золотой медали имени Мичурина, а эта медаль присуждается впервые, радостно взволновала меня, старого сибиряка-мичуринца, она заставила меня оглянуться на тернистый путь, пройденный пионерами сибирского садоводства, и подумать: как радовался бы Иван Владимирович, если бы он мог знать, что сибирские сады, которые были уделом немногих одиночек-любителей, сейчас занимают десятки тысяч гектаров в колхозах и совхозах Сибири, Урала, Дальнего Востока — там, где плодовые деревья когда-то считались немислимыми. Я горжусь, что Золотая медаль имени нашего незабвенного учителя присуждена сибиряку. Руководимый мной коллектив Алтайской плодово-ягодной станции проделал большую работу по внедрению лучших мичуринских сортов в колхозно-совхозное производство и на приусадебные участки трудящихся Алтая, по выявлению новых сортов яблони

М. А. Лисавенко. Январь 1952 г.

и ягодников. Воодушевленный присуждением Мичуринской золотой медали, коллектив нашей станции будет работать и дальше не покладая рук» [194].

Так оно и было. С каждым годом станция увеличивала производство саженцев, кипела научная работа, Михаил Афанасьевич в бюджет станции закладывал расходы на выпуск книг, организацию выставок и даже защиту диссертаций своих сотрудников. Он хотел, чтобы коллектив рос. Сам он заведовал не только кафедрой плодород-

ства и овощеводства в Алтайском сельскохозяйственном институте, но и руководил аспирантами при этой кафедре. Правда, институтская работа съедала слишком много драгоценного времени. 24 октября 1953 года профессор Лисавенко напишет в Управление сельскохозяйственных вузов Министерства культуры СССР письмо с просьбой снять с него нагрузку:

«В связи с резким ухудшением здоровья и большой нагрузкой по прямым моим обязанностям директора Алтайской плодово-ягодной опытной станции, я не имею возможности продолжать работу по совместительству и прошу освободить меня от заведования кафедрой и от преподавания (30-часовой курс по плодородству) в институте. Впредь до подыскания на должность заведующего кафедрой лица с ученой степенью я готов сохранить за собой фактическое руководство аспирантами, без особого вознаграждения за эту работу» [196].

Но, даже уйдя с должности завкафедрой, он помогал многим аспирантам, писал рекомендательные письма и отзывы на дипломные работы.

О том, как Лисавенко, даже уйдя с поста заведующего кафедрой, помогал студентам, сохранились воспоминания

Тамары Федоровны Корниенко. После четвертого курса института она пришла на практику на Алтайскую плодово-ягодную станцию. Тамара Федоровна в статье «Лисавенко в моей судьбе» пишет:

«Каждый день практики был наполнен работой и отличался разнообразием. Нам находили возможность показать все, что касалось садоводства. Мы принимали участие в обрезке и посадке смородины, в отборе гибридов вишни, обрезке яблони, разбивке сада, закладке лесополос, уборке урожая. Кроме того, выделялся день в неделю для работы в библиотеке с научной литературой. Так было заведено в те годы Михаилом Афанасьевичем. Он считал, что будущий садовод, ученый или практик, по своей специальности должен знать и уметь делать практически все. Побывав на практике на опытной станции, студенты уже никогда не помышляли о смене профессии, были верны садоводству всю жизнь. Меня удивляла на опытной станции разнообразие сортов яблони и других культур и обилие гибридного фонда. Особое место в моей практике занимали гибридизация яблони и наблюдение за ее гибридами, их описание. Я ежедневно отмеряла километр за километром, шагая по кварталам гибридного сада...

Михаил Афанасьевич любил молодежь. Это проявлялось у него как-то естественно и непринужденно. Вот иду я утром мимо него, скромно здороваюсь. А он улыбается и говорит: «Здравствуй, Тamarочка! Хорошего тебе дня!» [46]. И вручает невесть откуда взявшуюся маленькую лесную фиалку. Глаза его при этом излучали необыкновенный свет. Вообще глаза Михаила Афанасьевича могли покорить и расположить к себе любого, кто хотя бы однажды беседовал с ним. Они, словно маленькие, но мощные источники, испускали лучики добра, внимания и участия.

После окончания института меня хотели направить в совхоз, я попросилась на станцию, но получила отказ. Мне, девчонке, доказывать сидящему дяде в отделе кадров управления сельского хозяйства свою мечту казалось бесперспективным. Рассказала я об этом на станции, утром меня повели к Лисавенку. Он был приветлив, как всегда, но узнав

*Коллектив Алтайской плодово-ягодной станции.
В центре в белой рубашке М. А. Лисавенко. Барнаул. 1960-е гг.*

о решении кадровиков, помрачнел. Поехали мы с ним в отдел кадров, Михаил Афанасьевич провел меня через тяжелую парадную дверь на верхний этаж. Около какого-то кабинета велел подождать и вошел сам. Отсутствовал недолго. Потом велел мне зайти, а сам пошел по коридору на выход. Вскоре был вывешен приказ о том, что я принята в штат научного коллектива Алтайской плодово-ягодной станции» [46].

С 14 по 19 июля 1954 года по инициативе Лисавенко для обсуждения насущных вопросов сибирского садоводства в Барнауле была проведена расширенная сессия научного совета Алтайской плодово-ягодной опытной станции. В работе сессии приняли участие руководящие работники Министерства сельского хозяйства РСФСР, алтайских краевых партийных и советских органов, Научно-исследовательского института плодоводства имени И. В. Мичурина, опытных плодово-ягодных станций Урала и Сибири, Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР, Томского государственного университета, Сибирского научно-ис-

следовательского института зернового хозяйства, Омского, Новосибирского и Алтайского сельскохозяйственных институтов, сельскохозяйственных опытных станций Алтайского края, Карагандинской сельскохозяйственной опытной станции, специалисты-агрономы, представители обществ садоводов-мичуринцев и садоводы-любители. В период с 20 по 23 июля значительная часть участников сессии совершила экскурсию на Горно-Алтайский и Чемальский опорные пункты Алтайской плодово-ягодной опытной станции.

Лисавенко в своем докладе на этой сессии скажет:

«Садоводство не будет жизненно, если оно экономически не будет себя оправдывать. Колхозный сад не приобретет популярности и поддержки со стороны колхозников, если расчет будет только на рынок. Приходится иногда слышать: «Мы только на яблочки глядим, а сами их не едим». Надо кормить народ нашей чудесной продукцией, надо щедро давать ее на трудодни. Надо учить хозяек заготовке наших плодов и ягод впрок и в сушеном, и в вареном, и в замороженном виде. Бояться перепроизводства нечего даже без наличия консервной промышленности, за которую мы усиленно ратуем. Наша задача — добиться закладки крупных садов во вновь организованных совхозах на целинных и залежных землях. Наша цель — достигнуть изобилия продуктов в такой прекрасной отрасли сельского хозяйства, как садоводство» [101].

О том, как правильно выстраивать экономику, он рассказал в отчете в конце 1954 года:

«Попробую подвести итоги нашей хозяйственной деятельности за три года (1952–1954). Станция выпустила за эти годы 2 027 000 плодовых и декоративных саженцев. В результате хозяйственной деятельности (тесно и непосредственно связанной с научной — сортоизучением, выведением новых сортов, пропагандой садоводства) станция получила за эти три года 3 миллиона 503 тыс. рублей чистого дохода. А от государства за это же время она получила в два раза меньше — 1 миллион 654 тыс. рублей. Если даже сюда приплюсовать 666 тыс. рублей, полученных станцией за тот же период на капитальное строительство

(а эти средства даже с точки зрения финансистов не являются бросовыми), то общая сумма, поступившая от государства в бюджет станции, увеличится до 2 миллионов 320 тыс. рублей. И в этом случае доход превалирует над расходами. Может быть, эти выкладки, взятые из бухгалтерских отчетов станции, покажутся и скучными, но пусть молодые председатели колхозов лишний раз убедятся, что основанное на мичуринских принципах садоводство — дело экономически выгодное!» [101]

«ЛИСАВЕНКО — ЧЕЛОВЕК ВЫСШЕЙ КУЛЬТУРЫ. Я ТАКИХ НЕ ВСТРЕЧАЛА БОЛЬШЕ В ЖИЗНИ»

Немного осталось людей, которые лично общались с Михаилом Афанасьевичем. Совсем единицы — тех, кто с ним работал. Нам удалось поговорить с Марией Павловной Фатериной, она пришла на Алтайскую плодово-ягодную станцию в 1953 году и трудилась здесь всю жизнь, сначала — лаборантом, а потом — фотографом. Мария Павловна живет на Змеиногорском тракте рядом с Институтом садоводства как раз в двухэтажном кирпичном доме, который строил Лисавенко для своих сотрудников. Она была очевидцем того, как станция жила с 1950-х годов.

Первый наш вопрос к фотографу был, конечно, про снимки: возможно, раз вы столько фотографировали Михаила Афанасьевича, у вас дома сохранились редкие кадры? Мария Павловна улыбнулась:

— Я живу одна. Детей, родственников у меня нет. Все негативы отдала еще давно в архив, а то, что было дома... Вы знаете, я все сожгла... Пошла в баню и сожгла... Не потому, что мне это все не дорого, нет... А потому, что я не хочу, чтобы после моей смерти люди мучились, испытывали это нехорошее чувство, когда нужно выбросить вещи, которые никому, кроме покойного, больше не нужны... Этому я научилась у Зинаиды Ивановны Лучник: она перед смертью разобрала все свои бумаги, что-то велела отнести в архив, что-то послала внучке, а остальное —

в печь... Говорят, что рукописи не горят, хм, прекрасно горят. А вот воспоминания... Их не сожжешь, не утопишь...

Мария Павловна рассказывает, что на Алтайскую плодово-ягодную станцию ее привела нужда:

«Отец умер рано, на мне остались три сестренки, их было нужно кормить и учить. Мне было 23 года. Сначала я трудилась на одном из заводов, но там не давали землю, т. е. огорода. А здесь каждому сотруднику Лисавенко выделял клочок пашни. Когда я устроилась и получила землю, мы посеяли на ней картошку, и этой картошкой моя семья прокормилась. Это был 1953 год. Сначала меня взяли на должность лаборанта в биохимическую лабораторию. Когда я пришла, лабораторный корпус только-только достроили: здание уже стояло, а пол внутри еще стелили. Первое знакомство с Михаилом Афанасьевичем прошло так: я иду к корпусу расписываться в документах, и он — мне навстречу. Я, конечно, его сразу узнала. О Лисавенко тогда все говорили, в газетах его печатали. Он остановился, поздоровался и говорит: «Кто это у нас такой ходит?». Дело в том, что на станции все друг друга знали, народу работало еще немного. И большинство это были те, кто приехал с Михаилом Афанасьевичем из Горно-Алтайска. Доложилась, кто такая. Он внимательно посмотрел и спрашивает: «Будете долго работать у нас или временно?». Я вилять не стала, говорю: «Как получится». Он улыбнулся: «Ну правильно, как получится».

Лисавенко был человеком невероятной культуры. Я таких больше в жизни не встречала. Большой ученый, депутат. А всегда откроет дверь и женщину, самую простую работницу, пропустит вперед. Всегда всех старался называть на «вы». И было это очень вежливо, не ради фарса. Он был очень внимательный к людям. Если нужно кого-то отругать, Михаил Афанасьевич очень спокойно говорил: «Зайдите ко мне на минуточку в кабинет». Прилюдно он никого никогда не оскорблял. Если вдруг срочно кого-то вызвал, то мы уже в коллективе понимали — «на ковер». Но зря он никогда не ругал, никого с пристрастием не отчитывал. В нем всегда была тактичность и уважение к человеку.

Помню, на работу в 1950-е годы он ездил на лошади, зимой — на сани.

После того, как я отработала лаборантом где-то меньше года, у меня появился руководитель — югослав Живко Иванович Гатин (выпускник Тимирязевской академии, проходил производственную практику на Алтае и затем вернулся сюда работать. — Прим. автора). Он занимался облепихой. Приехал по приглашению Михаила Афанасьевича из Горно-Алтайска. У него был импортный фотоаппарат. А для селекционера фотографии очень важны — нужно же запечатлеть и растения, и плоды. Так вот, он постоянно очень долго пристреливался, как сделать кадр, и меня это раздражало. Фотографировать я умела. Мой отец работал в милиции, у него был самый простенький фотоаппарат, и я еще ребенком научилась проявлять пленку и даже знала, как печатать карточки. И вот, пока Гатин отвернется, я щелк-щелк и все сделаю. Он смотрит потом — ну какие хорошие снимки! Там меня на станции все стали просить фотографировать. А потом перевели на должность фотографа.

Михаил Афанасьевич тоже любил фотографировать. У него был фотоаппарат «Зенит». Но я вам честно скажу, он много пленки тратил не на рабочие снимки. Поедет в командировку в район, наснимает, принесет мне проявлять на печать фото — а там ... половина пленки деревенская ребятня. Он очень любил детей фотографировать. Я спрашиваю: «И это печатать?». Он: «Печатай, я отправлю им на память карточки». То ли он у них адреса брал и потом отправлял, это я уже не знаю. Он любил простых людей. Помню, мы ездили с ним в командировку, и он мог водителю сказать: «Остановись!». Это он углядел — на берегу речки алтаец сидит. Пойдет к нему, о чем-то посидят, поговорят. Он бедным и простым людям внимания еще больше оказывал, чем какому-то начальству и руководителям. Он был человечным...

Никогда не забуду, как я ему подарок выбирала... В 50-е годы станция жила как одна большая семья. Все праздники отмечали вместе. И вот какой-то праздник, даже не помню какой, может, Новый год. И придумали в шапку положить записочки с фамилиями всех сотрудников станции.

Кто кого вытащит, тому маленький подарок делает. И вы представляете — мне досталась фамилия Лисавенко. Как я перепугалась! Бегала и всех просила поменяться, но никто не хотел брать директора — эта же такая ответственность. А у меня еще же и денег-то не было. За голову схватилась: ну что я ему подарю, не рубашку же, не майку, не трусы... И мне одна продавщица в барнаульском магазине посоветовала купить ножик разрезать бумаги с красивой такой костяной ручной. Моя зарплата ушла на этой ножичек.

Праздничный день. Михаил Афанасьевич принес большой кулек конфет. Он на любой праздник всегда приносил торт или конфеты к чаю на всех. И начались вручения подарков. Отдаю ему свою коробочку с ножиком. Лисавенко открыл и ахнул: «Сколько ты заплатила?». Я растерялась, говорю: «Ну сколько заплатила, столько и заплатила...». Он глянул, вытащил из кармана деньги и мне сунул в руки. И строго так наказал: «За внимание спасибо, но больше таких глупостей не делай! Купила бы мне папиросы и хватит». Он сразу понял, что на ножик ушла вся зарплата. Он был очень мудрым человеком, все быстро считывал. А ножик, кстати, ему пригодился. Он у него на столе лежал, он и письма, и бандероли им открывал...»

Большинство фотографий Михаила Афанасьевича Лисавенко 1950-1960 годов сделаны Марией Павловной Фатериной. Она постоянно давала снимки в газеты и даже не просила подписывать свою фамилию. Фотограф улыбается: «У меня была в лаборатории специальная папка с негативами Лисавенко для разных случаев: очерк в газету, награда, передовая статья... В 50-е годы нашу станцию и Михаила Афанасьевича постоянно награждали».

АКАДЕМИК

В 1955 году Михаил Афанасьевич был награжден большой золотой медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки «за выведение новых сортов яблонь и ягодников». В этом же году (в октябре) Лисавенко выступает на

пленуме юбилейной сессии ВАСХНИЛ, посвященной столетию со дня рождения И. В. Мичурина. Его доклад называется «Мичурин и сибиряки», и за двадцать отведенных на выступление минут он рассказывает историю сибирского садоводства, подчеркивает, что «сибиряки не переносят юг на север, а создают оригинальный местный сортимент». А через год, в 1956-м, Михаил Афанасьевич утвержден академиком ВАСХНИЛ. В этом новом почетном звании ему приходилось постоянно принимать участие в совещаниях, научных конференциях. Лисавенко был не из тех, кто подходил бы к этой должности формально. К Лисавенко обращались со всей страны за помощью. Так, он собрал комиссию, чтобы провести обследование

Центральной генетической лаборатории имени И. В. Мичурина в городе Мичуринск. Заключение академика Лисавенко повлияло на то, что для лаборатории построили новое современное здание. А вот еще одно любопытное письмо. Академику написали из Башкирии с мольбой спасти сад. И в центральной газете «Известия» выходит статья «Отвергнутое наследство», где Михаил Афанасьевич просит разобраться в ситуации: «Уважаемая редакция! Сорок лет учительствовал в Башкирии И. А. Кузьмин. За педагогическую деятельность он удостоен правительственных наград. Кузьмин был не только хорошим учителем, но и садоводом. За долгие годы работы в селе Мраково он вырастил сад. Это не обычный приусадебный сад, а обширная помологическая коллекция из наиболее зимостойких пород и сортов, которые Кузьмин вырастил, получая материалы из Сибири и Дальнего Востока. Несколько лет назад Кузьмин умер, а теперь его саду грозит уничтожение. По решению райисполкома на его месте будут выстроены жилые дома. Мое обращение в райисполком осталось без ответа. Прошу послать корреспондента разобраться в ситуации. М. Лисавенко». И сад действительно удалось спасти, о чём свидетельствуют благодарные письма семьи Кузьмина. И сколько было еще таких историй, о которых не принято писать в отчетах академика.

Ольга Александровна Баранова рассказывает:

«Лисавенко помогал многим энтузиастам садоводства, заступался за сады. История с Кузьминым — это лишь один из примеров. Из переписки Михаила Афанасьевича нам известно, что он хлопотал за садовода-железнодорожника из Рубцовска, у которого тоже пытались отрезать участок сада для строительства домов. Как академик он поднимал очень серьезные вопросы строительства на Алтае консервных заводов для переработки овощей и фруктов».

Но самое главное, общественная нагрузка и высокие должности не отдаляли Михаила Афанасьевича от своей родной Алтайской плодово-ягодной станции. Напротив, он больше и больше пытался сделать для станции. Так, в 1956 году не без хлопот Лисавенко станции прибавили 400 гектаров земли.

В 1958 году выходит еще одна книга Лисавенко «Учение Мичурина в действии», где он активно призывает развивать на Алтае коллективные сады. Этой же теме посвящены многочисленные выступления академика Лисавенко. Он ратует за то, чтобы заводы, крупные предприятия, организовывали свои садоводства, давали людям возможность обеспечивать себя свежими овощами и фруктами. А в 1959 году на очередной сессии ВАСХНИЛ выступает за организацию общества садоводов СССР.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В рабочих дневниках Лисавенко конца 1950-х годов мы нашли маленькую записку сестре Марии (возможно, это был черновик письма), где он сообщает ей о реабилитации отца, — «реабилитирован за отсутствием состава преступления». Это произошло в 1958 году. Сложно представить, что у него было на душе в этот момент. В этот же год реабилитировали и горно-алтайского художника Григория Ивановича Чороса-Гуркина; Михаил Афанасьевич передаст в Алтайский краеведческий музей шесть его картин, которые он бережно хранил двадцать лет.

В конце 1950-х годов академик Лисавенко получил квартиру в новом доме на улице Советской в Барнауле (дом №13), куда и переехал с семьей, передав в пользование города свой частный дом и приусадебный участок на Пролетарской, 104а. Но жизнь в этой квартире почему-то не заладилась. Все чаще Михаил Афанасьевич оставался ночевать на работе, а затем переехал на дачу крайкома (недалеко от Змеиногорского тракта), где ему выделили комнату. Приемная дочь Валя уже выросла, вышла замуж, отношения с Евдокией Спиридоновной стали холодными. Что произошло в семье, нам, конечно, не узнать. Да и незачем ворошить чужую личную жизнь. Валентина Михайловна говорит об этом с грустью и даже обидой на отца: «Мы уехали с мамой в отпуск на месяц, потом отец все был в разъездах, мы думали, что он в Москве или в Новосибирске, а потом раз ... и оказывается, он с нами больше не живет, ушел...».

С 1961 года Михаил Афанасьевич стал жить вместе с Зинаидой Ивановной Лучник. Дом Зинаиды Ивановны стоял рядом со станцией. Хотя официально они не расписались, Лисавенко называл ее своей супругой.

Ольга Александровна Баранова говорит:

«Мне не нравится, когда про Зинаиду Ивановну Лучник пишут, что она — третья жена Лисавенко. Они же не молодые были, чтобы жениться. Это был союз близких по духу людей, увлеченных наукой, растениями. Я всегда называю Зинаиду Ивановну близким другом Михаила Афанасьевича. Они знали друг друга всю жизнь, прекрасно понимали, что у каждого в душе... Михаил Афанасьевич ей всегда симпатизировал. Он, как и она, интересовался декоративными растениями. Лисавенко поощрял желание Лучник развивать дендрарий, всегда отправлял ее в командировки в различные ботанические сады по всей стране. Они очень дружны были по работе, но, тем не менее, он ей говорил: «Оправдывайте затраты на свой отдел». То есть он всегда с нее строго спрашивал, как со всех работников. В конце 1961 года они стали жить вместе, за что их осуждать...».

По письмам Зинаиды Ивановны к Лисавенко можно догадаться, что их отношения с Михаилом Афанасьевичем

стали ближе в 1959 году. В это время она отправилась в длительную командировку на Дальний Восток. В октябре Лучник отметила день рождения, и Лисавенко прислал ей письмо и подарок. В ответе она пишет, что хочет жить спокойно, намекая на то, что боится, как их воспримут коллеги. Видимо, в их отношениях уже все шло к тому, чтобы им объединиться.

А когда чему суждено произойти, то это происходит, и мир не рушится. Так было и с ними. Михаил Афанасьевич стал жить вместе с Зинаидой Ивановной и ее сыном Евгением в доме на Змеиньинском тракте.

Ольга Александровна Баранова говорит:

«Конечно, и для него, и для нее это было волнительно. Тем более, что у Зинаиды Ивановны был взрослый сын Евгений Тихонов. Лисавенко он называл отчимом. К сыну ходили друзья. Сохранились воспоминания, как они отмечали Новый год. Зинаида Ивановна пекла большой пирог со свежей капустой и яйцами. Михаил Афанасьевич выпивал маленькую рюмочку коньяка, немного сидел с гостями и уходил в свою комнату — работать».

В 1961 году Алтайская опытная станция садоводства стала участницей международной выставки садоводства в городе Эрфурте (ГДР), где была награждена дипломом Почета, двумя золотыми медалями за плоды семечковых и облепиху, одной серебряной медалью — за виноград. За этот успех Лисавенко премировали путевкой в Болгарию. И он пригласил с собой Зинаиду Ивановну. Вызов пришел только на Лисавенко, но Михаил Афанасьевич написал

*Зинаида Ивановна Лучник.
1950-е гг.*

не одно письмо в Москву, где просил предоставить путевку и его супруге Лучник (хоть официально они не расписались, в этих письмах он ее называл супругой. — Прим. автора), и академику пошли навстречу. Это была первая заграничная поездка Михаила Афанасьевича и, наверное, первое в жизни романтическое путешествие. Потому что всю жизнь он только и делал, что работал. Отпусков у директора практически не было. Разве что в марте 1955 года он съездил на две недели в Кисловодск. После чего написал в своем дневнике: «в первый раз в жизни так далеко заехал на юг!». Сейчас в музее Лисавенко, в том самом резном столе, который подарил ему отец, в маленьком мешочке хранятся ракушки и камушки, видимо, с болгарского берега.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Вернувшись после отдыха, и Лисавенко, и Лучник вновь погрузились в работу станции. Он очень много писал статей, занимался выведением новых сортов. В отличие от Михаила Афанасьевича, выведенные им сорта путешествовали по всей стране. В письме Коптелову в декабре 1964 года Михаил Афанасьевич напишет:

«Возвратились мои сотрудники из Москвы, с заседания госкомиссии по сортоиспытанию, где утверждают новое районирование плодово-ягодных культур РСФСР. Как оказалось, сорта черной смородины алтайской селекции ныне районированы (то есть используются в посадках. — Прим. автора) по 35 областям, краям и автономным республикам РСФСР. Даже до Кавказа докатились! Председатель госкомиссии С. Н. Пронин в своей речи выразился так: «Алтай завоевывает Европу!». Районирована и яблоня Горноалтайское в четырех областях, черноплодная рябина — в восьми. Вспоминаю, как 30 лет назад выпрашивал у этой Европы по черенку сортовой смородины зарубежных сортов, которую теперь перекрыли алтайские сорта».

Но сил у академика оставалась все меньше, с каждым годом здоровье Михаила Афанасьевича становилось слабее.

То и дело в письмах директора станции встречаются такие строчки: «Все еще болею. Обострение кардиосклероза и прочее. Через неделю обещают выпустить»; «Пребываю дома, так как последствия холецистита дают себя знать. Понемногу работаю»; «Продолжительное время болею. Обострился атеросклероз (мозговой) с гипертонией. Лечили, лечили и растравили печень. Теперь лечат от того и другого».

Ольга Александровна Баранова вспоминает, как директор станции на вопрос: «Как ваше здоровье?» — отвечал: «Переменная облачность с валидола на нитроглицерин». Какая-то волнующая сердцу грусть читается и в его письмах. Вот он шлет Коптелову письмо в 1962 году и просит его найти стихотворение про сад, которое ему очень понравилось и запало в душу. Мы нашли это стихотворение советского поэта Сергея Козлова.

* * *

Столько яблок — просто страх!
Испугаешься впотьмах:
К каждой яблоне — подпорки, —
Сад идет на костылях.

Вроде бы радостное стихотворение — о том, что богатый урожай яблок и деревьям требуется от тяжести опора... Но, может быть, самому Лисавенко уже хотелось на что-то опереться и отдохнуть, ведь его груз никто не мог на себя взять.

В 1964 году произошло еще одно тяжелое для Михаила Афанасьевича событие — умерла его сестра Мария. В своем дневнике он напишет: «Бедная моя Мария, сколько тебе пришлось пережить...».

А САД УЖЕ ОТЦВЕТАЕТ — БЫСТРО!

С Ольгой Александровной Барановой мы просматривали экспонаты в музее Лисавенко и наткнулись на ежедневник Лисавенко. Этот блокнот долгие годы оставался незамеченным, потому что казался пустым. Открываешь — а он чистый, не тронутый пером. И только если тщательно

пролистать все страницы, то наткнешься на краткие записи. Это последний дневник Михаила Афанасьевича. Он брался за него редко, в 1966 году, когда уже серьезно болел. Эти записи никогда раньше не публиковались.

Дневник начинается с 28 мая 1966 года.

28 мая

Собирал актив экспертов связи с подготовкой к предстоящему научно-методическому совещанию и экскурсией участников в Горный Алтай. Беседовал по этому же поводу с первым секретарем обкома КПСС Н.С. Лазебным (первый секретарь областного комитета КПСС Горно-Алтайской автономной области, заместитель председателя исполнительного комитета Алтайского краевого Совета. Избирался депутатом Верховного Совета СССР 8-го и 9-го созывов. — Прим. автора).

С В.П. Онищенко и З.С. Зотовой обошли и объехали садовые насаждения. В Горно-Алтайске цветут груши, яблони еще нет.

29 мая

Утром были в Союзгинском питомнике, осмотрели с Владимиром Григорьевичем Варфоломеевым и бригадиром Галиной Пантелеевной Бояринцевой посевы, прививки, отводки. Затем выехали с В.П. Онищенко и В.Г. Варфоломеевым в Чемал, куда приехали к 12 часам. С ними и В.С. Путовым были на Катунском участке и под конец в новом питомнике. Потрясающее, как всегда, впечатление производит деятельность В.С. Путова, что не по силам «нормальному» человеку.

Требуется ему две грузовых автомашины и 1,5 км труб для орошения нового участка. Сливы здесь уже отцвели, цветут всю яблони, зацветает сирень.

1 июня

Утром купил в «Лакомке» 60 подарочных кульков с конфетами и поехал в детсад №80, где в 10:30 состоялся утренник по случаю Дня защиты детей. Как всегда трогательно прошли детские выступления.

После обеденного перерыва работники телестудии отвели два часа для обменного с Красноярском фильма. Ведь сам-то я красноярец! Приехал с межрайонной выставки с/х машин в Москве В. Д. Бартенев. Я в восторге. Принес кучу рекламных проспектов и эту ручку, которой пишу.

В полном цвету Бесприданница. И сегодня начали цвести полукультурки и ранетки. А вечером дома были Л. И. Паршукова и А. П. Симаков, пришлось прервать занятие в саду.

2 июня

Утром сегодня навестил в госпитале Ф. М. Гринько. С ним, оказывается, 5 мая случился удар и на днях его доставили на лечение в Барнаул.

Температура +30! Враз полностью расцвели и стланцы и полукультурки и ранетки. Сильно пострадала Грушовка майская, хотя и была укрыта. В бригаде №1 неважно перезимовал Пепин шафранный, хорошо Боровинка. У Г. В. Васильченко малин. Алтайка вкусная лучше всего перезимовала без укрытия. Что ни зима, то какая-нибудь новость в перезимовке. Истратил целую пленку на Бесприданницу.

3 июня

Весь день занимался писанием разных программ Крайкому КПСС — докладчикам в связи с предстоящим научно-методическим совещанием с 5 по 12 июля. Ослепительно цветут яблони и тюльпаны. Жарко и сухо. Днем стоит жара, прошел небольшой дождь и стало легче.

4 июня

Отвез в крайком КПСС программу к предстоящему научно-методическому совещанию по сибирскому садоводству. Почти весь день отняли беседы с посетителями. Ответил только на десять писем. Надо готовить доклад к совещанию, а тут жара. Кипят мозги.

Расцветает сирень. Буйно растет Жебровское. Яблоки — хлеб наш и в промышленном масштабе. Зацвели сорта земляники: Пионерка в первую очередь.

5 июня

Цветет гибридный (З. И.) пион (кавказский х степной). Одновременно с тюльпанами. Надо его размножить. Намечался сегодня писать свой доклад к совещанию (5 июля), но не смог закончить программу для ВАСХНИИЛ.

Прошел дождь и растрепал гибридный пион, о котором писал сначала. Это его недостаток. Отцвела Бесприданница. Впервые на приусадебном участке цветут Северянка, Горноалтайское.

Тяжелая погода, жарко, собирается и не может собраться дождь. На 11-е приглашен на сессию ВАСХНИИЛ, на 21-е Советский комитет защиты мира. Не поеду.

6 июня

Отправил ВАСХНИЛ на 12 страничек свои «соображения» по организационным вопросам в с/х науке.

Вечером приезжала Л. А. Паршукова с новым корреспондентом по Алтайскому краю «Советской России». Но я был второй день уставший и не пошел из дома. Так как не нашли З. И. (она работала в дендрарии, ведя наблюдения), уехали, видимо, обиделись.

А сад уже отцветает — быстро! Только стланцы еще в полном цвету.

7 июня

Ездил сегодня к председателю крайисполкома И. И. Молчанинову (Иван Ильич Молчанинов, председатель Алтайского крайисполкома (1966–1973) впервые после его назначения. Но переговорить как следует не удалось. Захватил его на пороге, обещал приехать к нам. С завотделом агитации и пропаганды Крайкома КПСС приехал Г. М. Марков, секретарь Союза советских писателей, балотирующий по Бийскому избирательному округу в Верховный Совет СССР, была с ним его жена, тоже писательница, Агния К. Кузнецова. Передали мне привет от писателя Л. М. Леонова.

Печальное известие — В. И. Данилова, честного коммуниста и человека, во время лекции в сельскохозяйственном институте, хватил инфаркт.

По-прежнему жарко, хотя синоптики обещали на 7-9 резкое похолодание.

8 июня

Самое приятное за этот день — пролил благодатный дождь. А то земля была как бетон. Град всего 3 миллиметра. Посадки помидоров все поколотил. Вечером прополоснул один рассадник с вегетативным потомством 5 сеянцев земляники. Здорово накормил комаров! Родила кошка, наша Китяка.

9 июня

Вечером пропалывал посев 1964 года. Начал писать доклад к предстоящему научно-методическому совещанию по садоводству Сибири и Северного Казахстана. Туго идет пока что. Днем отвлекают другие заботы.

10 июня

Был в крайкоме КПСС с хлопотами по совещанию.

11 июня

Сегодня на митинге в клубе А. В. Георгиев мне и другим собравшимся вручал правительственные награды по указу правительства от 30 апреля 1966 года. После этого дома отпраздновал это событие (Приказом от 20.04.1966 Михаил Афанасьевич Лисавенко награжден государственной наградой СССР — званием Героя Социалистического Труда. — Прим. автора).

12 июля

Вчера вечером заболел — очевидно, печень. Целый день лечился. Не мог не только есть, но и курить.

19 июня

Сегодня воскресенье. Нет уколов и медицинских сестер. Позволил себе встать и пообедать за столом. Температура 37, иногда днем поднимается. Заботами полна голова в связи с предстоящим совещанием.

Погода с утра пасмурная, но дождя нет и нет.

Хорошо хоть, что уже из окна вижу, как выросли розы и набирают цвет и как расцветают в парнике огурцы.

26 июня

Еще воскресенье, а по-прежнему дома. Врачи брали очередной анализ крови, РОЭ высокое опять. Ровно полмесяца прошло и конца не видно. С большим напряжением пишу доклад к совещанию. З. П. Стародубцева еще сомневается что буду его делать (может быть, сидя). «Сижмя», как говорил Островский в Ойрот-Туре. Вчера прошел настоящий дождь. Посвежело.

В бригаде №1 созрела уже земляника, был каждого вида первый сбор. В нашем садике под окном отцветает первый ряд малины, зацвели в парнике огурцы. Набирают бутоны розы.

28 июня

Был сегодня профессор Овчинников Анат. Вик с И. А. Бекетовой. Умный человек, он как-то успокаивающе действует — а то бы совсем раскис — и в голову «стреляет», и в глазах сегодня мельтешат золотые спирали. А врачи-женщины какую-то панику на меня наводят. Однако Анатолий Викторович заявил, что хотя выступать здесь, в Барнауле, они разрешат, но против всяких поездок в Горно-Алтайск, в частности. Чувствую, как с этим соотносится «Врачей слушать надо», как мне написал, описывая свою болезнь Т. П. Ефремов.

Продолжаю мучиться с докладом. Не могу как-то сосредоточиться. То ли антибиотики вышибают, то ли неорганизованный мой режим. Вечером кое-как закончил.

3 июля

Воскресенье. Совершил первую вылазку в лабораторию, немного прошел в дендрарии, посмотрел нового года посадки.

А в целом расстроился — ведь на носу совещание.

Удивительно: на приусадебном расцвел обычный многолетний флокс Эвелин.

4 июля

Завтра совещание. Народ прибывает. Вечером ко мне пришли товарищи В. А. Колесников и М. Т. Тарасенко. Кто-то из приезжих доставил подарки: черешню, кинзу из Киева и яблоки из Краснодара.

5 июля

День исторический. В 10 часов открыли совещание по садоводству Сибири и северных областей Казахстана в Доме Союзов. Прибыли 120, а с гостями все 200 человек. Хватило сил открыть, сказать вступительное слово и даже сделать часовой доклад.

В обеденный перерыв уехал домой и отлежался до вечера. Несуветная жара +30.

9 июля

Вчера участники совещания отправились поездом в Бийск, в Горный Алтай. Предыдущие дни прошли в ознакомлении с Барнаульским хозяйством. Работа секций и т.д.

Утром передавали по радио передачу «Сибирский Мичурин». Конечно, сравнение относительное. Суть в том, что я стремился приложить идеи Мичурина к практике сибирского садоводства. Я не имел возможности собственноручно опылять, прививать, садить деревья, за исключением тех, которые разводил на своем приусадебном участке. Моим делом стало создать коллектив и дать моим сотрудникам возможность работать, как это мне представлялось нужным. Но это лишь часть дела, это не самоцель. А цель развитие сибирского садоводства. И здесь нужно было приложить немало сил, чтобы оно шло в нужном, как мне представлялось, направлении. Так что моя роль организаторская.

10 июля

Сегодня — воскресенье, в 14:30 выезжаем с З.И. в Бийск, а оттуда в село Алтайское для встречи с участниками совещания и проведения итогового заседания. РОЭ опять повысился, хотя и чувствую себя более-менее нормально.

12 июля

Вчера поздно вечером закончилось в с. Алтайском научно-методическое совещание по садоводству Сибири и северного Казахстана.

Коротко — это совещание явилось триумфом Алтайской опытной станции и ее коллектива. Утром сегодня на самолете вернулись с З.И. из Алтайского. Все эти дни стояла и сейчас стоит жара.

14 июля

Сейчас флокс Эвелина цветет 1/2 куста, вторая половина без цветов. Все эти дни шли приемы разъезжающихся участников совещания. Сегодня были товарищи из Бурятской плодово-ягодной станции. Написал по поводу их жалобы письмо Т. П. Воронову и председателю Биня. Сiju весь день дома.

15 июля

11 июля заболел, обострение холецистита — это после дегустации, все утро и вечером температура 37,5... Приезжал Анатолий Витальевич...

Утром сегодня (15 июля) вечером последний гость — участник совещания С.И. Исаев — жил с дочкой Ириной у Иды Павловны Калининой. Днем рискнул своей печенкой и сделал отбор в рассаднике земляники сеянцев Робинзона и Д. Соват-ягеря. Из этой второй семьи отобрал нечто путное.

16 июля

Сегодня З.И. зачереновала флокс Эвелина с цветущей и нецветущей частями куста. Целый день провел дома. Приезжала утром медсестра, брали очередной анализ крови, позже была З.П. Стародубцева. РОЭ остается высоким хотела привезти хирурга, но не вышло из-за машины. Вечером принялся за своего рода «мемуары» для потомков — записка для будущих помологов — об истории сортов, к которым имел непосредственное отношение.

20 июля

Провел заседание Ученого совета нашей станции по вопросу и по итогам прошедшего 5-11 июля совещания. Устал страшно!

21 июля

Сегодня с помощью К.М. Самородовой и Е.А. Важениной посеял в рассадник З.И. косточки вишни, полученной от А.И. Чагуренко под названием «Саратовская расплетка». Фотографировал флокс Эвелин и прививки кедра по 3-му году роста на сосне, а также чеснок Рокамболь. Продолжается жара в 30 градусов и выше.

22 июля

Сегодня ездил (впервые после весны) на полевой или Загородное отделение как называется теперь наш большой сад. ...Замечательный урожай малины — и это несмотря на засуху. Вполне удовлетворительна для этого лета и черная смородина — в среднем с куста Голубки и даже Алтайской десертной по одному кг ягод. У Приморского чемпиона в два раза ниже — сухо для него.

23 июля

Суббота. Днем провел пару часов в лаборатории. Написал ... больше 20 писем... — накопилось много корреспонденции, ответил на более неотложные. Собирался давно пересадить глоксению — единственный дома цветок! Хилая, вытянулась в два побега. Как будто и сажал в горшок два листа от разных сортов, выращенных из семян, привезенных из Болгарии. А З.И. высадила привезенные С.И. Исаевым нарциссы и крокусы. Обильно полил розы, флоксы и прочее. Жара. Дождь не может собратья

24 июля

Воскресенье. Зинаида Ивановна с 6 утра принялась за свою рукопись. Я написал письмо...Беляевым, почему-то с утра вспомнилось о них. Потом пошел на «свой» селекционный участок смородины (из сеянцев 1963 года, часть их уже плодоносит). В расчете на строгий отбор и мои возможности (занимаюсь лично селекцией украдкой — судьба директора). Посажены сеянцы густо. Отобрал один куст с крупными, вкусными, бурого цвета, ягодами с хорошо выполненной кистью — 5-7-8 ягод; здоровые неповрежденные даже тлей, в этом году буквально свирепствующей на всех породах. Домой принес три зеленых черенка, посадил их в горшок под стеклянную банку и поставил на веранде. А из яблонь-карликовых и других чехословацких сеянцев номер 63-6 имеет сланцевую форму!

Обуревают мысли о писании книг и статей. Ведь столько тем! Хочется написать в назидание потомкам и книгу по селекции, особо смородины, с мичуринских позиций.

И по истории сибирского садоводства — материал собирал десятки, можно сказать, лет; издать избранные труды И. В. Мичурина с хорошей вводной статьей; азбуку садоводства, о которой давно мечтаю... Сбудется ли все это?!

25 июля

С Кравцовой, Лукиной, Важениной бегло еще раз просмотрели сеянцы смородины 1963 года. Есть несколько экземпляров, происходящих от Черной грозди и Канадской Х Черной Лисавенко, представляющих несомненный интерес.

Полный отбор представится возможным в будущем году, когда будут плодоносить все сеянцы. Просмотрел конкурсный участок гибридов второго этапа селекционной работы с черной смородиной. 3-4 можно возвести в ранг сортов.

26 июля

Я все еще на больничном. Сегодня были В. П. Стародубцева и Бекетова. РОЭ еще достаточно высокий (25), но обещали списать с бюллетеня. Посеял в ящик семена лесной земляники из ягод, купленных Важениной на базаре. Когда-то будучи мальчишкой еще до гимназии сеял в огороде эту клубнику. Вот если бы все эти 60 лет, прошедшие с того времени, продолжать работу по аналитической селекции, может быть что-либо и получилось!

27 июля

Мучаюсь с утра над статьей о селекции, заказанной издательством «Колос» для юбилейного сборника.

29 июля

Чиркал и переписывал свою писанину для сборника «Колоса». Не могу попасть в «тон» — или слишком легкомысленно или тяжело для читателя. На маховой поляне осматривал зеленое черенкование. Молодец Саша Перфирьев — наладил автоматику орошения зленых черенков в зеленых грунтах.

13 августа

Опять на больничном. Приступ боли. РОЭ снова 40. Колот четыре раза в день, плюс принимаю антибиотики.

14 августа

Не удержался — посеял в горшочек семена крыжовника из одной ягоды отборного сеянца мичуринца. Хочется посмотреть на его внучат.

31 августа

Вот и конец лета. Целое лето просидел дома и сейчас продолжаю бюллетенить. Категорически отказался ехать в больницу. Дома один. Вечер. Пустынно в доме. З. И. уехала в Новосибирск. Не стал закрывать даже ставни.

28 июля

Ездил в поликлинику. РОЭ еще не дошло до нормы [188].

Дневник обрывается.

УРОЖАЙНЫЙ И СЛОЖНЫЙ 1966 ГОД

Найденный дневник позволяет прочувствовать, чем жил Лисавенко, что его волновало. Но, конечно, он требует пояснений, многое в него не записал Лисавенко.

1966 год был для него и радостным, и очень тяжелым. 30 апреля 1966 года Михаилу Афанасьевичу присвоили почетное звание Героя Социалистического Труда. Но саму золотую медаль «Серп и Молот» вручили 11 июля (о чем он пишет в дневнике). Отметив с гостями эту награду (выпив рюмку спиртного), он очень об этом пожалел, так как резко обострился холецистит (скорее всего, у Михаила Афанасьевича были камни в желчном пузыре и желчных протоках — а это бесконечные боли в боку, спине). В тяжелом состоянии он продолжал готовиться к очень важному событию — выездной сессии ВАСХНИЛ, которая состоялась на Алтае в июле 1966 года. Из дневника мы видим, как старательно, несмотря на болезнь, Михаил Афанасьевич пишет доклад к этой сессии. Он пригласил на Алтай много известных ученых. Приехал Сергей Иванович Исаев, заведующий лабораторией биологии, генетики и селекции садовых растений МГУ, селекционер Леонид Алексеевич Колесников, профессор Симон Самойлович

Рубин из Крыма и многие другие. Сессия проходила сначала в Барнауле, потом делегаты отправились в Горно-Алтайск.

В письме Коптелову от 14 июня Лисавенко сообщает:

«Совещание будет проходить в Барнауле с 5 по 8 июля, а затем, 12-го июля — экскурсия в Горный Алтай. Участники приедут из Прибалтики, Молдавии, Грузии, Крыма и других значимых мест». Для Лисавенко было важно на всю страну показать успехи алтайского садоводства. Свой доклад Михаил Афанасьевич назвал «Очередные задачи научно-исследовательской работы в сибирском садоводстве», и это его выступление до сих пор цитируется во многих учебниках и научных трудах по садоводству.

Ольга Александровна Баранова в 1966 году была аспиранткой и помнит, как проходила сессия:

— После сессии в июле месяце Михаил Афанасьевич провел ученый совет станции. Он предложил провести его на открытом воздухе рядом со зданием корпуса. Последние годы он очень тяжело переносил жару. В душных помещениях ему становилось плохо.

Давление, сердце, холецистит — после прекрасно прошедшего совещания тяжелое состояние Лисавенко обострилось. Врачи рекомендовали ему ехать в Москву и делать полостную серьезную операцию. Состояние директора станции было настолько тяжелым, что вместе с ним в Москву поехал врач из Барнаула, также в дороге его сопровождала Зинаида Ивановна Лучник. До столичной больницы они добрались поездом, самолет был противопоказан.

Приемная дочь Михаила Афанасьевича Валентина Михайловна говорит:

«Операцию делал известный хирург, в больнице отцу удалили желчный пузырь, отходил он очень тяжело. Возраст и давление... Он долго лежал в больнице».

Выписавшись из больницы, Лисавенко для реабилитации поехал в подмосковный санаторий, где пробыл до января 1967 года.

Ольга Александровна Баранова добавляет:

«Но не нужно думать, что Лисавенко отдыхал. Из санатория он поехал в Москву сдавать план по работе стан-

ции на 1967 год. После операции ему стало лучше, но в письмах он писал так: «Удаление желчного только частично улучшило мое здоровье...». В последние годы его еще очень беспокоило сердце и давление».

1967 ГОД

Весна 1967 года выдалась ранней, весь апрель стояла летняя жара, а потом ударили заморозки. Лисавенко пишет Коптелову в письме:

«Не радуется нынешняя весна. Все бешено распустилось, а теперь приходится ждать снег... Отдыхать пока не думаю. Наотдыхался в больнице. Работы много».

А вот май 1967 года принес радостную новость. Указом Президиума Верховного Совета СССР 26 мая 1967 года Алтайскую опытную станцию садоводства наградили орденом Трудового Красного Знамени — «за создание и внедрение в производство высокопродуктивных сортов плодово-ягодных культур и активное участие в развитии сибирского садоводства». Для Лисавенко это была очередная большая победа накануне его 70-летия.

В июне 1967 года Михаил Афанасьевич с Зинаидой Ивановой Лучник едут в Горный Алтай. В одном из писем он рассказывает:

«Выехали на рассвете 6 июня и днем 10 июня вернулись. Путешествовали на «газике» от самого Барнаула, доехали до Куюса (это вверх Катунь — 60 км от Чемала). Намотались порядком — жара была +36 градусов! Глубоко возмутило строительство мясокомбината между Союзгой и Манжероком» [196].

Вернувшись в Барнаул, Лисавенко написал об этой стройке в газету «Алтайская правда» заметку под заголовком «Этого нельзя допустить!». Академик просил остановить строительство, чтобы сохранить Катунь от загрязнений.

В октябре Михаил Афанасьевич готовился отпраздновать юбилей. Летом к нему приехал журналист Александр Григорьевич Баздырев для подготовки очерка о жизни академика.

Лисавенко не очень любил публикации о себе, всегда больше рассказывал о станции. Но дата, приближающееся семидесятилетие, обязывала. Еще один очерк об академике готовил и его друг Афанасий Коптелов. На что Лисавенко с иронией и очень пророчески написал ему в письме:

«Конечно, спасибо и Вам (инициатору и автору) и редакции «Сибирских огней» за публикацию (если она состоится). Лично я подобные «некрологи» не читаю, думаю, что и другие читатели поступят так же».

Один из вопросов журналиста был такой: «Стоило ли так напрягаться всю жизнь, Михаил Афанасьевич, борясь с природой и обстоятельствами? Ведь сейчас есть возможность на самолетах привозить яблоки, мандарины, виноград...». На это Лисавенко ответил так: «Стоило, конечно. Теперь садоводство в Сибири будет развиваться несмотря ни на что!».

Все статьи, готовившиеся к 70-летию Лисавенко, действительно стали некрологами.

А это — фрагмент из очерка «В последний месяц» А. Г. Баздырева:

«Михаилу Афанасьевичу в тот день нездоровилось, и он принял меня дома, в своем небольшом, заставленном книжными шкафами кабинете. Единственное окно глядело на восток — на высокие сосны и сад. Деревья приглушали свет, и в кабинете было темновато. Не помню как это вышло, но разговор у нас перескочил почему-то на литературные темы. Оказалось, что Михаил Афанасьевич внимательно следит за ведущими журналами страны, прочел все более или менее заметные произведения алтайских писателей. Помнит их содержание. Представился удобный случай спросить, прочему он, академик, не возьмется за перо? Ведь если бы, при его умении видеть мир одновременно и глазами ученого и глазами художника, он написал, скажем, воспоминания о проживотом и сделанном — им бы не было цены!

— Ну, мои литературные способности вы, конечно, переоцениваете, — убежденно отрезал Михаил Афанасьевич так, словно отмахнулся. — А вообще... Садовод имеет дело с красотой и должен уметь понимать красоту. Может, даже и писать!

Мимо домика Лисавенко, внимательно поглядывая на окна, прошел пожилой мужчина с ружьем. Михаил Афанасьевич быстро поднялся, проводил мужчину озабоченным взглядом, и по лицу его пробежала тень.

— Вот еще беда у нас, — вздохнув, неожиданно сообщил он, — сторожа хорошие не держатся. Нанял было человека... На днях какая-то компания возвращалась с охоты на машине. Влезли в сад, на один из самых дорогих участков... Если бы они нарвали корзину-другую яблок — Бог с ними. Но вор есть вор. Торопится, ломает, топчет! Сторож хотел этих пакостников напугать ружьем, а они на него навели пять двустволок.

Михаил Афанасьевич помолчал.

Возраст есть возраст. Хочешь не хочешь — и здоровье сдает, и зрение, и память. Не пощадили годы и Михаила Афанасьевича. За те двадцать два года, которые прошли с нашей первой мимолетной встречи с ним, он пополнил, стал рыхлее, медлительнее. Но память у него оставалась на удивление светлой, цепкой. Он, не задумываясь, приводил множество цифр — доходы и расходы станции в том или другом году, цены на продукцию, называл по фамилию и отчеству людей, с которыми встречался или работал. Вспоминая тот или иной случай, передавал его живо, подчеркивая голос собеседника, манеру говорить, держаться. В первый день мы проговорили с ним пять часов. Через несколько дней я вновь пришел к Лисавенко. Он пригласил меня отобедать. Михаил Афанасьевич помог мне найти старые шлепанцы, провел в столовую, познакомил с сыном своей супруги, Женей, придирчиво оглядел уже накрытый стол. И вдруг, неловко замявшись, обронил:

— Ну вы кушайте, пожалуйста, а я пойду прилягу.

Родные отнеслись к уходу Лисавенко, как мне показалось, с привычным сожалением.

— Нездоровится ему что-то в последнее время, — сочувствующе сказала хозяйка.

Я написал на вырванном из блокнота листке номер своего телефона и попросил передать Михаилу Афанасьевичу просьбу: когда у него будет время и почувствует себя лучше, пусть назначит мне день и час.

Услышав, что ухожу, Михаил Афанасьевич вышел меня проводить в сени.

— Вы уже уходите? — виновато проговорил он — Наверное, и не покушали? Я надеюсь, во вторник или среду мы с вами встретимся.

Он стоял в проеме двери в желтоватой рубашке с расстегнутым воротом, грузный и — трудно сказать, от рубашки ли, или, может быть, из-за сумрачного дня — лицо его тоже казалось землисто-желтым. Это было в пятницу» [196].

27 АВГУСТА 1967

Михаил Афанасьевич скоропостижно скончался в воскресенье 27 августа 1967 года. Накануне, 26 августа 1967 года, Лисавенко пишет письмо (оно официально считается последним письмом ученого. — Прим. автора) в Москву в Министерство сельского хозяйства СССР начальнику Главного управления садоводства, виноградарства и специализированных совхозов А. В. Морозову и вкладывает в конверт тезисы доклада «Ягодники в сибирском садоводстве».

До самого последнего дня он был погружен в работу. На его столе всегда лежали письма, наброски выступлений.

В книге о Лисавенко «Человек большого сердца» есть письмо секретаря Михаила Афанасьевича Е. А. Важениной, где она описывает его последний день. «Очень трудно писать о последних минутах жизни Михаила Афанасьевича. Последние дни он был таким веселым и жизнерадостным, что до сих пор мы не можем поверить, что его нет на этом свете. Кажется, что он уехал ненадолго и скоро будет с нами. С 18 июля Михаил Афанасьевич находился в очередном отпуске, но никуда не поехал, а трудился дома — сеял семена ягодников. В последние дни он часто бывал на станции по делам — принимал гостей. Жаловался на слабость. В субботу он работал в фотолаборатории и пил там валокордин, но к врачам обращаться не хотел и не разрешал их вызывать. 27 августа в 8 часов утра он был уже мертв. Смерть наступила мгновенно... Кровоизлияние в мозг...» [38].

Мария Павловна Фатерина помнит, как Михаил Афанасьевич перед самой смертью хотел напечатать фотографии. Она говорит:

— Он пришел ко мне на неделе в лабораторию и говорит: «Давайте в выходной поработаем, попечатаем...» Ну что делать: нужно так нужно. В воскресенье утром пошла в лабораторию. Приготовила растворы, аппарат, его пленки. Смотрю на часы: девять утра — его нет, десять — нет. Я сторожу говорю возмущенно: «В чем дело, ну почему же его все нет!». И тут заходит Владимир Дмитриевич, Бартеньев, заведующий отделом механизации станции, говорит с порога: «Мария, нам нужен портрет Михаила Афанасьевича. Срочно!». А я на взводе: «Зачем он вам в воскресенье, что за срочность?». Достая свой альбомчик, где все негативы с Михаилом Афанасьевичем, и уточняю, какое фото нужно — официальное или нет. Он разволновался: «Самое официальное». Во думаю, опять в газету: «Зачем, что за срочность?». Он молчит. И только когда я напечатала, он мне сказал: «Михаил Афанасьевич умер...». Как гром среди ясного неба, я разрыдалась. Он знал, что если сразу скажет, то ничего толком напечатать не смогу. Целую неделю в лабораторию не могла зайти, слезы душили. Там его фотоаппарат. Его пленки... Я их потом Зинаиде Ивановне отнесла.

Валентина Михайловна Лисавенко тоже вспоминает смерть отца со слезами на глазах:

— Я была в августе в отпуске на юге, пришла телеграмма от мамы... Села на самолет и пулей прилетела в Барнаул. Сами похороны как в бреду... В альбоме сейчас лежит у меня фотография с похорон. Море народу, венки... А на обратной стороне подпись, не помню, то ли я подписала, то ли мама: «Жизнь есть путь до смертных врат». «Божественная комедия» Данте. Август 1967 года, Барнаул».

В газете «Алтайская правда» за 30 августа 1967 года опубликована заметка о прощании с Михаилом Афанасьевичем. «В траурном убранстве один из залов Барнаульского городского комитета партии. Непрерывен поток людей у гроба Михаила Афанасьевича Лисавенко. Идут горожане и жители сел Алтая. Всем им одинаково близок выдающийся ученый, организатор сибирского садоводства коммунист

Похороны М. А. Лисавенко. 1967 г.

М. А. Лисавенко. На алых бархатных подушках правительственные награды — Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, три ордена «Знак Почёта», медаль лауреата Государственной премии, медаль имени И. В. Мичурина, медали ВДНХ. Обилие венков. Их принесли сюда представители партийных, советских, общественных организаций, предприятий, колхозов и совхозов края. Члены комиссии по организации похорон, близкие покойного выносят гроб с телом М. А. Лисавенко и водружают его на автомашину. Провожаемый тысячами барнаульцев кортеж направляется на кладбище. У могилы состоялся траурный митинг. Его открыл председатель комиссии по организации похорон Ю. А. Романенко. С прощальными речами выступили член ЦК КПСС, первый секретарь крайкома КПСС А. В. Георгиев, председатель Барнаульского горисполкома И. Д. Налетов, заведующая отделом ордена Трудового Красного Знамени Алтайской станции садоводства И. П. Калинина, директор хлопчатобумажного комбината Б. В. Медведев, заведующий отделом АНИИСХОЗа Г. Т. Руденко, студент Алтайского сельскохозяйственного института А. Ф. Лаптев.

Гроб с телом Лисавенко медленно опускается в могилу. Раздается салют. Звучит мелодия Гимна Советского Союза. Дело, которому отдал всю свою жизнь М. А. Лисавенко, будет продолжено его учениками, всеми трудящимися Алтайского края».

Так совпало, что в дни похорон начала работать очередная выставка ВДНХ, где были представлены достижения Алтайской опытной станции садоводства. Об этом тоже писала «Алтайская правда»:

«Посетили вашу выставку. Мы и не подозревали, что на Алтае выращивают такие фрукты. Молодцы садоводы, вырастившие в трудных климатических условиях такие плоды...» Эти строки можно прочитать в книге отзывов на выставке, открывшейся 26 августа 1967 года в главном павильоне ВДНХ. Внимание посетителей в первую очередь привлекает экспозиция Алтайской ордена Трудового

Красного Знамени опытной станции садоводства. Экспонаты расположены таким образом, что можно проследить историю развития садоводства на Алтае».

По итогам выставки, уже в декабре 1967 года, Алтайская опытная станция садоводства получила Диплом почета, таким же дипломом посмертно был награжден Михаил Афанасьевич Лисавенко.

Еще один символический момент. В год смерти Лисавенко зима выдалась очень суровой. С середины декабря температура воздуха стала быстро падать. С 17 до 26 декабря ртутный столбик держался ниже 40 градусов. 18 декабря ударил мороз минус 45... Погибло больше семнадцати тысяч гибридных сеянцев. Сотрудники станции, как тени, беспомощно бродили по участкам, зная, что ничем не помогут, весной на месте сада будут торчать черные палки. Большинство деревьев яблони старше 12 лет так померзли, что их пришлось выкорчевывать. Для коллектива станции это было тяжелым испытанием, многие говорили, что без Лисавенко сады гибнут, как без тепла...

Ольга Александровна Баранова говорит:

«Вы представляете, даже дикая сибирская яблоня не цвела, так все померзло...».

ЭПИЛОГ

В июле 1967 года Михаил Афанасьевич вновь сядет за свою автобиографию. К 70-летию ему нужно было подготовить биографическую справку о себе. Эта биография получилась намного короче первой: вся жизнь уместилась на одном листке. И заканчивается она такими словами: «История станции есть история моей жизни, тесно связанной с идеей сибирского садоводства, осуществлению которой я посвятил её — мою жизнь».

В 1967 году имя Михаила Афанасьевича Лисавенко было присвоено Алтайской опытной станции, а потом и организованному на ее базе институту.

Сколько сделал Михаил Афанасьевич для садоводства Сибири — не перечить. Он не просто автор более 128 сортов плодовых и ягодных культур, он — человек, который своей невероятной энергией вдохнул жизнь в саму идею сибирского сада. Как весна будит природу, он разбудил в сибиряках желание выращивать фрукты и ягоды. И то, что сейчас на Алтае никого не удивит садами, — это заслуга Лисавенко.

Говорят, если Михаил Афанасьевич останавливался у яблони, он не просто рассматривал цветы или урожай, он сначала аккуратно поглаживал веточки ладонью, словно здоровался с каждым деревом за ручку. Прощался с садом он тоже как с родным человеком. Остановится, что-то шепнет и улыбнется: «Ну, не скучайте без садовника...».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

КНИГИ

1. Броднева, А. В. Семейный альбом Крутовых : семья красноярцев Владимира и Лидии Крутовых в контексте истории России, 1881-1930 : [альбом]. — 2-е изд., доп. — Москва : Альбом ; Красноярск : Ситалл, 2015. — 144 с. : ил., портр., факс.
2. Была война... : сборник арх. документов [1941-1945 гг.] / сост.: А.Б. Барбарова, В.П. Величко, О.А. Зайцева ; Ком. по делам архивов Республики Алтай. — Горно-Алтайск, 2010. — 421 с. — (65-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается).
3. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка : путеводитель / [сост.: П.В. Белякева]. — Москва : Сельхозгиз, 1939. — 214 с.
4. Горный Алтай и горно-алтайцы в годы Великой Отечественной войны : материалы круглого стола, посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, (Горно-Алтайск, 3 нояб. 2020 г.) / М-во образования и науки Республики Алтай ; редкол.: Н.В. Екеев, М.С. Каташев (отв. ред.), Н.О. Тадышева. — Горно-Алтайск : БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова», 2020. — 135 с.
5. Данилов, С.К. Сад Шкроева: люди и судьбы / С.К. Данилов. — Томск : Изд. решения, 2017. — 288 с. : ил., портр., факс.
6. Захаревич, Н.И. Достижения мичуринцев в выведении новых сортов растений / Н.И. Захаревич. — Москва : Детгиз, 1950. — 64 с.
7. Иванов, В.К. Климатические особенности северо-восточных зон и методы изучения фитолимата сада / В.К. Иванов ; М-во сел. хоз-ва РСФСР, Алт. плодово-ягод. опыт. станция. — Барнаул : Алт. правда, 1954. — 20 с.

8. Кобелев, А. И. Пантюховы : повесть об отце и сыне / Алексей Кобелев. — Барнаул : Алт. дом печати, 2012. — 383 с. : ил., портр.
9. Крутовский, В. М. К вопросу о возможности промышленного плодоводства на юге Минусинского уезда Енисейской губернии / В. М. Крутовский. — Красноярск : Енис. губ. тип., 1900. — 16 с.
10. Лалетина, Н. Е. Яблочный Спас / Н. Е. Лалетина. — Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1995. — 301 с. : ил.
11. Лисавенко, М. А. По мичуринскому пути / М. А. Лисавенко. — Барнаул : Алт. правда, 1950. — 352 с. : ил.
12. Лисавенко, М. А. Плодоводство в Сибири / М. А. Лисавенко, Н. Н. Тихонов. — Новосибирск : Обл. гос. изд-во, 1941. — 120 с. : ил.
13. Лисавенко, М. А. Алтайский лук / М. А. Лисавенко // Плодоовощное хозяйство. — 1934. — №1. — С. 23–24.
14. Лисавенко, М. А. Великий преобразователь плодоводства : жизнь и деятельность И. В. Мичурина / М. А. Лисавенко // Опыт сибирских мичуринцев : [сборник]. — Новосибирск : Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1936. — С. 5–20.
15. Лисавенко, М. А. Доклад о развитии колхозного садоводства в Алтайском крае / М. А. Лисавенко // Алтайский краевой агротехнический съезд, январь 1948 г. / М-во сел. хоз-ва СССР, Алт. краев. упр. сел. хоз-ва ; [С. Шевченко (гл. ред.) и др.] — Барнаул, 1948. — С. 105–116.
16. Лисавенко, М. А. Жизнь и деятельность В. В. Пашкевича / М. А. Лисавенко // Избранные сочинения по плодоводству / В. В. Пашкевич. — Москва : Гос. изд-во с.-х. лит-ры, 1959. — С. 5–16.
17. Лисавенко, М. А. К дискуссии о новых методах борьбы с болезнями растений / М. А. Лисавенко // Плодоовощное хозяйство. — 1934. — №1. — С. 43–44.
18. Лисавенко, М. А. Облепиха / М. А. Лисавенко // Плодоовощное хозяйство. — 1933. — №2-3. — С. 45–46.

19. Лисавенко, М.А. Плодово-ягодное растениеводство в Ойротии и использование дикорастущих алтайских растений / М.А. Лисавенко // Ойротия : труды сес. СОПС по изучению производит. сил Ойротской авт. обл. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937. — С. 343–361.
20. Лисавенко, М.А. Плоды и ягоды на север / М.А. Лисавенко ; пред. И. В. Мичурина. — Москва : Крест. газ : Сельхозгиз, 1934 (типо-лит. им. Воровского). — 47 с. : ил. — (Библиотека колхозного опыта).
21. Лисавенко, М.А. По мичуринскому пути / М.А. Лисавенко. — Барнаул : Алт. правда, 1950. — 352 с. : ил.
22. Лисавенко, М.А. Рациональное размещение садоводства в Сибири / М.А. Лисавенко // Бюллетень научно-технической информации Алт. плодово-ягодной опыт. станции / М-во сел. х-ва РСФСР, Гл. управление с.-х. науки. — 1958. — №3. — С. 3–6.
23. Лисавенко, М.А. Садоводство / М.А. Лисавенко, И. А. Кухарский ; [предисл. В. А. Одинцова] ; Алт. (Ойрот.) опорный пункт науч.-исслед. ин-та плодоводства им. И. В. Мичурина. — Новосибирск : Зап.-Сиб. краев. изд-во, 1937. — 159 с. : ил.
24. Лисавенко, М.А. Садоводство Алтайского края : доклад / М.А. Лисавенко // Труды научной конференции по изучению и освоению производительных сил Сибири (25-30 июня 1939 г.) / Том. гос. ун-т (ТГУ). — Томск, 1940. — Т. 5. — С. 178–201.
25. Лисавенко, М.А. Сады Алтая / М.А. Лисавенко // Алтай. — 1947. — №1. — С. 121–124.
26. Лисавенко, М.А. Сибирский сад : опыт колхоза им. Молотова Шипуновского р-на Алт. края / М.А. Лисавенко ; Всесоюз. с.-х. выст. — Москва : Сельхозгиз, 1939. — 74 с. : ил.
27. Лисавенко, М.А. Состояние алтайского колхозного садоводства и перспективы его дальнейшего развития / М.А. Лисавенко // Состояния и задачи садоводства Алтая : (материалы краев. совещания по садоводству, 24-25 окт. 1952 г.) / Алт. плодово-ягодная опытная станция науч.-исслед. ин-та плодоводства им. И. В. Мичурина. — Барнаул, 1953. — С. 3–39.

28. Лисавенко, М.А. Состояние и задачи садоводства на Алтае / М.А. Лисавенко // Садоводство Алтай : материалы первого краев. совещания по садоводству, состоявшегося в г. Барнауле 2-3 окт. 1947 г. / Алт краев. упр. сел. хоз-ва ; [отв. за вып. В. А. Деркач]. — Барнаул : Изд. и тип. изд-ва «Алт. правда», 1948. — С. 5–19.
29. Лисавенко, М.А. Учение Мичурина в действии / М.А. Лисавенко. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1958. — 149 с.
30. Лисавенко, М.А. Черная смородина на новой генетической основе / М.А. Лисавенко // Наука — сельскому хозяйству : растениеводство : [сб. ст.]. — Москва : Сельхозиздат, 1963. — 440 с. : ил. — С. 289–296.
31. Минувших лет святая память : сб. воспоминаний детей войны — ветеранов Горно-Алт. гос. ун-та / сост. и ред.: И. В. Баскакова, П. В. Матюх, Т. Н. Юрченко [и др.]. — Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2016. — 207 с.
32. Петр Генрихович Шитт : [биобиблиогр. указ.] / вступит. ст. проф. В. А. Колесникова / [под общ. ред. А. Г. Шестакова ; Моск. с.-х. акад. им. К. А. Тимирязева, Центр. науч. б-ка]. — Москва, 1955. — 18 с. : ил.
33. Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны : материалы респ. науч.-ист. конференции, Горно-Алтайск, апр. 2010 г. : [сборник]. — Горно-Алтайск, 2010. — 170 с.
34. Список фабрик и заводов России : по офиц. данным фабрич., подат. и горн. надзора / [сост.-ред. «Торг.-пром. газеты», «Вестника финансов» и др.]. — Москва [и др.] : Л. и Э. Метуль и К°, [1910]. — 1418 с.
35. Теплякова, Н. В. Ида Калинина / Наталья Теплякова ; М-во культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. — Барнаул : [б. и.], 2021 (Новосибирск : Экселент). — 335 с. : ил., портр., факс. — (Алтай. Судьба. Эпоха : историко-биографическая серия).
36. Ученый-плодовод Сибири : (к 100-летию со дня рождения М.А. Лисавенко) : воспоминания : [сборник] / Рос.

акад. с.-х. наук, Сиб. отд-ние, НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко ; сост.: акад. С. Н. Хабаров и др. — Новосибирск : СО РАСХН, 1997. — 42 с.

37. Фетисов, Г. Г. Плодоводство и ягодоводство / Г. Г. Фетисов. — 6-е изд., испр. и доп. — Москва : Сельхозгиз, 1941. — 400 с. : ил.

38. Человек большого сердца : [сборник] : книга о М. А. Лисавенко / [сост.: А. В. Коптелов, Н. Г. Дворцов]. — Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1971. — 342 с. : ил.

СТАТЬИ ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И СБОРНИКОВ

39. Баранова, О. А. К истории некоторых сортов : (заметки для будущих помологов!) / О. А. Баранова // Состояние и перспективы развития сибирского садоводства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ГНУ НИИСС Россельхозакадемии (г. Барнаул, 20-22 авг. 2013 г.) / Россельхозакадемия, НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко. — Барнаул : Азбука, 2013. — С. 35–44.

40. Баранова, О. А. Михаил Афанасьевич Лисавенко — основатель сибирского садоводства / О. А. Баранова, Н. И. Назарюк // Флора и растительность антропогенно нарушенных территорий. — Кемерово, 2009. — Вып. 5. — С. 35–44.

41. Баранова, О. А. Первое десятилетие деятельности М. А. Лисавенко на Алтае / О. А. Баранова // Состояние и перспективы развития сибирского садоводства : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ГНУ НИИСС Россельхозакадемии (г. Барнаул, 20-22 авг. 2013 г.) / Россельхозакадемия, НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко. — Барнаул : Азбука, 2013. — С. 45–53.

42. Верещагина, И. В. Михаил Афанасьевич Лисавенко и декоративное садоводство / И. В. Верещагина // Состояние и перспективы развития сибирского садоводства : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения

М. А. Лисавенко (г. Барнаул, 21-24 авг. 2007 г.) / Россельхозакадемия, Сиб. отд-ние, НИИСС им. М.А. Лисавенко. — Барнаул : Азбука, 2007. — 403 с. — С. 23–26.

43. Калинина, И. П. Жизнь и деятельность академика ВАСХНИЛ Михаила Афанасьевича Лисавенко : к 110-летию со дня рождения // Вестник ВОГиС. — 2007. — Том 11. — С. 622–630.

44. Караченцев, И. С. Учебные заведения, эвакуированные в Горный Алтай в годы Великой Отечественной войны / И. С. Караченцев // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай) : материалы междунар. науч.-практ. конференции. — Горно-Алтайск, 2017. — С. 121–125.

45. Кискидосова, Т. А. Повседневная жизнь учащихся гимназий и прогимназий городов Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века / Т. А. Кискидосова // Научное обозрение Саяно-Алтая. — 2012. — №1 (3). — С. 81–89.

46. Корниенко, Т. Ф. М.А. Лисавенко в моей судьбе / Т. Ф. Корниенко // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — 2003. — №3. — С. 139–145.

47. Кочетков, Е. А. Верность клятве Гиппократата : (памяти врача Л. С. Форнель) / Е. А. Кочетков, О. С. Овчинникова // Мир Евразии. — 2016. — №1. — С. 53–57.

48. Культура плодовых деревьев // Сибирская жизнь. — 1901. — 9 окт. (№218). — (Хроника Сибири).

49. Лисавенко, А. По Сибири // Сибирская жизнь. — 1906. — 17 янв.

50. Лисавенко, М.А. Состояние алтайского колхозного садоводства и перспективы его дальнейшего развития / М.А. Лисавенко // Состояние и задачи садоводства Алтая : (материалы краев. совещания по садоводству, 24-25 окт. 1952 г.) / Алт. плодово-ягодная опытная станция науч.-исслед. ин-та плодородства им. И. В. Мичурина. — Барнаул, 1953. — С. 3–39.

51. Лисавенко, М. Агротехника кукурузы / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1944. — 10 мая (№53).

52. Лисавенко, М. Берегите старый бор / М. Лисавенко // Молодежь Алтая. — 1964. — 17 мая (№67).
53. Лисавенко, М. Богатый урожай ягод / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1942. — 1 авг. (№68).
54. Лисавенко, М. Борьба за озеленение — борьба за культуру / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1935. — 6 марта (№33).
55. Лисавенко, М. Будем самоотверженно работать каждый на своем посту / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1941. — 21 июня (№74).
56. Лисавенко, М. В Алтайском опорном пункте / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1941. — 23 мая (№61).
57. Лисавенко, М. В предгорьях Алтая / М. Лисавенко // Крестьянская газета. — 1938. — 8 июня (№77).
58. Лисавенко, М. Великая честь быть избранником народа / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1940. — 5 дек. (№148).
59. Лисавенко, М. Великий мастер зеленого цеха / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1934. — 20 сент. (№129).
60. Лисавенко, М. Великий советский садовод : к третьей годовщине со дня смерти И. В. Мичурина / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1938. — 7 июня (№66).
61. Лисавенко, М. Весна в плодово-ягодном саду / М. Лисавенко // Алтайская правда. — Барнаул, 1941. — [23] апр. (№95).
62. Лисавенко, М. Внимание садоводству! / М. Лисавенко // Колхозник Алтая. — с. Алтайское, 1938. — 14 сент.
63. Лисавенко, М. А. Вопросы сибирского садоводства / М. А. Лисавенко. — Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1958. — 172 с. — Из содерж.: Озеленяйте наши города и села. — С. 165–171.
64. Лисавенко, М. Всесоюзная перепись садов / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1945. — 15 авг. (№95).

65. Лисавенко, М. Всесоюзная пионерская экспедиция на Алтай / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1934. — 14 июля (№95).
66. Лисавенко, М. Встречи с И. В. Мичуриным. 2. Пионерская экспедиция / М. Лисавенко // Сталинская смена. — Барнаул, 1955. — 14 окт. (№123).
67. Лисавенко, М. Встречи с И. В. Мичуриным. 3. Сила Мичуринского учения / М. Лисавенко // Сталинская смена. — Барнаул, 1955. — 19 окт. (№125).
68. Лисавенко, М. Гордость и радость Советского народа / М. Лисавенко // Звезда Алтая. — Горно-Алтайск, 1950. — 23 сент. (№191).
69. Лисавенко, М. Дело большой важности / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1949. — 8 окт. (№198).
70. Лисавенко, М. Дело государственной важности / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1938. — 5 окт. (№117).
71. Лисавенко, М. Дорогу коллективному садоводству! / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1959. — 18 апр. (№91).
72. Лисавенко, М. Достижения Алтайского опорного пункта плодоводства / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1940. — 7 нояб. (№136).
73. Лисавенко, М. За боевую работу / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1935. — 18 нояб. (№155).
74. Лисавенко, М. За всестороннее развитие колхозного хозяйства / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1941. — 5 мая (№53).
75. Лисавенко, М. За дальнейшее развитие садоводства в Ойротии / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1946. — 21 апр. (№48).
76. Лисавенко, М. За стахановские методы в плодоводстве / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1936. — 1 янв. (№1).
77. Лисавенко, М. Заветное яблочко / М. Лисавенко // Социалистическое земледелие. — Москва, 1934. — 20 сент.

78. Лисавенко, М. Заготовляйте валериану / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1942. — 23 июля (№65).
79. Лисавенко, М. Задачи и перспективы развития садоводства на Алтае / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1947. — 2 апр. (№67).
80. Лисавенко, М. Заложим новые сады / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1950. — 1 окт. (№236).
81. Лисавенко, М. Зацветут сады лучше прежнего / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1945. — 25 мая.
82. Лисавенко, М. Зеленеют тысячи молодых яблонь / М. Лисавенко // Крестьянская газета. — Москва, 1935. — 2 июля (№92).
83. Лисавенко, М. Каждому району — сады и питомники / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1946. — 26 марта (№63).
84. Лисавенко, М. Как заложить плодово-ягодный сад : статья первая / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1936. — 29 апр. (№61).
85. Лисавенко, М. Как заложить плодово-ягодный сад : статья вторая / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1936. — 5 мая (№63).
86. Лисавенко, М. Колхозные мичуринцы / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1940. — 6 мая (№103).
87. Лисавенко, М. Колхозный сад на севере / М. Лисавенко // Крестьянская газета. — Москва, 1938. — 23 июня.
88. Лисавенко, М. Конкурс молодых садоводов / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1944. — 31 марта (№37).
89. Лисавенко, М. Кто же ответит за издевательство над специалистами / М. Лисавенко, И. Кухарский // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура. — 1935. — 17 дек. (№171).
90. Лисавенко, М. Лучшие местные сорта — в плодовой сортимент / М. Лисавенко // Мичуринская правда. — Мичуринск, 1938. — 28 дек. (№296).

91. Лисавенко, М. Лучшие сорта для приусадебного сада / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1940. — 12 янв. (№5).
92. Лисавенко, М. Мичуринские семена — колхозникам-селекционерам / М. Лисавенко // Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. — Москва, 1939. — 5 сент. (№66).
93. Лисавенко, М. Мичуринцы / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1938. — 19 нояб.
94. Лисавенко, М. На очереди — яблоня / М. Лисавенко // Крестьянская газета. — Москва, 1933. — №3.
95. Лисавенко, М. Над чем работает наша опытная станция / М. Лисавенко // Звезда Алтая. — Горно-Алтайск, 1948. — 2 июля (№131).
96. Лисавенко, М. Насущные вопросы алтайского плодоводства / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1945. — 2 сент. (№174).
97. Лисавенко, М. Насущные вопросы сибирского садоводства / М. Лисавенко // Социалистическое земледелие. — Москва, 1949. — 13 нояб.
98. Лисавенко, М. Наша радость и гордость / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1938. — 12 янв. (№6).
99. Лисавенко, М. Наши задачи : из доклада М. А. Лисавенко на краевом совещании садоводов // Алтайская правда. — 1947. — 4 окт. (№197).
100. Лисавенко, М. Наши итоги и планы / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1941. — 24 окт. (№256).
101. Лисавенко, М. О перспективах развития садоводства на Алтае / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1954. — 21 марта (№69).
102. Лисавенко, М. О развитии садоводства в области / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1941. — 28 марта (№37).
103. Лисавенко, М. О фруктах и цветах / М. Лисавенко // Советская Сибирь. — Новосибирск, 1937. — 29 июля (№173).

104. Лисавенко, М. Озеленение города и аймачных центров / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1936. — 3 марта (№31).
105. Лисавенко, М. Ойротия покрывается садами / М. Лисавенко // Крестьянская газета. — Москва, 1937. — 29 мая.
106. Лисавенко, М. Ойрот-Тура
сделать городом-садом / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1933. — 5 окт. (№121).
107. Лисавенко, М. Организовать производство консервов из овощей и ягод / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1941. — 26 янв. (№12).
108. Лисавенко, М. Организовать сбор семян ягод / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1933. — 12 авг. (№95).
109. Лисавенко, М. Осенняя закладка садов / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1944. — 27 нояб. (№136).
110. Лисавенко, М. Памяти И. А. Кухарского / М. Лисавенко // Садоводство. — 1964. — №12. — С. 43.
111. Лисавенко, М. Патриотка / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1942. — 23 февр. (№15).
112. Лисавенко, М. Первые плоды колхозного сада / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1939. — 24 сент. (№102).
113. Лисавенко, М. Пионерская экспедиция закончила свою работу в Ойротии / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1934. — 24 авг. (№114).
114. Лисавенко, М. Письма читателей / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1936. — 24 апр. (№58).
115. Лисавенко, М. Питомцы далекого Алтая : на Всесоюз. с.-х. выставке / М. Лисавенко // Вечерняя Москва. — 1939. — 31 марта (№73).
116. Лисавенко, М. Племя смелых, пытливых / М. Лисавенко // Комсомольская правда. — 1950. — 7 июня (№134).
117. Лисавенко, М. Плоды, фрукты и ягоды в Ойротии / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1935. — 1 янв. (№1).

118. Лисавенко, М. По мичуринскому пути / М. Лисавенко // Звезда Алтая. — Горно-Алтайск, 1963. — 30 июня (№130).
119. Лисавенко, М. По мичуринскому пути / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1946. — 7 июня (№66).
120. Лисавенко, М. Победы наших колхозов / М. Лисавенко // Советская Сибирь. — Новосибирск, 1936. — 28 дек. (№301).
121. Лисавенко, М. Почта срывает работу мичуринцев в Ойротии / М. Лисавенко // Крестьянская газета. — Москва, 1935. — 2 янв. (№1-2).
122. Лисавенко, М. Превратим Алтай в цветущий сад / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1946. — 16 нояб. (№230).
123. Лисавенко, М. Прекрасно будущее сибирского плодоводства / М. Лисавенко // Крестьянская газета. — Москва, 1933. — 29 дек. (№122).
124. Лисавенко, М. Прекрасный продукт, но плохие торговцы / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1940. — 1 февр. (№13).
125. Лисавенко, М. Пусть цветут сады на Алтае! / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1959. — 4 апр. (№79).
126. Лисавенко, М. Пусть цветут сады! / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1959. — 14 окт. (№242).
127. Лисавенко, М. Пять лет работы Алтайского опорного пункта плодоводства / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1939. — 19 июня (№64).
128. Лисавенко, М. Разведем ягодное хозяйство на пригородных неудобьях / М. Лисавенко // Ленинский путь. — Ачинск, 1932. — №28.
129. Лисавенко, М. Рапорт мичуринского питомника / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1934. — 7 нояб. (№151).
130. Лисавенко, М. Растет и ширится дело Мичурина / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1940. — 8 июня (№73).

131. Лисавенко, М. Садовод живет будущим / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1962. — 27 мая (№124).
132. Лисавенко, М. Садоводство в Алтайском крае / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1939. — 16 июля (№161).
133. Лисавенко, М. Садоводство в Усть-Коксинском аймаке / М. Лисавенко // Знамя Ленина. — 1939. — 9 сент. (№45).
134. Лисавенко, М. Садоводству — производственные масштабы / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1948. — 1 янв. (№1).
135. Лисавенко, М. Сады Алтая / М. Лисавенко // Сельская жизнь. — 1961. — 23 нояб. (№275).
136. Лисавенко, М. Сады Сибири / М. Лисавенко // Правда. — 1965. — 14 мая (№134).
137. Лисавенко, М. Сбылась мечта Мичурина : к годовщине смерти И. В. Мичурина / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1936. — 11 июня (№85).
138. Лисавенко, М. Сибирь будет покрыта садами / М. Лисавенко // Крестьянская газета. — Москва, 1932. — 17 дек. (№82).
139. Лисавенко, М. Снег в саду / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1959. — 17 нояб. (№270).
140. Лисавенко, М. Совещание по северному садоводству / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1940. — 17 дек. (№291).
141. Лисавенко, М. Совещание по северному садоводству / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1940. — 18 дек. (№292).
142. Лисавенко, М. Совещание по северному садоводству / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1940. — 18 дек. (№153), 20 дек. (№154), 22 дек. (№155).
143. Лисавенко, М. Создадим в Ойротии плодово-ягодное садоводство / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1933. — 18 февр. (№16).
144. Лисавенко, М. Создадим городской сад — культурное место отдыха трудящихся / М. Лисавенко // Ленинский путь. — Ачинск, 1932. — 4 окт. (№87).

145. Лисавенко, М. Создать базу озеленения города / М. Лисавенко // Ленинский путь. — Ачинск, 1932. — 10 мая (№46).
146. Лисавенко, М. Сотни тонн овощей и плодов / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1942. — 15 нояб. (№95).
147. Лисавенко, М. Списки составлены небрежно / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1938. — 5 июня (№65).
148. Лисавенко, М. Страна — цветущий сад / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1937. — 1 янв. (№1-2).
149. Лисавенко, М. У барнаульских садоводов / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1945. — 18 июля (№141).
150. Лисавенко, М. У садоводов Сибири / М. Лисавенко // Сельское хозяйство. — Москва, 1959. — 20 марта (№67).
151. Лисавенко, М. Умножим семенные ресурсы / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1941. — 5 июля (№146).
152. Лисавенко, М. Ученый на земле / М. Лисавенко // Сельская жизнь. — Москва, 1965. — 5 июня (№131).
153. Лисавенко, М. Учитесь в заочном институте сельхозобразования / М. Лисавенко // Ленинский путь. — Ачинск, 1930. — 13 сент. (№17).
154. Лисавенко, М. Цвети садам сибирским! / М. Лисавенко // Литературная газета. — 1959. — 8 сент. (№111).
155. Лисавенко, М. Цветь садам / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1967. — 12 мая (№110).
156. Лисавенко, М. Цветут сады / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1946. — 1 мая (№89).
157. Лисавенко, М. Шире дорогу плодово-ягодным культурам / М. Лисавенко // Советская Сибирь. — Новосибирск, 1936. — 28 дек. (№301).
158. Лисавенко, М. Этого нельзя допустить / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1967. — 14 июня (№137).
159. Лисавенко, М. Юные опытники / М. Лисавенко // Алтайская правда. — 1948. — 19 окт. (№210).

160. Лисавенко, М. Ягодники — основа мичуринской работы на Алтае / М. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1934. — 30 июня (№88).
161. Лисавенко, М.А. Мичурин и Алтай / М.А. Лисавенко // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1934. — 20 сент. (№129).
162. Лисавенко, М. А. Переизбрано бюро коллектива охотников / М.А. Лисавенко // Ачинский крестьянин. — 1929. — 11 янв. (№8).
163. Лисавенко, М. А. Победы наших колхозов / М. А. Лисавенко // Советская Сибирь. — Новосибирск, 1936. — 28 дек. (№301).
164. Лисавенко, М. А. Сибири — строчную посадку : (отклик на ст. П. Г. Шитта «Повысить урожай садов») / М. А. Лисавенко // Плодоовощное хозяйство. — 1933. — №8. — С. 31–32.
165. Литература о выставке // Социалистическое земледелие. — Москва, 1939. — 24 авг. (№192).
166. Межрайонное совещание по северному плодоводству // Советская Сибирь. — Новосибирск, 1937. — 4 янв. (№3).
167. Мичурин, И. В. Поздравляю с большой победой / И. В. Мичурин // Пионерская правда. — 1934. — 10 сент. (№117).
168. Мичуринский опорный пункт // Советская Сибирь. — Новосибирск, 1934. — 28 июля (№169).
169. Назарюк, Н. И. М. А. Лисавенко — создатель сортов чёрной смородины на Алтае / Н. И. Назарюк, О. А. Баранова // Состояние и перспективы развития сибирского садоводства : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения М. А. Лисавенко (г. Барнаул, 21-24 авг. 2007 г.) / Россельхозакадемия, Сиб. отд-ние, НИИСС им. М. А. Лисавенко. — Барнаул : Азбука, 2007. — С. 240–246.
170. Овчинникова, О. С. Из истории сибирского садоводства. Предшественники и наставники М.А. Лисавенко / О. С. Овчинникова // Виноградарство в Западной Сибири : материалы Пятой межрегион. науч.-практ. конф., 17 сент. 2011 г. / М-во образования и науки РФ, Бийск. технол. ин-т (фил.)

ФГБОУ ВПО «Алтайский гос. техн. ун-т им. И. И. Ползунова» ; [редкол.: В. А. Харитонов, Н. Н. Фаддеенков (отв. ред.), И. А. Титов] — Бийск, 2012. — С. 95–100.

171. Олониченко, А. А. На заимке / А. А. Олониченко // Сибирские записки. — 1909. — №3. — С. 2–7.

172. Олониченко, А.И. Мои сорта плодовых деревьев / А.И. Олониченко // Советская Сибирь. — 1945. — 30 сент. (№193).

173. Олониченко, А. И. Опыты плодоводства в городе Красноярске Енисейской губ. : (из письма А. И. Олониченко к В. В. Пашкевичу) / А. И. Олониченко // Вестник садоводства, плодоводства и огородничества. — 1909. — Вып. 2. — С. 88–100.

174. Павловский, К. Новые пути в борьбе с болезнями плодово-ягодных культур : на примере борьбы с мучнистой росой крыжовника / К. Павловский, М. Лисавенко // Плодоовощное хозяйство. — 1933. — №1. — С. 45–46.

175. Пантюхов, М. Мастер алтайских садов / М. Пантюхов // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1947. — 5 окт. (№151).

176. Пантюхов, П. Говорят садоводы Алтая / П. Пантюхов // Красная Ойротия. — Ойрот-Тура, 1947. — 8 окт. (№153).

177. Плодовые сады колхозам севера и востока : доклад нар. комиссара земледелия РСФСР Н. В. Лисицына на межкраев. совещании по северному плодоводству // Советская Сибирь. — Новосибирск, 1937. — 5 янв. (№4).

178. Ревердатто, В. Завтра сибирского плодоводства / В. Ревердатто // Советская Сибирь. — Новосибирск, 1945. — 30 сент. (№193).

179. Савилова, О. «Мое дорогое святое семейство» / О. Савилова // Алтайская правда. — 2004. — 2 окт. (№286).

180. Сделаем Алтай краем цветущих садов // Алтайская правда. — 1947. — 4 окт. (№197).

181. Упорников, П. По поводу корреспонденции г. Лисавенко / П. Упорников // Сибирская жизнь. — 1906. — 9 февр. (№31).

182. Федина, Л. А. Исследователи флоры и растительности Уссурийского заповедника им. В. Л. Комарова : (к 90-ле-

тию со дня основания) / Л. А. Федина, С. К. Малышева // Ботанический журнал. — Санкт-Петербург, 2022. — Т. 107, №7. — С. 720–728.

183. Филиппыч, Е. «Планы» Сибпушнины и Ачинский кролиководческий хозяйств / Е. Филиппыч // Советская Сибирь. Новосибирск, 1932. — 24 июля (№163).

184. Фоминых, С. Ф. Повседневная жизнь университетского сообщества г. Томска в период революционных событий 1917 г. / С. Ф. Фоминых, А. О. Степнов // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — №416. — С. 160–170.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

185. М.А. Лисавенко — академик, селекционер, садовод. — URL: http://www.archiv.ab.ru/prosvet/virt_expos/lis_main.html

186. Лисавенко Михаил Афанасьевич // Постигая Алтай : электрон. б-ка Алтай : [сайт] / КГБУ «Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова». — URL: <https://elib.altlib.ru/personalnye/lisavenko-mikhail-afanasevich>.

187. Лисавенко Михаил Афанасьевич Автобиография 1936 г. из фондов ГНУ НИИСС СО РАСХН им. М. А. Лисавенко URL: http://elib.altlib.ru/files_elib/lis027.pdf

188. Лисавенко Михаил Афанасьевич Автобиография 1936 г. из фондов ГНУ НИИСС СО РАСХН им. М. А. Лисавенко (обработка О. А. Барановой) — URL: http://elib.altlib.ru/files_elib/lis029.pdf

189. Митюшев, В. Записки обыкновенного человека / В. Митюшев. — URL: <https://www.mybio.ru/>.

190. Мичурин, И. В. Избранные сочинения / URL: elibrary.tambovlib.ru/?ebook=6081

191. Яблочный спас: из истории садов Красноярья. 22 года спустя. Ч. 1 // День за днем, книга за книгой : [блог библиотечкарей Гос. универс. науч. б-ки Краснояр. края]. — URL: <https://kraevushka.livejournal.com/638476.html>.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

192. П/о института садоводства им. Лисавенко, г. Барнаул // КГКУ «Государственный архив Алтайского края (ГААК)». Ф. П5928. Оп. 1.

193. Лисавенко М. А. // КГКУ «Государственный архив Алтайского края (ГААК)». Ф. Р 1216. Оп. 1.

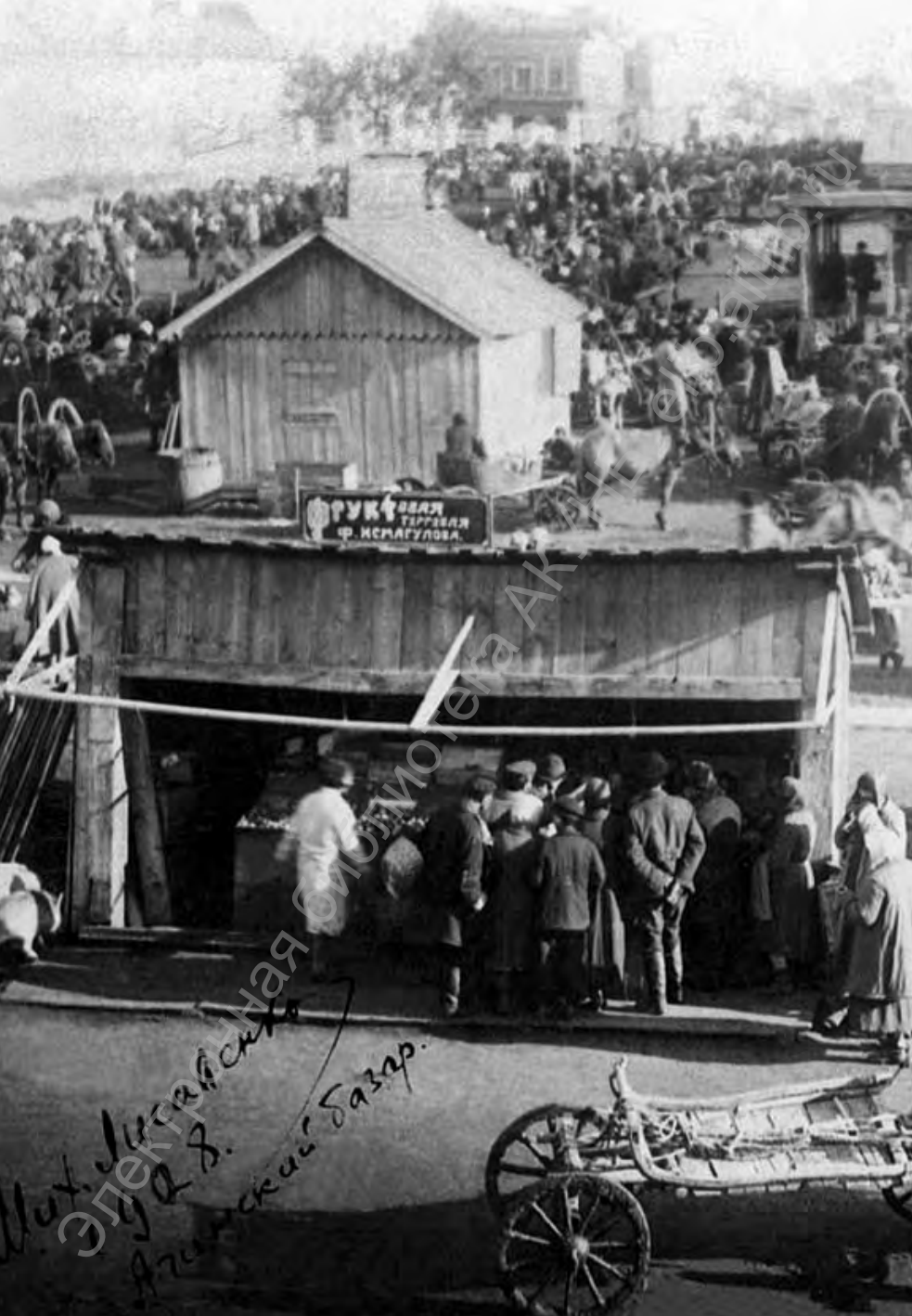
194. Государственное научное учреждение «Научно-исследовательский институт садоводства Сибири СО РАСХН имени М. А. Лисавенко» // ГНУ НИИСС СО РАСХН им. М. А. Лисавенко. Ф. Р 570. Оп. №1, 1Н, 2Н, 3.

195. Отчет о деятельности Секретариата за 1919 год / Енисейск. губ. союз кооперативов. — Красноярск : [б. и.], 1920 (тип. Енис. губ. союза кооперативов). — 68 с. : табл.; 27 см

196. Статьи и заметки, содержащие сведения о работе института (1934-1949, 1975). Машинописные копии, снятые в 1983 году. // КГКУ «Государственный архив Алтайского края (ГААК)». Ф.Р 570. Оп. 1Н. Ед. хр. №1305

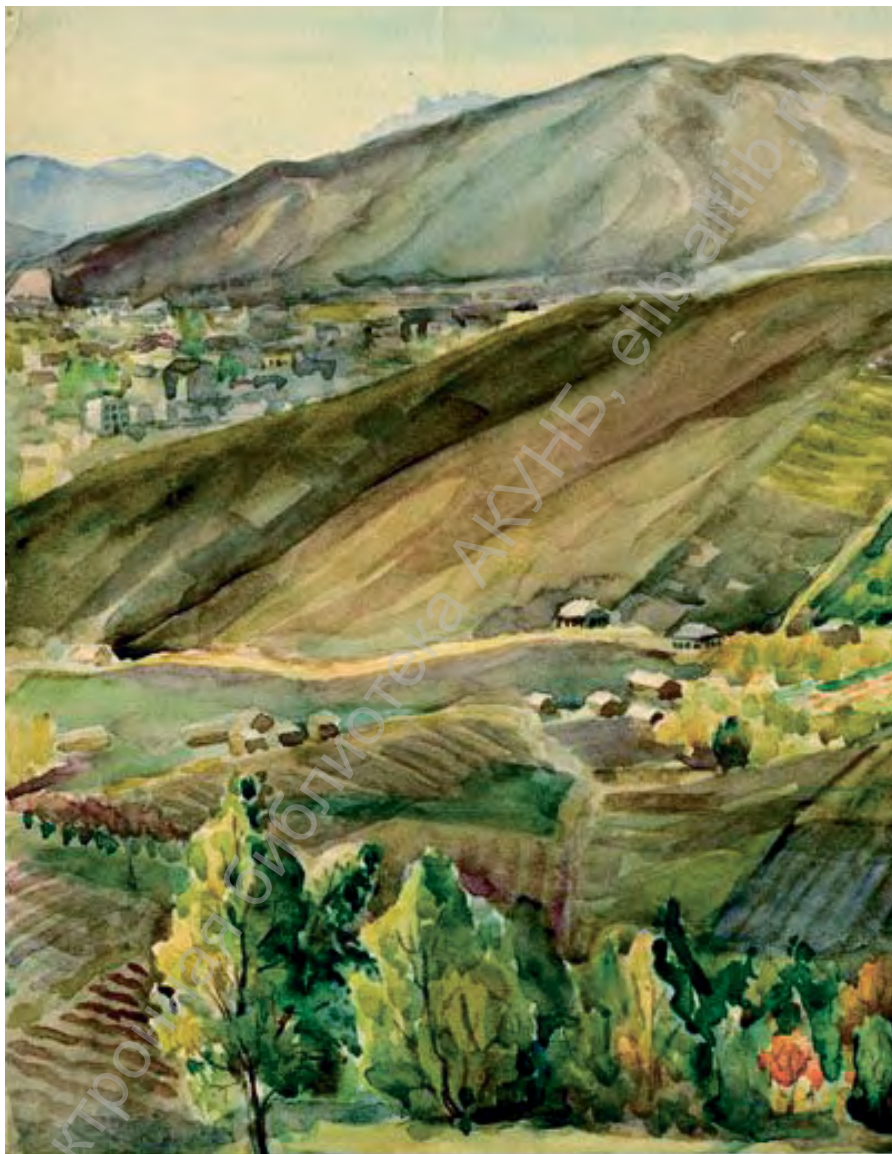

М. А. Лисавенко — студент Томского университета. 1917 г.

Ачинский базар. 1928 г. Автор фото М. А. Лисавенко

Панорама территории Алтайской опытной станции садоводства. Рисунок Т. П. Морозовой. 1944 г.

Электронная библиотека АКА АКУНЬ elb.altib.ru

*М. А. Лисавенко среди молодых цветущих яблонь.
Ойротская автономная область. 1930-е гг.*

Электронная библиотека

М. А. Лисавенко. Ойротская автономная область. 1930-е гг.

М. А. Лисавенко. Ойротская автономная область. 1930-е гг.

М. А. Лисавенко и М. Н. Самойленко. 1930-е гг.

М. А. Лисавенко в саду. 1946 г.

*Сбор урожая на опытной станции.
Ойротская автономная область. 1940-е гг.*

*Сбор урожая на опытной станции.
Ойротская автономная область. 1940-е гг.*

Электронная библиотека
АКУЛЬ, elib.altlib.ru

С Н К С С С Р

КОМИТЕТ
ПО СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ
В ОБЛАСТИ
НАУКИ И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА

1/2 - присужден 11
Иссл.
№ КСП-6 1946 г.

Адрес: Рождественка 11.
К-404-40 д. 80 9.
Телефоны: | КС-45-24

Гос. Лисавенко М. С.

Комитет по Сталинским премиям извещает Вас, что постановлением СНК СССР Вам присуждена Сталинская премия за 1949 год № 417.

Присим сообщить Вам Сталинскую премию, т. е. напечатать присужденную Вами Сталинскую премию, в случае же-лыми из кассы Комитета или через Госбанк. В случае же-лыми из кассы Комитета или через Госбанк, просьба сообщить, в какое отделение

Вам. лания получить деньги через Госбанк, следует перечислить премию для выдачи или Контору Государственного банка следует перечислить премию для выдачи Вам.

Одновременно просим подтвердить Ваш домашний адрес.

Ученый секретарь
Комитета по Сталинским премиям
Главный бухгалтер

К. Минин

А. Степанов

г. Москва в. 332-1500

Письмо М. А. Лисавенко из комитета по Сталинским премиям. 1946 г.

М. А. Лисавенко. 1950-е гг.

М. А. Лисавенко с австрийским прозаиком, публицистом, драматургом Фрэнсисом Джозефом Харди. 1963 г.

М. А. Лисавенко на крыльце своего дома. г. Барнаул. 1960-е гг.

М. А. Лисавенко. 1960-е гг.

М. А. Лисавенко. 27 апреля 1967 г.

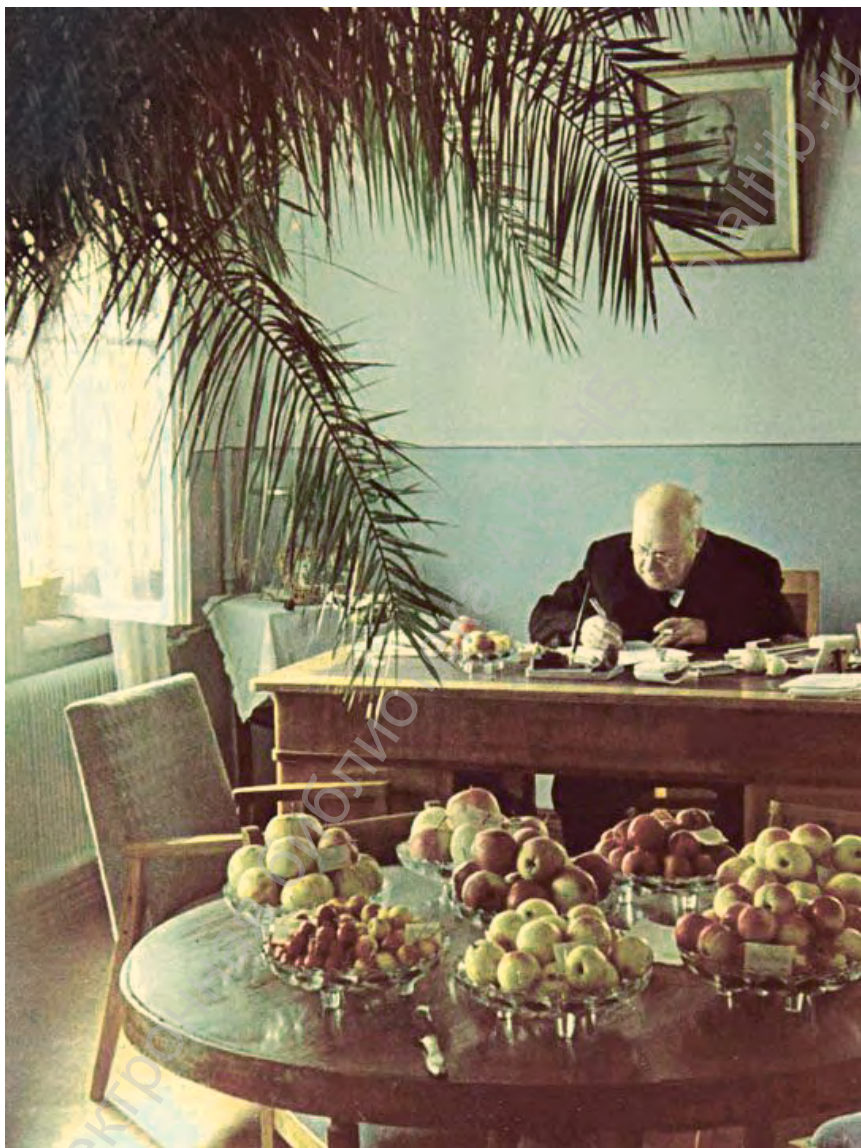
Зинаида Ивановна Лучник. 1960-е гг.

*Мария Павловна Фатерина, ветеран
Научно-исследовательского института
садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко*

*Ольга Александровна Баранова, заместитель директора
по научной работе (с 1972 по 1994 гг.)
Научно-исследовательского института садоводства
Сибири имени М. А. Лисавенко,
специалист в области питомниководства ягодных культур*

М. А. Лисавенко за рабочим столом. г. Барнаул. 1960-е гг.

Стол М. А. Лисавенко, подаренный отцом. Ныне является экспонатом музея Научно-исследовательского института садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко. г. Барнаул

Экспонаты музея Научно-исследовательского института садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко. г. Барнаул

Кабинет М.А. Лисавенко в Научно-исследовательском институте садоводства Сибири им. М.А. Лисавенко, г. Барнаул

*Памятник М. А. Лисавенко
перед зданием Научно-исследовательского института
садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко в Барнауле*

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо вступления.....	5
ГЛАВА I. КОРНИ.....	9
ГЛАВА II. ДРЕВО ЖИЗНИ.....	101
ГЛАВА III. ПЛОДЫ.....	223
Эпилог.....	279

Историко-биографическая серия

Теплякова Наталья Викторовна
Тепляков Сергей Александрович

Михаил Лисавенко

В книге использованы материалы и фотографии фондов Государственного архива Алтайского края, фондов НИИ садоводства Сибири им. М. А. Лисавенко, фотографии из семейного архива М. А. Лисавенко, Анны Зайковой, из доступных интернет-источников. В цитатах сохранены авторская стилистика, орфография и пунктуация.

Редактор: С. А. Макаренко
Корректор: В. М. Каркавин
Дизайн: Ю. В. Раменская
Верстка: Е. П. Василенко

Подписано в печать 23.10.2023 г.

Формат 84x108/32 Печать офсетная. Бумага мелованная.

Тираж 2500 экз. Заказ №5262

Отпечатано в типографии Юнисет (ИП Воротников Д. А.)
660075, Россия, г. Красноярск. ул. Республики, д. 51, стр. 1.
тел. 8 (391) 278-31-42, эл. почта: info@uniset24.ru

